

Е. А. БЕЛЯЕВ

АРАБЫ, ИСЛАМ
И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ
В РАННЕЕ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Второе издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1966

Территория современных арабских стран в начале средних веков входила в состав двух могущественных держав того времени - Византии и сасанидского Ирана.

Византийская, или Восточная Римская империя со столицей Константинополем с 395 г., когда произошёл окончательный политический распад Римской империи, стала вполне самостоятельным государством. Из 14 диоцезов империи в состав Византии вошло восемь. Это были области Балканского полуострова и Малой Азии

(Анатолия) и будущи страны Арабского Востока, также владения в Закавказье и в современной Южной Украине. Сирия, Ливан и Палестина (Израиль и Западная Иордания) были завоеваны римлянами в I в до н. э. Египет был включен в Римскую империю в 3 в. до н. э. В VI в. в состав Византии вошла восточная часть Северной Африки (Тунис и часть Алжира), до того господствовали вандалы (в V и начале VI в.).

Вопрос о характере общественного строя и производственных отношений в ранней Византии (V—VII вв.) окончательно еще не выяснен советскими историками-византинистами. Некоторые из них полагают, что византийское общество в то время было уже раннефеодальным, так как феодальный способ производства становился в нем ведущим, а рабовладельческие отношения сохранялись только в виде отмирающего уклада. Но в настоящее время преобладает другая точка зрения, более соответствующая исторической действительности: именно в Византии происходил медленный процесс разложения рабовладельческих отношений и зарождения феодализма¹.

¹ «Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 86.

Кризис рабовладельческого строя в восточных провинциях Римской империи не имел такого острого и бурного характера, как на Апеннинском полуострове, где происходили мощные восстания рабов. Восточная Римская империя, в которую вошли страны древневосточных цивилизаций, достигшие еще в глубокой древности и в период эллинизма высокого уровня развития общественного производства и культуры, обладала гораздо большими экономическими ресурсами по сравнению с Западной Римской империей.

В общественном производстве ранней Византии большую роль играли также свободные общинники, имевшие свои земельные наделы. Рабовладельческий способ производства не только сохранялся, но и имел очень большое экономическое значение. В этом заключалось существенное отличие социально-экономического строя ранней Византии от Западной Римской империи в которой кризис рабовладельческого строя и установление военно-политического господства германских и других варварских завоевателей открыли путь для беспрепятственного развития новых, феодальных отношений.

Восточная Римская империя, сумевшая сдержать варваров на своей дунайской границе, отстояла государственную независимость. Она сохранила и управленческий аппарат, образовавшийся в результате реформ императоров Диоклетиана и Константина. Этот административно-фискальный аппарат, основной обязанностью которого была налогово-податная эксплуатация населения, совместно с многочисленным наемным войском обеспечивал господство крупной землевладельческой аристократии. Византийский император, обладавший деспотической властью, и окружавшая его аристократия (преимущественно греческая) старались сохранить старые рабовладельческие отношения, всемерно препятствуя развитию феодализма.

Самодержавной власти императора подчинялась и православная церковь. Служа опорой императорского самодержавия, церковь (в лице константинопольского патриарха, а также на вселенских и поместных соборах) беспрепятственно допускала вмешательство императора не только в сферу церковного управления, но и в область вероучения, признавая его верховный авторитет при разрешении различных догматических споров.

В переходный период, который переживала ранняя Византия, во владениях крупных землевладельцев (как светских, так и церковных) начали применять новые способы ведения хозяйства и эксплуатации непосредственных производителей. В латифундиях (т. е. в крупных земельных владениях, обрабатываемых рабами) стали использоваться такие формы, при которых основной производитель был заинтересован в повышении производительности своего труда. С этой целью многим рабам давали земельные наделы и сельскохозяйственный инвентарь, оставляли им некоторую часть выработанного ими прибавочного продукта. Часть рабов переводили на положение вольноотпущенников, предоставляя им относительную свободу трудовой деятельности, но оставляя их в личной зависимости от своих господ.

Гораздо большее значение в сельскохозяйственном производстве стал иметь труд колонов. Это были юридически свободные земледельцы, не только обрабатывавшие участки, полученные от крупных землевладельцев, но и имевшие свою мелкую земельную собственность и свой инвентарь. Наряду с такими «свободными» колонами имелось немало так называемых приписных колонов (энапографов), которые не обладали личной земельной собственностью. Их положение почти не отличалось от положения рабов, посаженных на землю. К тому же они и их потомки были прикреплены к земле, лишены права перехода от одного землевладельца к другому.

Колоны, как и посаженные на землю рабы, были обязаны отдавать от одной пятой до половины урожая. Сверх этого они были обременены барщиной, будучи обязаны безвозмездно работать в страдную пору сева и уборки урожая.

Крупнейшим землевладельцем был византийский император, который бесконтрольно распоряжался огромным фондом государственных земель. Императора окружала многочисленная паразитическая придворная знать, состоявшая преимущественно из крупных землевладельцев. Наиболее жадным и беспощадным крупным землевладельцем было греко-православное высшее духовенство (и особенно верхний слой монашества), которое ловко эксплуатировало социальную придавленность и невежество верующего простонародья. Они превратили в обильный источник своего материального благосостоя-

ния не только обширные земельные владения, но также такие объекты невежественного почитания, как чудотворные иконы, мощи и святые места.

Наиболее влиятельные группировки господствующего класса проводили политику закабаления зависимых от них земледельцев. Они произвольно повышали натуральную плату, вносимую им колонами за землю, увеличивали барщину, изыскивали все новые способы ограбления. В ранней Византии еще сохранялись свободные земледельческие общины, члены которых платили подати в государственную казну и не зависели от землевладельцев. Последние, пользуясь полным бесправием земледельцев, силой захватывали общинные земли, а до того свободных общинников ставили в положение зависимых колонов, а то и безземельных арендаторов ранее им же принадлежавшей земли.

Положение городских трудящихся было не менее тяжелым. Ремесленники не только обслуживали господствующий класс и богатое купечество, но и поставляли свою продукцию для внешней торговли. Изделия византийских ремесленников, отличавшиеся высоким совершенством выработки и изяществом, пользовались большим спросом во многих странах. В ремесленном производстве еще весьма распространенным был труд рабов, хотя основной фигурой уже стал юридически свободный производитель.

Высокого совершенства достигло текстильное производство. Оно было развито не только в Константинополе и других больших городах Балканского полуострова, но и в азиатских и африканских провинциях империи. Сырьем служили преимущественно лен, пенька и шерсть. Особое место занимало шелкоткацкое производство, которое было связано с изготовлением высококачественной парчи для парадных одеяний господствующего класса и для облачения служителей христианского религиозного культа.

До VI в. шелк-сырец поступал в Византию из Китая и Ирана. Передвижения кочевых племен в Азии, образование мощных союзов этих племен (так называемых кочевых империй) породили затруднения для караванной торговли со странами Дальнего Востока по знаменитому «шелковому пути». Морская торговля с Индией, видимо, не могла вполне обеспечить потребность Визан-

тии в шелке. Приходилось покупать шелк у купцов из Ирана, с которым Византия часто находилась в состоянии войны. Кроме того, иранские правители и купцы, пользуясь своим почти монопольным положением, повышали цены на шелк. Попытки византийцев наладить свое шелководство не могли увенчаться успехом из-за отсутствия червей-шелкопрядов, дать которых упорно отказывались иранские власти.

Положение изменилось, когда, как гласит предание, христианским монахам-пилигримам, возвращавшимся с востока в Византию, удалось, обманув иранскую пограничную стражу, пронести яйца шелколичных червей в специально для этого сделанных полых посохах. Этих червей откормили на тутовых листьях в Сирии, которая и стала первой шелководческой провинцией в Византии².

Наряду с текстильным было развито кожевенное производство и изготовление обуви, в том числе сафьяновых и замшевых сапог, вышитых цветными шелками, жемчугом и бисером. Конечно, потребителями этой дорогой обуви могли быть только богачи, а простой народ (особенно в азиатских и африканских провинциях с жарким климатом) довольствовался грубыми сандалиями.

Большое значение имела добыча руды и обработка металлов (меди, железа, олова, цинка и бронзы), изготовление металлической посуды, оружия и сельскохозяйственных орудий ручного труда. Роскошный образ жизни знати, городских богачей и князей церкви вызывал спрос на ювелирные изделия и на продукцию художественных ремесел. Ремесленники достигли высокого совершенства и даже виртуозности в изготовлении драгоценных украшений, художественных предметов быта, церковной утвари.

Совершенными способами производства стекла и стеклянной посуды обладали ремесленники в Ливане и Сирии, хранившие традиции и секреты производства древних финикийцев. Египет славился изготовлением папируса, являвшегося не столь дорогим письменным материалом, как пергамент. При отсутствии тогда еще неизвестной бумаги египетский папирус пользовался большим спросом как в Азии, так и в Западной Европе.

² «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. проф. Н. П. Грацианского и проф. С. Д. Скаэкина, т. I, М., 1939, стр. 174,

С ремесленниками-кустарями и владельцами небольших мастерских, иногда не имевшими средств на приобретение сырья, успешно конкурировали императорские и монастырские мастерские.

В димах, т. е. органах городского самоуправления, деятельностью которых руководили богатые горожане, ремесленники не находили ни помощи, ни защиты.

Зодчество тоже стояло на высоком уровне, о чем могут свидетельствовать памятники христианской архитектуры, лучшим из которых признавался собор Святой Софии, воздвигнутый в Константинополе в VI в.

Географическое положение Византии и сравнительно высокий уровень ее экономического развития благоприятствовали внешним торговым сношениям. В отличие от Западной Римской империи, завоеванной варварами и перешедшей уже в раннем средневековье к натуральному хозяйству, в ранней Византии были развиты товарное производство и товарно-денежные отношения. Основанные еще в эпоху древности и в период эллинизма города начинают быстро расти за счет притока сельских жителей, бежавших из деревень от непосильных податных тягот; города являлись центрами ремесленного производства и торгового обмена.

Крупнейшим городом Византийской империи была её столица Константинополь, «золотой мост между Востоком и Западом», по определению К. Маркса. Немного уступали столице по своему экономическому и культурному значению Антиохия в Сирии и Александрия в Египте. Другие крупные города имели большое значение как торговые порты (например, Фессалоники, Бейрут, Триполи Сирийский) или как пункты скрещивания караванных путей (например, Дамаск). Иерусалим, наиболее популярный город в древнеиудейских и христианских мифах, легендах и преданиях, был объектом религиозного паломничества для всего обширного христианского мира.

Ранняя Византия продолжала вести торговлю со странами Востока, используя внешнеторговые связи и торговый опыт древних римлян. Но караванная торговля с Китаем, как мы видели, оказалась сопряженной с препятствиями и убытками, поскольку усилившиеся кочевники взимали непомерные поборы за безопасное прохождение караванов по их обширным кочевьям, а иногда

попросту грабили купцов. При сокращении торговли с Китаем повысилось значение торговых сношений с Индией через Красное море, по которому греческие, сирийские и египетские торговые корабли проникали в Индийский океан и, пользуясь попутными муссонами, приставали к берегам Цейлона. Преимущественным предметом спроса византийских купцов был шелк, который им не всегда удавалось купить на тамошнем рынке. Купцы из Ирана нередко перехватывали этот товар, который затем перепродавали в Византии.

На этом же морском торговом пути находилась Южная Аравия, поставлявшая в Византию благовония. Из них сравнительно много требовалось ладана, потреблявшегося при отправлении христианского культа. Товары из Южной Аравии доставлялись также верблюжьими караванами через Западную Аравию по древнему «пути благовоний». Проводником византийской политики в районе Красного моря выступала Эфиопия (Аксумское царство), а орудием этой политики служило христианство. Эту религию господствующий класс Эфиопии воспринял в IV в. от египетских проповедников. В том же веке аксумиты стали совершать вооруженные нападения на Йемен, сопровождая их пропагандой христианства, йеменцы (главным образом жители Саны и особенно Неджрана), принявшие христианство, превратились в ревностных сторонников византийского влияния. Это влияние, осуществлявшееся с помощью эфиопов, обеспечивало безопасность византийской торговли с Индией³.

Византийская торговля на Средиземном море значительно расширилась при императоре Юстиниане (527 - 565), когда частично была осуществлена политика восстановления Римской империи. В результате успешных, но изнурительных войн с готами и вандалами византийские войска и флот завоевали Италию, острова западного Средиземноморья, часть Пиренейского полуострова и Северной Африки (современная территория Туниса и Восточного Алжира). В завоеванных государствах на территории бывшей Западной Римской империи византийский император и окружавшая его знать пытались произвести реставрацию рабовладельческих отношений.

³ Н. В. Пигулевская, Византия на путях в Индию, М., - Л., 1951.

Это вызвало массовые восстания рабов и колонов, вследствие чего новые территориальные приобретения Византии оказались очень непрочными. В Северной Африке византийская армия Велисария легко разбила вооруженные силы вандалов, но встретила упорное сопротивление со стороны коренного берберского населения, особенно кочевников. Византийское господство было установлено только на побережье и в районах крепостей внутри страны. Византийцы не были сброшены в море лишь благодаря непримиримой вражде между оседлыми берберами (земледельцами и горожанами) и берберами-кочевниками⁴.

Завоевательные походы, оккупация завоеванных стран и подавление восстаний покоренного населения приводили к истощению сил и средств империи. Нередко бунтовали солдаты византийских войск, которые иногда подолгу не получали жалованья; военная добыча, подати, контрибуция и земельные владения присваивались высшим военным командованием. Изыскивая необходимые средства, византийское правительство усиливало давление налогово-податного пресса. Вследствие этого тяжелое положение трудящихся масс подчас становилось совершенно невыносимым. В царствование Юстиниана мощная волна народных восстаний прокатилась как по Балканскому полуострову, так и по восточным провинциям. Наряду с активной борьбой рабов и колонов на сельской периферии происходили бурные волнения городских плебейских масс. Наиболее активным участником волнений выступал люмпен-пролетариат. Подобно античным римским пролетариям, этот довольно многочисленный слой населения больших городов, не имея ни работы, ни постоянных средств существования, требовал «хлеба и зрелищ» от правительства и муниципальных учреждений. Бесплатно раздававшиеся им мука и зерно доставлялись в Константинополь морем из Египта, являвшегося житницей византийской столицы.

Во время наиболее крупного восстания жителей этого города, которое было известно под названием «Ника» (532 г.), император Юстиниан и его свита оказались в таком тяжелом положении, что собирались бежать на военных кораблях в африканские владения империи. Но

⁴ Ш.-А. Жюльен, История Северной Африки, т. I, гл. 10, М., 1961.

наемным солдатам под командованием Велисария удалось загнать основную массу восставших в здание цирка, где было перебито около 35 тыс. человек.

При преемниках Юстиниана, в конце VI в., наблюдалось резкое ослабление империи. От нее отпали завоеванные территории на западе; но Северная Африка осталась под относительным господством Византии. Крупные восстания рабов, колонов и закрепощаемых общинников потрясли Сирию, Палестину и Египет; опять поднялся плебс в Константинополе, была охвачена восстанием дунайская армия. В Византийской империи разгоралось пламя гражданской войны.

Исключительно важную роль в истории Византии того времени сыграли славяне. Славянские племена, наступление которых на империю сдерживалось византийской армией на дунайской границе в первой половине VI в., в последней четверти этого века прорвались через границу и мощными потоками разлились по Балканскому полуострову. К середине VII в. славяне расселились почти по всему полуострову, а часть их переправилась в Малую Азию. Поскольку у славян господствовали первобытнообщинные отношения, они не использовали существовавший аппарат классового насилия и податной эксплуатации. В завоеванных и заселенных ими областях славяне значительно облегчили положение рабов и податного населения, но императорские земли и имения крупных землевладельцев подвергли разграблению. Вполне естественно, что трудящиеся массы видели в славянах своих союзников и избавителей от гнета.

Народные восстания и славянская колонизация привели к существенным изменениям в социально-экономическом строе Византии. Рабовладельческий способ производства утратил свое первенствующее значение. Значительная часть земельной собственности рабовладельческой аристократии перешла во владения славянских земледельческих общин и местных земледельцев, вследствие чего повысилось экономическое значение свободного производителя-общинника. Важно было также и то, что славяне поставляли в византийские армии очень хороших солдат.

Занявший в то время византийский престол император Ираклий (610—641) был представителем провинциальной землевладельческой знати, не противившейся

становлению новых, феодальных отношений. В своей внутренней политике, которую была вынуждена поддерживать и старая землевладельческая греческая знать, напуганная развитием гражданской войны и частичной экспроприацией ее земельной собственности, Ираклий разумно воспринял создавшееся положение и новую расстановку социальных сил.

Наиболее крупные события внешней политики были связаны с византийско-иранскими войнами. В 611 г. иранские войска сасанидского шахиншаха Хосрова II завоевали Сирию, взяв Антиохию и Дамаск, в 614 г. вторглись в Палестину и взяли приступом Иерусалим. После этих завоеваний иранское войско, пройдя по Малой Азии, достигло восточного берега Босфора и разбило свой лагерь у современного Скутари. Другое иранское войско в 618—619 гг. вторглось в Египет и взяло Александрию.

Получив большие денежные средства от греко-православной церкви, Ираклий сформировал боеспособную армию, которая под его командованием в 622—628 гг. предприняла три «персидских похода». В 627 г. эта армия нанесла решительное поражение иранским силам у развалин Ниневии, под современным Мосулом, осадила иранскую столицу Ктесифон и подошла к Дагесте, летней резиденции сасанидских царей.

По мирному договору с Ираном Византии были возвращены ее восточные провинции. Ираклий обложил высокими налогами население Сирии и Палестины, которое уже было ограблено иранскими оккупантами. Для уплаты долга византийской церкви Ираклию требовались большие денежные средства. Кроме того, он хотел покарать жителей провинций за проявленное ими желание находиться под господством Ирана.

Ираклий проводил традиционную религиозную политику византийских императоров, которые неизменно выступали в роли ревностных защитников православия и беспощадно преследовали христианских сектантов и иноверцев. Православная церковь всегда была опорой византийского самодержавия, оправдывала и освящала существовавший строй неравенства и эксплуатации. Различные антиправославные вероучения и церковные организации являлись идеологическим выражением протеста народных масс против византийского господства.

В восточных провинциях Византии широкое распространение получили несторианство и монофизитство.

Под видом защиты и охраны чистоты православной догматики византийское духовенство при содействии светских властей преследовало несториан в Сирии, Ливане и Палестине и монофизитов. Несторианство, объявленное еретическим учением на третьем Вселенском соборе в Эфесе в 431 г., имело много приверженцев среди христиан в Сирии и Месопотамии. Главным штабом несторианской пропаганды была их высшая духовная школа в Эдесе. В конце V в. по приказу из Константинополя эта школа была закрыта, а преподаватели и ученики разогнаны. Они нашли убежище на территории Иранского царства, в г. Нисибии, в Верхней Месопотамии. Здесь они пользовались покровительством сасанидских шахиншахов, которые видели в них непримиримых противников Византии.

Монофизитство, возникшее в Египте в первой половине V в., было осуждено как ересь на четвертом Вселенском Халкидонском соборе в 451 г. Но монофизитские проповедники, осуждавшие стяжательство, богатство и распущенность православного высшего духовенства, лицемерие, корыстолюбие и разврат монахов, пользовались большой популярностью в народных массах. Главная же опасность монофизитства для правящих кругов Византии заключалась в том, что оно стало знаменем сепаратизма в восточных провинциях империи. Поэтому к монофизитству примкнули не только народные массы в этих провинциях, но и значительная часть провинциальных землевладельцев и богатых горожан, тяготевшихся византийским господством. Борьба византийских властей и греко-православного духовенства против монофизитов иногда выражалась в массовых кровавых гонениях. Так, в Египте монофизитов истребляли в домах и на улицах, а трупы убитых бросали в Нил. Для греческого православного духовенства христианские сектанты являлись не только идеологическими противниками: они создавали угрозу потери высших церковных должностей и связанных с ними крупных доходов в восточных провинциях империи. Следует иметь в виду, что в этих провинциях существовало засилье греческого духовенства. Константинопольскому вселенскому патриарху, являвшемуся верховным иерархом православной церкви, под-

чинялись антиохийский, иерусалимский и александрийский православные патриархи, считавшиеся верховными архипастырями в восточных провинциях. Эти весьма выгодные церковные должности обычно замещались греками, равно как и места митрополитов, епископов и настоятелей наиболее богатых монастырей.

Убедившись в невозможности расправиться с монофизитами силой, часть греко-православного духовенства готова была пойти с ними на компромисс. После возвращения восточных провинций в состав Византии в результате «персидских походов» император Ираклий предложил православным и монофизитам принять новый догмат о единой воле у Христа при наличии двух природ в нем. Это учение, известное под названием монофелитства, должно было примирить монофизитов с православными. Но попытка успеха не имела, так как суть дела заключалась не в догматических расхождениях, а в социально-политических противоречиях, которые оказались неразрешимыми в тяжелой обстановке византийского господства над народами Ближнего Востока. Монофелитское вероучение впоследствии восприняла только маронитская церковь, до наших дней имеющая приверженцев в Сирии и Ливане⁵.

* * *

Могущественным противником Византии в борьбе за господство в Передней Азии и на Индийском океане выступало Иранское царство Сасанидов. Сасаниды сменили парфянских Аршакидов, которые в I в. до н. э. вступили в борьбу с римлянами, стремившимися завоевать Армению и Месопотамию и проникнуть к берегам Персидского залива.

Аршакиды с особенной энергией отстаивали в борьбе с римлянами Междуречье, где находилась столица их государства — Ктесифон, расположенный на обоих берегах Тигра. Это была экономически самая развитая и богатая провинция, наиболее густо населенная. Ее южная часть, прежняя Вавилония, была страной очень древней земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении. При Сасанидах (224—651) Между-

⁵ А. А. Васильев, Лекции по истории Византии, гл. 5, Пг., 1917

речь сохранило свое исключительное экономическое и стратегическое значение.

Социально-экономический строй, господствовавший в обширном царстве Сасанидов, и происходившие в нем процессы еще не вполне выяснены. Это объясняется недостатком надежных источников, которые к тому же не вполне исследованы⁶. Данные современной науки позволяют установить, что в Парфянском государстве Аршакидов существовали два способа производства — рабовладельческий и первобытнообщинный. Первый из них был ведущим в плодородной Вавилонии, стране древнего ирригационного земледелия.

При Сасанидах рабский труд сохранил свое важное значение в земледелии. Ряд ученых обращают внимание на использование труда римских военнопленных в Вавилонии, Хузистане (древней Сузиане) и Фарсе. Так, римские легионы под командованием императора Валериана, окруженные и вынужденные к капитуляции иранским войском Шапура I в 260 г. под Эдессой, были пригнаны в бассейн р. Каруна и работали на положении рабов, возводя грандиозные ирригационные сооружения. Вообще римских военнопленных сасанидское командование обращало в рабство и направляло на работы в оросительной системе. Некоторые исследователи не без основания полагают, что при первых Сасанидах походы иранских войск в пределы Византийской империи имели одной из основных целей захват пленных для пополнения государственных рабов⁷.

Но даже в Междуречье, где рабовладельческие отношения господствовали более четырех тысячелетий, рабы в IV—V вв. утрачивали свою ведущую роль в общественном производстве. В качестве основных производителей на первый план выступали земледельцы-общинники. При разложении земледельческой общины выделявшаяся из нее верхушка постепенно захватывала общинную землю и воду. Превращая их в свою собственность, она закрепощала рядовых общинников, отбирая у них прибавочный продукт, а потом часть основного продукта. Владелец системы орошения, созданной его рабами, отда-

⁶ Н. В. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье М — Л., 1956.

⁷ Там же, стр. 100.

вал земледельцу в аренду орошаемые участки земли и взимал с него условленную часть продуктов (урожая). Так зарождалась феодальная рента и появлялась зависимость производителей от собственников средств производства.

В процессе становления феодализма в Сасанидском царстве (и прежде всего в его экономически развитых областях) появилась новая социальная категория, известная под названием «всадник». Это был мелкий (иногда, возможно, средний) землевладелец, получивший земельное владение за свою службу в кавалерии.

Важную социально-политическую роль играла землевладельческая аристократия, часть которой сохранила владения и власть еще со времен Аршакидов. В своих обширных владениях она использовала рабов и вместе с тем осуществляла господство над земледельческими общинами и кочевыми племенами. Некоторые из этих аристократических родов пользовались политической независимостью в своих наследственных областях и упорно сопротивлялись централизаторской политике, которую начали проводить уже первые Сасаниды. Политическим союзником землевладельческой аристократии выступало зороастрийское жречество во главе с верховным жрецом — мобедан-е мобедом. Этот высший слой духовенства тоже владел обширными землями и другими видами недвижимой собственности, а кроме того, получал большие доходы в виде поборов с верующих. Совместно с землевладельческой аристократией он ограничивал самодержавие сасанидских шахиншахов. Приписываемый основателю династии принцип, что трон служит опорой алтаря, а алтарь — трона, осуществлялся только в отношении трудящихся масс, особенно во время их восстаний. На самом же деле между сасанидским самодержавием, с одной стороны, и аристократией и высшим жречеством — с другой, велась непрерывная, временами очень упорная борьба за власть. В этой борьбе преобладавшей стороной оказывались аристократия и жречество.

Поэтому сасанидские шахиншахи пытались найти таких союзников, которых они могли бы использовать как надежную опору. Уже второй представитель династии — Шапур I (241—272) сделал попытку расширить социальную базу своего господства и воспользоваться

новым идеологическим оружием. С этой целью он стал покровительствовать возникшему тогда вероучению манихейства. Полулегендарный основатель этой религии, бывший зороастрийский жрец Мани выступил с проповедью дуалистического учения, принципиально не отличавшегося ни от зороастрийского, ни от христианского дуализма. Как и в этих двух религиях, в манихейском вероучении все процессы, происходящие во Вселенной и в истории человеческого общества, представлялись в виде непрерывной борьбы двух начал — доброго и злого или светлого и темного. В человеке эти два начала заложены в виде души, являющейся порождением светлого начала, и тела, порождения темного начала. Человек должен содействовать победе светлого начала, для чего ему надлежит подавлять естественные потребности своего организма. Он должен вести сугубо воздержанный образ жизни (быть вегетарианцем, избегать житейских соблазнов и даже воздерживаться от брачных отношений), чтобы освободить свою душу из «темницы тела».

Собственно говоря, манихейство являлось зороастризмом, в который были введены христианские идеалы аскетизма и подвижничества. Следует иметь в виду, что в Ираке, наиболее передовой провинции Сасанидского государства, основное население было не иранским, а семитическим, арамейским по языку, состоявшим из прямых потомков древних вавилонян (халдеев) и ассирийцев; имелось также немало евреев, исповедовавших иудейскую религию; это были потомки евреев, оставшихся в Междуречье после «вавилонского плена», и присоединившиеся к ним евреи диаспоры.

Допуская пропаганду манихейства, Шапур I как представитель сасанидского самодержавия преследовал тройную цель. Во-первых, превратив манихейство в государственную религию с зависимым от шахиншаха и послушным ему жречеством, он получал в свои руки новое эффективное средство воздействия на народные массы. Во-вторых, он мог рассчитывать на установление религиозного единства всех своих подданных, в том числе христиан. В-третьих, он нанес бы сокрушительный удар по зороастрийскому жречеству и косвенно по старой аристократии.

Аристократия и высшее жречество оказали этой

религиозной политике Шапура такое решительное противодействие, что он отказался от всяких сношений с манихеями. К тому же в манихейском учении, когда оно получило распространение в социальных низах городского населения, стали проявляться тенденции, направленные против государства как органа насилия и против всех форм и видов социального и политического угнетения.

Торжество аристократии и высшего жречества в борьбе с шахиншахом привело к длительной политической неустойчивости, которая способствовала усилению произвола и эксплуатации трудящихся масс. После Шапура I, в течение трех десятилетий, придворная знать возвела на сасанидский престол и низвергла с него шесть царей. Чтобы закрепить свое руководящее положение в государстве, в 309 г. она провозгласила шахиншахом Шапура II, когда он был еще грудным младенцем, а по другим сведениям, еще находился в утробе своей матери. Правда, этот шахиншах, достигнув совершеннолетия, сумел обуздать знать в интересах своей личной власти. Он опирался на войско которое одерживало успехи в войнах с Римом.

Но после его смерти в 379 г. знать совместно с высшим жречеством вновь пыталась ограничить самодержавную власть сасанидских государей. Так, например, она отстранила от государственных дел шахиншаха Бехрам Гуру (420—438), предоставив ему возможность заниматься только охотой, музыкой и любовью. Один из его преемников, Фируз (459—484), пал жертвой заговора знати, которая допустила на престол его сына Валаша (484—488) только после его торжественной клятвы уважать привилегии (т. е. произвол и самоуправство) знати в делах государственного управления.

Долговременное пребывание знати у кормила государственного управления сопровождалось упадком производительных сил. Это было вызвано тем, что представители крупного землевладения получали полную возможность осуществлять ничем не ограниченную бесконтрольную эксплуатацию производителей, нарушавшую общегосударственные интересы и соединенную к тому же с расхищением государственных средств. Упадок производства сочетался с проявлениями сепаратизма со стороны провинциальной владетельной знати, что

приводило к фактическому отпадению целых областей и к междоусобной борьбе их правителей.

В годы народных бедствий, вызванных голодом и повальными болезнями, корыстолюбивые служащие государственного фиска и жадные откупщики, а также землевладельцы продолжали грабить трудящихся. Нестерпимо бедственное положение последних вызвало широкое народное движение, принявшее форму маздакизма.

Массовое маздакитское движение, охватившее в конце V и начале VI в. Междуречье, получило грубо искаженное изображение в сочинениях последующих феодальных историков Ближнего Востока. Мусульманские средневековые писатели представляют маздакитов в ложном виде аморальных смутьянов, неистово предававшихся грабежу и разврату, а их руководителя Маздака — в виде наглого обманщика, бессовестного шарлатана, страдавшего непомерным властолюбием. Советские историки сумели, сняв покров лжи и клеветы, брошенный на маздакизм восточными феодальными идеологами, рассмотреть подлинную сущность этого движения¹.

Маздакитское движение началось в Ктесифоне, в котором число голодавших и недовольных быстро возросло за счет бежавших из сельских местностей, откуда людей гнали голод и налоговые притеснения властей. Руководство движением, которое историческое предание олицетворяет в образе Маздака, потребовало открыть государственные и частные склады муки и зерна, чтобы удовлетворить насущные потребности возбужденного, голодавшего населения столицы. Маздакитские проповедники одобряли намерение голодавших взять продовольствие силой, если его не дадут добровольно.

За основу своей идеологии маздакиты взяли манихейство, несколько видоизменив его. Это религиозное учение, проникнутое пессимизмом, было упадочным и беспомощным. Уже в самом начале движения маздакиты стали говорить, что основной причиной голода и других народных бедствий является неравномерное распределение имущества и земных благ. Следовательно, для установления всенародного благополучия и достатка необходи-

¹ Там же, стр. 278—316; Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленицкий, История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958, стр. 56—59.

мо перераспределить эту собственность, лишить богатых их экономического и политического господства. По мнению маздакитов, этого было возможно достигнуть только путем возврата к тем отношениям и к тому строю, которые были присущи первобытным земледельческим общинам. Общинный строй они представляли как наиболее совершенную форму общества, где не было имущественного неравенства, а следовательно, не было ни господства, ни угнетения.

Учение маздакизма отражало интересы и чаяния труженников земли, подвергавшихся закрепощению в период становления феодализма. Все более страдая от новых отношений и протестуя против них, массы производителей видели свое спасение в восстановлении-старых общинных порядков. В Северном Иране маздакиты стали создавать свои общины на землях, экспроприированных у землевладельцев. Интересно и показательно, что маздакиты, освобождая земледельцев от социального гнета, не выступали сторонниками освобождения рабов. Более того, они считали необходимым сохранение рабства в своих общинах. Маздакиты требовали не только установления общинной собственности па землю и средства ее орошения, они выставляли требование обобществления рабов, собственником и эксплуататором которых становилась община.

Широкий размах маздакитского движения и его очевидный успех побудили царствовавшего тогда шахиншаха Кавада I (488—531) присоединиться к маздакитам. Не будучи в состоянии бороться против этого мощного движения, он почел весьма удобным использовать его для разгрома знати, с которой у него сложились очень враждебные отношения. По преданию, Кавад I назначил Маздака заведующим продовольственными складами, из которых раздавались мука и зерно населению. Он сочувственно относился к организации маздакитских общин, сопровождавшейся экспроприацией знати. Как сообщают враждебные маздакитам источники, Кавад I соучаствовал с Маздаком в практическом проведении «общности жен». Под этим выражением восточные феодальные историки разумеют крайнюю распущенность маздакитов, которые якобы не признавали нормальных форм брака и требовали обобществления женщин наряду с обобществлением земли, воды, рабов и домашних

животных. Такое представление, являющееся фантастическим, восприняли без критики и западные востоковеды. На самом же деле под выражением «общность жен» следует понимать устранение сословно-кастовых правил, запрещавших людям из податного населения вступать в брак с женщинами, принадлежавшими к высшим, привилегированным сословиям. Маздакиты же, пользуясь поражением и растерянностью многих представителей привилегированных сословий, вступали в браки с женщинами из этих сословий. Вот в чем заключалась эта пресловутая «общность жен».

Для представителей царствовавшей династии маздакиты могли быть подходящими союзниками только в их роли непримиримых противников аристократии и высшего жречества. Когда же в результате развития маздакитского движения этот верхний слой господствующего класса был ослаблен экономически и политически, сасанидская царская фамилия не считала более нужным делиться властью с маздакитскими руководителями и отказываться от возможных податных поступлений с подданных. Вполне закономерно наступила реакция, потопившая активных маздакитов в потоках крови.

Весьма активным соучастником Кавада в подавлении маздакитского движения и в разгроме маздакитских общин выступил его сын преемник Хосров I Ануширван (531—579). По некоторым сведениям, его мать была дочерью мелкого землевладельца, с которой Кавад случайно вступил в кратковременный брак.

Кровавую расправу с маздакитами проводил новый общественный класс — мелкие и средние землевладельцы, выступавшие носителями феодальных отношений. Они получили земельные пожалования от Хосрова и стали надежной социальной опорой шахиншаха. Верхний слой этого класса составил новую аристократию, преданную и послушную шахиншаху. Из старой аристократии сохранилось всего несколько родов, которые утратили свое прежнее политическое значение.

В целях укрепления власти шахиншаха был проведен ряд мероприятий, известных под названием реформ Хосрова I. Самой важной из них была податная реформа, в результате которой были установлены твердые ставки податей. Подати стали взимать не только в натуральном виде, но и деньгами (серебром). Основным источником

пополнения казны была поземельная подать — хараг, величина которой зависела от вида засеваемых культур, от размера обрабатываемой площади и даже от сортов плодовых деревьев, злаков и кормовых трав. Так, с гароба площади, засеянной злаками, взимался 1 дирхем, с гароба виноградника — 8 дирхемов, с гароба люцерны — 7 дирхемов⁹.

Подушной податью — гезитом было обложено население в возрасте от 20 до 50 лет, за исключением землевладельцев, военнотружущих, духовенства и служащих государственного аппарата. Гезит взимался в размере 4, 6, 8 или 12 дирхемов с каждого налогоплательщика, в зависимости от его имущественного состояния. Как сообщают источники, при Хосрове I все земли были обмерены и все головы (налогоплательщики) пересчитаны. Это дало возможность составить роспись государственных доходов и расходов, т. е. государственный бюджет¹⁰. Определением сумм податей, налогов и таможенных сборов и взиманием их ведал довольно сложный бюрократический аппарат, обеспечивавший к тому же централизацию государственного управления. Но и после проведения реформ откупная система окончательно не была отменена.

При Хосрове I Иранское царство вступило в период раннего феодализма. Труд рабов продолжал использоваться главным образом в системе искусственного орошения и в ремеслах.

Ремесло в сасанидском Иране было тесно связано с внешней торговлей. Это обширное государство в силу своего географического положения было посредником в торговом обмене между Китаем и Индией, с одной стороны, и Византией и другими странами Средиземноморья — с другой. Главным предметом караванной и морской транзитной торговли служил шелк. Из шелка-сырца, поступающего из Китая и Индии, искусные иранские ткачи выделывали высокосортные ткани, которые продавались в Византию.

Наряду с шелковыми тканями предметами иранского

⁹ Гароб равен примерно 2900 кв. м; дирхем — серебряная монета.

¹⁰ Н. В. Пнгулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, А. М. Беленцкий, История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, стр. 60, 61.

экспорта являлись изделия из льна и хлопка, дорогие ковры, золотая и серебряная художественная посуда. Эти изделия производились в мастерских при замках крупных феодалов зависимыми от них ремесленниками и в городах свободными ремесленниками. В таких больших городах, как Ктесифон, Гундишапур, Хамадан, Истахр, Нишапур и Рей, работало много ремесленников, производивших товары на внутренний и внешний рынок. Свободные ремесленники были организованы в корпорации, являвшиеся, видимо, зародышевой формой ремесленных цехов.

Развитию иранского ремесленного производства способствовало вынужденное переселение горожан из азиатских провинций Византии в Междуречье и иранские области Сасанидского царства. Среди переселенцев, которые покинули свои родные города, спасаясь от религиозных гонений, было немало опытных и искусных ремесленников. Кроме того, число ремесленников резко возрастало после походов иранских войск в Сирию. Вместе с военнопленными эти войска пригоняли ремесленников, благодаря которым ремесленное производство в Сасанидском царстве расширилось и улучшалось.

Внешняя политика раннефеодального государства Сасанидов, значительно усилившегося в экономическом и военном отношении при Хосрове I и его преемниках, ставила своей конечной целью распространение сасанидского господства на Закавказье и азиатские провинции Византии, выход к берегам Черного и Средиземного морей. В VI в. в борьбе с Византией сасанидские войска завоевали Йемен и Лазику, вторгались в Сирию. В начале VII в., при Хосрове II, самые широкие завоевательные планы, казалось, были осуществлены. Как мы видели, иранские войска оккупировали византийские владения на Ближнем Востоке и вышли на ближние подступы к византийской столице. Но успешное контрнаступление византийских войск Ираклия не только ликвидировало иранские завоевания, но и создало непосредственную угрозу сасанидской столице.

Затяжные и упорные войны Ирана с Византией привели эти государства к крайнему ослаблению. Поэтому они оказались совершенно бессильными в борьбе с новыми завоевателями — арабами.

АРАВИЯ И АРАБЫ В V—VI вв.

Источники. Основным источником наших сведений и представлений об экономическом состоянии, общественном строе и быте арабов V—VI вв. является древнеарабская, или доисламская, поэзия. Ценность этой поэзии как исторического источника заключается в том, что она «с фотографической точностью отражает все стороны жизни арабского племени с окружающей его природой»¹ Поэтому специалисты признают эту поэзию «важнейшим и авторитетным источником для характеристики арабского народа и его быта» в период, предшествовавший возникновению ислама.

При изучении географической среды Аравии V—VI вв., чтобы дополнить картины аравийской природы, нарисованные арабскими доисламскими поэтами, не только допустимо, но и обязательно использование обильных и разнообразных материалов, собранных путешественниками нового времени. Сведения же социально-экономического характера, которые дают путешественники XIX и XX вв., мы вправе привлекать только для констатации пережитков прошлого, равно как для сравнений и аналогий путем исторической ретроспекции. Это вызывается тем обстоятельством, что природа Аравии в общем осталась неизменной за истекшие полторы тысячи лет, а экономическое состояние этой страны и общественные отношения ее населения такой неизменностью не отличались. Хотя для них и характерна известная застойность, они тем не менее пережили процесс изменения и развития, особенно начиная со второй половины XIX в.

¹ И. Ю. Крачковский, Аш-Шанфари. Песнь пустыни, — Избранные сочинения, т. II, М.—Л., 1956, стр. 238.

Доисламская поэзия арабов была создана как раз в изучаемый нами период, и ее произведения, дошедшие до нас, подверглись, как можно полагать, только незначительным изменениям, внесенным в них собирателями и редакторами VIII—X вв.

При изучении этой поэзии как исторического источника, для которого характерна «насыщенность жизнью», исключительное значение приобретает вопрос о подлинности ее произведений. В основном этот вопрос сводится к следующему: действительно ли произведения доисламской поэзии созданы в V—VI вв. поэтами арабских племен (как утверждает арабская историко-литературная традиция) или же авторами этих произведений являются более поздние поэты и ученые-филологи, жившие в культурных центрах Халифата в VIII—IX вв.; другими словами, не являются ли эти произведения искусственной литературной подделкой? Этот вопрос был поставлен в западноевропейской науке в 50—70-х годах прошлого столетия и впоследствии неоднократно поднимался применительно к отдельным доисламским поэтам и к целым антологиям. Европейские исследователи по-разному подходили к этому вопросу, но подлинность доисламской поэзии в целом оставалась неопороченной. Весьма остро этот вопрос был вновь поставлен в 20-х годах XX в. английским ориенталистом С. Марголиусом и египетским ученым Таха Хусейном. Оба этих ученых объявили всю доисламскую поэзию продуктом литературного творчества более позднего времени. Но такое крайнее утверждение осталось личным убеждением двух названных ученых, а наука по-прежнему признает доисламскую поэзию арабов подлинной в смысле времени и места ее происхождения, не отрицая в то же время подложности некоторых ее произведений. В частности акад. И. Ю. Крачковский, крупнейший специалист по истории арабской поэзии, вполне определенно считает ее подлинной. Следовательно, при современном состоянии интересующего нас научного вопроса нет достаточных оснований для того, чтобы отказываться от использования доисламской поэзии арабов в качестве исторического источника при изучении периода, предшествовавшего возникновению ислама.

В обширных трудах многочисленных средневековых арабоязычных историков и географов, отличающихся,

как правило, обилием и разнообразием фактов политической, военной и религиозной жизни, мы не находим таких обильных и ярких материалов, какие содержатся в доисламской поэзии, отразившей социально-экономический строй и общественный быт арабов V—VI вв. Особое положение как источник для изучаемого нами периода занимает труд Шахрастани (ум. в 1153 г.). В этом труде — «Китаб ал-милал ва-н-нихал» («Книга религиозных сект и философских школ») имеется специальная глава, посвященная описанию религиозных верований, обрядов и обычаев доисламских арабов; в этой главе автор сообщает (что для нас представляет особый интерес) о пережиточных формах семьи и брака.

Другим трудом, заслуживающим особого внимания при изучении первобытнообщинного строя арабов, является «Мукаддима» Ибн Халдуна. В этом выдающемся произведении арабской феодальной историографии содержатся наряду с интересными познавательными материалами ценные обобщения и выводы. Великий автор «Мукаддимы» проявлял особый интерес к хозяйству и общественному быту арабских племен, видя в них наиболее типичных представителей кочевых народов.

В отличие от арабских источников сведения об арабах V—VI вв., содержащиеся в сочинениях писателей и в документах сопредельных с Аравией цивилизованных стран, имеют случайный характер и не всегда достоверны. Это объясняется тем, что для этих писателей и для их осведомителей внутренние области Аравии в то время оставались недоступными, а следовательно, и неизвестными. Некоторый интерес у историка арабов могут возбуждать только сирийские хроники и юридические материалы.

Литература. Из немногих трудов буржуазных востоковедов, специально занимавшихся исследованием общественного строя арабов V—VI вв., на первое место следует поставить монографию Робертсона Смита «Родство и брак в ранней Аравии»². Автор этого труда подверг суровой критике установившееся в западноевропейской науке представление о кровнородственных связях как основе социально-политической организации в арабском первобытнообщинном обществе. Он показал, что это

² W. Robertson Smith, Kinship and marriage in early Arabia, Cambridge, 1885.

представление базируется на несостоятельных концепциях арабских генеалогов, составлявших родословия племен в раннем Халифате. Исходя из правильных предпосылок, Р. Смит увлекся гиперкритикой, а это привело его к снижению значения реальных кровнородственных отношений. Тем не менее богатое конкретное содержание его монографии, в которой в значительной мере использована и доисламская поэзия (главным образом «Китаб ал-агани»), до сих пор придает ей большую научную ценность. Не меньшее научное значение сохранили труды Юлиуса Вельхаузена, из которых для изучаемого нами периода особый интерес представляет работа «Остатки арабского язычества»³.

Третьим известным востоковедом, обращавшим особое внимание на изучение доисламской Аравии и развернувшим свою научно-литературную деятельность в первой четверти нашего столетия, был Анри Ламменс. Он обладал весьма широкой эрудицией, выразившейся в очень хорошем знании произведений арабоязычной историографии и художественной литературы эпохи феодализма, равно как и европейской научной литературы. Но к его многочисленным печатным трудам следует проявлять настороженное отношение. Будучи активным членом ордена иезуитов, деятельным христианским миссионером на Арабском Востоке и профессором католического университета св. Иосифа в Бейруте (Ливан), он в своих научных трудах и в педагогической деятельности проявлял крайнюю религиозную нетерпимость к исламу и явно переоценивал историческую роль арабов-христиан. В глазах современной мусульманской интеллигенции он является крайне одиозной фигурой.

Однако весьма разнообразный конкретный материал, почерпнутый им из обильных арабоязычных источников и европейской научной литературы, придает его трудам несомненную ценность при условии критического пользования ими. При изучении состояния Аравии в V—VI вв. мы ни в коем случае не можем пренебрегать его содержательной монографией «Колыбель ислама»⁴, посвященной исторической географии Западной Аравии и общест-

³ J. Wellhausen, Reste arabischen Heidentums gesammelt und erfafctert von J. Wellhausen, 2 Ausg., Berlin—Leipzig, 1927.

⁴ H. Lammens, Le berceau de l'islam, Rome, 1914.

венному быту ее населения. В этом труде Ламменс гораздо шире и глубже, чем предшествовавшие ему востоковеды, использовал содержание доисламской поэзии во всем ее объеме.

Гораздо меньшее значение представляет для нас труд Леоне Каэтани «Очерки восточной истории»⁵. Содержащиеся в первом томе этого труда очерки «Доисламская Аравия» и «Древние арабы» дают неполное и неточное представление о геолого-климатическом и социально-экономическом состоянии Аравийского полуострова в изучаемый нами период. Причиной искаженных представлений, изложенных в этом труде, является предвзятость суждений его автора, вызванная воспринятой им несостоятельной миграционной теорией.

При ограниченном количестве научной литературы, дающей представление о состоянии Аравии в V—VI вв., можно упомянуть и книгу известного арабского историка и романиста Джирджи Зейдапа «Арабы до ислама»⁶. Это рядовое произведение буржуазной научно-популярной литературы, дающее довольно поверхностное представление о политической истории и культуре арабов в эпоху древности. Книга вышла в свет в самом начале XX в. и теперь, после новых археологических открытий в Аравии, Сирии и Ираке, устарела.

Еще более устарел труд Коссэн де Персеваля «История арабов до ислама», вышедший в 1847 г.⁷ В нем много легенд и анекдотов, но не заметно попытки подойти к историческим явлениям с социологическим анализом.

Из новейшей научной литературы по интересующей нас теме заслуживает серьезного внимания сборник монографических статей нескольких специалистов — «Древнее бедуинское общество», изданный в 1959 г. Римским университетом, под редакцией проф. Ф. Габриэли⁸.

В сборнике подвергнуты научному исследованию общественный строй, литература и религия доисламских бедуинов.

⁵ L. Caetani, *Studi di storia orientate*, vol. I, Milano, 1911.

⁷ A. P. Caussin de Perceval, *Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme pendant l'époque de Mahomet et jusqu'à la réduction de toutes les tribus sous la loi musulmane*, t. I, 1817.

⁸ «L'antica società beduina», *Studi... raccolti da F. Gabrieli*, Roma

В общих трудах по «истории арабов», вышедших в Европе в XIX и XX вв., по установившемуся стандарту после географического описания Аравийского полуострова дается глава о «нравах и обычаях» и о родо-племенном строе его обитателей накануне возникновения ислама. Лучшими из таких глав, вполне заслуживающими нашего внимания, можно признать соответствующие главы в книгах К. Юара «История арабов» и Ф. Хитти «История арабов»⁹.

Глава «До Мухаммеда» в переведенной с немецкого «Истории ислама» А. Мюллера (СПб., 1895), будучи лишена какой бы то ни было попытки социологического анализа, вовсе не заслуживает внимания. Очень мало можно почерпнуть по изучаемому нами периоду и из «Истории арабов и арабской литературы» А. Е. Крымского (М., 1911).

8 советской научной литературе уделялось мало внимания истории Аравии в изучаемый нами период. Никто из советских историков-арабистов специально не занимался исследованием исторических явлений этого периода. Сущность исторического процесса, происходившего в Аравии в V—VI вв., кратко изложена во «Всемирной истории» (т. III).

Наконец, при существовании в Аравии остатков социально-экономических отношений, восходящих к очень отдаленному даже доклассовому прошлому, историк, изучающий это прошлое, не может оставить вне сферы своего внимания содержательную книгу А. И. Першица «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в.» (М., 1961). В этой монографии, в которой учтены сведения, содержащиеся в обширной западноевропейской литературе путешествий, обращено должное внимание на сохранившиеся вплоть до новейшего времени «значительные остатки патриархально-родового и патриархально-рабовладельческого строя». Серьезное внимание автора к «сильнейшим пережиткам дофеодальных отношений» придает его исследовательскому труду особую ценность, тем более что зарубежные и некоторые советские историки проявляют тенденцию к недооценке значения пережитков.

⁹ Cf. Huart, *Histoire des Arabes*, t. I—II, Paris, 1912—1913. Ph. Hitti, *A history of the Arabs*, London, 1953.

Невозможно представить Аравию без арабов. Уже исторические источники, относящиеся к глубокой рабовладельческой древности, сообщают об арабах как об исконных обитателях Аравийского полуострова.

Аравия — огромный полуостров, площадь которого достигает 3 млн. кв. км. Сами арабы всегда называли Аравию «Джазират ал-араб», что значит «остров арабов». Такое название они обосновывали тем, что моря и реки окружают Аравию со всех сторон. При определении северной границы Аравии всегда наблюдались значительные колебания. Знаменитый средневековый арабский географ Йакут ар-Руми (1179—1229) говорит, что нет единого мнения при определении северной границы Аравии¹⁰. Другой арабский географ, ал-Хамдани (ум. в 945 г.), специально занимавшийся изучением географии Аравийского полуострова, считает северо-восточной границей этого полуострова Евфрат в его нижнем течении, а северо-западной — палестинское побережье Средиземного моря. Такое определение северных границ Аравии, за исключением Палестины, вполне приемлемо для V—VI вв. Несомненно, Сирийская пустыня (Бадийат аш-шам) тогда входила в состав Аравийского полуострова, составляя его неотделимую часть. В V—VI вв. политические границы с Византийской империей и Иранским царством Сасапидов проходили так, что оставляли все пространство Сирийской пустыни в полном обладании населявших ее арабов.,,

Длина береговой линии Аравийского полуострова более 5500 км, причем эта линия отличается весьма малой изрезанностью, напоминая в этом отношении соседнюю Африку.

Деление Аравии на отдельные области (на основании физико-географических и экономических признаков) всегда было неопределенным, а нередко необоснованным и соивчивым. Ал-Хамдани и Иакут предлагают разделе-

ние «острова арабов» на пять частей: Тихама, ал-Хиджаз, ап-Неджд, ал-Аруд и ал-Йемен).

Территория каждой из этих основных областей Аравии определялась только приблизительно, так что почти каждый арабский географ считал возможным высказывать собственное мнение об ее границах. Абу-л-Фида (1273—1331), ссылаясь на сочинения своих предшественников, так определяет каждую из этих областей: «Тихама — южная часть Хиджаза; Неджд — страна, расположенная между Хиджазом и Ираком. Что касается Хиджаза, то это горная страна, которая простирается от Йемена до Сирии; Медина и Амман входят в его состав, Аруд — не что иное, как Йемама, т. е. страна, которая простирается до Бахрейна»¹³.

Для историка, изучающего прошлое Аравии, отдаленное от нас почти на полтора тысячелетия, исключительно важным является вопрос: изменились ли географические условия (и прежде всего климат) в этой стране за последние полторы-две тысячи лет. Современная географическая наука отвечает на этот вопрос отрицательно. Можно вполне определенно сказать, что за это время никакого уменьшения осадков и никакого усыхания почвы в Аравии не произошло¹⁴.

Применительно к Аравии этот вопрос ставил проф. Анри Ламменс¹⁵, который на основании обширного материала арабских первоисточников подверг критике исторические концепции Винклера и Каэтани. Последние считали, что в Аравии наблюдался непрерывный процесс усыхания в результате прогрессивного повышения средней годовой температуры воздуха и уменьшения атмосферных осадков. Такие изменения, по мнению этих ученых, вызывали сокращение пастбищных и пахотных пространств, на которые непрерывно наступали пески.

В действительности же географические условия Аравии (климат, гидрография и состав почвы) не претерпели каких-либо существенных изменений. Поэтому для изучения географической среды Аравии V—VI вв. мы

¹² Hamdani, I, 47; Jacut, II, 76—78.

¹³ "Geographie d'Aboulfedat", traduite... par Reinaud, t. II, pt I, Paris, 1848, p. 99 (далее — Aboulfedat).

¹⁴ А. А. Крубер, Общее землеведение (Физическая география), М.—Л., 1938, стр. 320, 321.

¹⁵ H. Lammens, Le berceau de l'islam, pp. 113—121, 154—182.

вполне можем пользоваться не только средневековой литературой, но и подробными описаниями путешествий по этой стране в XIX и XX вв.

Географическое обследование Аравии было завершено только в период между двумя мировыми войнами. Еще в конце прошлого столетия о некоторых внутренних областях этого обширного полуострова европейцы имели менее точное представление, чем о видимой стороне Луны.

В XVIII в. Эдуард Гиббон, отражая наивные представления современных ему европейцев об Аравии, писал: «В страшной аравийской пустыне беспредельная песчаная равнина перерезывается остроконечными и обнаженными горами, а лишенную всякой тени или прикрытия степь опаляют жгучие лучи тропического солнца. Ветры... не только не освежают, но распространяют вредные и даже смертоносные туманы; они то вздымают, то развевают по воздуху песочные горы, которые можно сравнить с высоко вздымающимися волнами океана... Вода... служит там предметом желаний и споров»¹⁶. И еще в начале нашего столетия Л. Каэтани отмечал: «Аравия — скалисто-песчаная пустыня, только изредка покрытая скудной растительностью... Мрачная и негостеприимная страна, без рек, без лугов, без деревьев; на нее страшно смотреть, и в ней ужасно жить; кажется, что почва пылает от двойного огня, ибо жаре раскаленного неба соответствует ослепительное отражение пылающих песков и скал»¹⁷.

Такое поверхностное представление об Аравии можно было считать устаревшим уже во второй половине XVIII в. Датский ученый-путешественник Карстен Нибур, побывавший в юго-западной части этой страны в 1762—1763 гг. и открывший эпоху ее научного изучения, писал: «Пересеченная песчаными пустынями и широкими цепями гор Аравия, с одной стороны, являет собой картину полного запустения в его наиболее страшном виде; в то же время, с другой стороны, она разукрашена всеми красотами наиболее плодородных стран»¹⁸.

¹⁶ Э. Гиббон, История упадка и разрушения Римской империи, М., 1885, ч. V, стр. 467.

¹⁷ L. Caetani, Studi di storia orientate, vol. I, p. 53

¹⁸ C. Niebuhr, Description de l'Arabie d'après les observations et recherches faites dans le pays тете, Copenhague, 1773.

Наименее привлекательными районами Аравийского полуострова являются его побережья. Это бесплодные песчаные низменности па западе и востоке и столь же бесплодные обрывистые скалы па юге. Дурная слава о почве и климате Аравии происходит оттого, что европейцы в течение столетий могли судить о всем полуострове преимущественно на основании впечатлений, полученных мореплавателями по Красному морю и Персидскому заливу.

Наиболее изученной и известной частью Аравии оказывалась, начиная с раннего средневековья, гористо-пустынная область, прилегающая к Красному морю. Крайне неблагоприятные почвенные и климатические особенности этой области, которую ежегодно посещали десятки и сотни тысяч мусульманских паломников из многих стран Старого света, были приписаны (без всякого на то основания) всем другим областям полуострова. Сведения европейцев о Центральной Аравии основывались почти исключительно на сообщениях Палгрева, который в 1862—1863 гг. предпринял путешествие через Аравийский полуостров по диагонали, от Мертвого моря до побережья Персидского залива. Но, как окончательно выяснилось во втором десятилетии нашего века, Палгрев давал неточные и неверные сообщения о ряде внутренних районов Аравии, которые он, возможно, и не посетил¹⁹.

Только в нашем столетии с Центральной и Южной Аравии совлекается покров незнания и устраняются связанные с этим превратные представления. Исследования англичан Филби и Бертрама Томаса открыли последнюю главу в книге научного изучения Аравии.

По рельефу Аравия — обширное, массивное плато, или плоскогорье. Оно круто поднимается за прибрежной полосой Красного моря и понижается к востоку в виде непрерывной покатости в сторону Ирака и Персидского залива. Высокие горы у берега Красного моря постепенно переходят в низкие холмы у берега Персидского залива. Такой наклон с запада и юго-запада к востоку и северо-востоку нарушается только тремя исключениями: 1) на крайнем востоке, в Омане, возвышаются гра-

¹⁹ См. В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, Л., 1925, стр. 22.

нитные горы Джебел Ахдар, достигающие 3020 м высоты к западу от Маската; 2) на севере горная цепь Джебел Шаммар (около 1400 м над уровнем моря) и 3) цепь Джебел Тувейк, в виде полукруга, охватывающего Центральное Аравийское плоскогорье с востока.

Горный хребет, проходящий по Западной Аравии параллельно берегу Красного моря, начинается на севере гористой области Мадиян. Горы между Мааном и Акабой достигают высоты 1600—1700 м над уровнем моря. Горы вплотную подходят к берегу Акабского залива, а затем цепь гор постепенно отступает к востоку, уступая место низменному песчаному побережью, которое расширяется по мере продвижения на юг. Расстояние между берегом моря и западными подошвами гор редко превышает 20 км, а иногда уменьшается до 8,6 и даже 2 км.

К югу от Акабского залива, приблизительно до района г. Таифа, тянутся Хиджасские горы, не представляющие непрерывной цепи, поскольку они несколько раз пересекаются (в широтном направлении) глубокими долинами, которые имеют вид ущелий и служат проходами, соединяющими побережье с Центральной Аравией. В районе Таифа горная цепь имеет название Сарат; ее средняя высота — не более 2 тыс. м; наиболее высокая вершина — около 3 тыс. м. Название Сарат арабы нередко прилагают к цепи гор Западной Аравии на всем протяжении этой цепи. Поскольку Сарат (в широком смысле этого названия) отделяет Центральное Аравийское плато Неджд от приморской низменности Тихамы, или Гаура, арабы дали этой горной цепи название Хиджас, что значит «преграда», или «барьер».

Город Таиф, расположенный на высоте около 1500 м над уровнем моря, считался одной из наиболее привлекательных местностей Аравии, особенно вследствие того резкого контраста, который создавали обильные влагой и богатые растительностью окрестности этого живописного города с соседними песчаными и каменистыми пространствами. В окрестностях Таифа плодородные и хорошо орошаемые долины чередовались с зеленеющими склонами гор, а поля, засеянные злаками, находились рядом с фруктовыми садами и рощами финиковых пальм; соседние горы были известны своими паст-

битами²⁰. Таиф славился на всю Аравию красотой своих садов; они раскинулись у подошвы гор, окружающих песчаную равнину, среди которой расположен город²¹. Хребет Сарат между Таифом и Меккой вызывает своими красотами величественного горного пейзажа восхищение европейских путешественников. Вид с Джебел Куры на панораму гор напоминает «желтый окаменевший океан»²².

Юго-Западная Аравия, отделяемая от Африки Бабель-Мандебским проливом, известна под названием ал-Йемен. Эта горная страна, весьма плодородная, в древности славилась высокой культурой. Обычно Йемен отождествляют со «Счастливой Аравией» древнегреческих и латинских писателей. Такое отождествление теперь уже вполне можно рассматривать как недоразумение... Арабский корень «й-м-н» означает пребывание справа, на правой стороне. В свое время арабы (как и все народы, поклонявшиеся солнцу) ориентировались на солнечный восход, т. е. на восток. Поэтому юг был у них правой стороной, а север — левой. Это получило выражение в географической номенклатуре: южная страна стала называться правой — Йеменом, а северная страна, т. е. расположенная к северу от Аравии, — левой, по-арабски — Шам (Сирия). По первобытным верованиям, правая сторона считалась счастливой, а левая связывалась с представлением о несчастье, злополучии.

Система гор Йемена по имени страны называется Йеменскими горами. Они являются завершением станового хребта Западной Аравии и наиболее высокой частью этого хребта. Йеменская горная система представляет собой угол, образованный двумя гигантскими впадинами. Высочайшей точкой страны является Джебел Хадур (около 3200 м над уровнем моря) к западу от Саны. Этот город расположен на высоте 2250 м над уровнем моря. Склоны гор покрыты пышной и разнообразной растительностью. Отсюда второе название Йемена — ал-Хадра — «зеленая страна».

В древности и в раннем средневековье (следовательно-

²⁰ H. Lamiwms, La cite arabe de Taif a la veille de l'hesire Beyrouth, 1922, p. 22.

²¹ J. L. Burckhardt, Voyages en Arabe, t. I. Paris, 1835, pp. 111, 112.

²² E. Rutter, The holy cities of Arabia, London, 1930, p. 354.

но и в изучаемый нами период) Йемен включал также Асир, представляющий собой труднодоступный гранитный массив.

Йемен разделялся на две основные зоны: 1) Тихама, равнина шириной от 40 до 70 км, и 2) горная зона (или нагорный Йемен), более возвышенная в южной половине страны.

Итак, Западная Аравия состоит из двух обширных областей: Йемен на юге и Хиджаз на севере. Самый Хиджаз по признаку рельефа можно подразделить на три полосы, или зоны, идущие параллельно с запада на восток: 1) приморская зона—Тихама, песчаная низменность, совершенно пустынная, если не считать очень редко встречающиеся акации и мимозы; 2) зона гор с крутыми, часто обрывистыми и совершенно голыми склонами и с глубокими ущельями; 3) волнообразная пустынная поверхность с уклоном на восток, являющаяся зоной перехода от горной цепи к Центральноаравийскому плато. Протяженность Хиджаза с запада на восток колеблется от 100 до 200 км; его протяженность с севера на юг — около 1 тыс. км.

Тихамой арабы называли всякую низменную местность с жарким и нездоровым климатом. Поэтому взятое в широком смысле это название прилагалось к низменным побережьям как на западе, так и на востоке и на юге Аравийского полуострова. Для большей точности арабы различали Хиджаэскую Тихаму и Йеменскую Тихаму. Западное побережье Персидского залива, равно как и южное побережье полуострова, они тоже называли тихамами (но только в нарицательном смысле).

Центральное плоскогорье Аравии—Неджд (что и значит «плоскогорье») состоит в значительной своей части из известняковых образований, по встречаются также гранитные скалы. Высота этого плоскогорья — от 600 до 900 м над уровнем моря. Вся площадь его переизрезана долинами, расходящимися в разных направлениях. С севера Неджд ограничивается гранитной горной цепью Джебел Шаммар (около 1400 м над уровнем моря), с востока — песками ад-Дахны, или Малого Нефуда, а с юга — Великой пустыней. Арабы противопоставляли Неджд как «высокую страну» прибрежной равнине—Тихаме, Северный Неджд — довольно суровая каменная страна, местами песчаная; Южный Неджд не

так страдает от песков и сравнительно обильно снабжен водой, местами имеет богатую растительность.

Полоса песков, простирающаяся к востоку от Неджда, отделяет это плоскогорье от низменного побережья Персидского залива. Эта приморская область, с песчаной почвой у побережья, с холмистой поверхностью на западе, известна под названием ал-Хаса, или ал-Ахса; сокращенно — Лахса.

Ал-Хаса в большей своей части представляет безотрадную пустыню. Отрадным исключением являются несколько оазисов. От самого побережья Персидского залива расстилается волнистое море песка, печальное однообразие которого немного оживляют карликовые пальмы; растущие на них маленькие и тощие финики могли есть только часто голодавшие кочевники. Сравнительно обильная растительность имеется по склонам песчаных гряд и во впадинах между ними; преобладают различные сорта пустынных трав²³.

Песок служит верхним покровом, который лежит на известняковой основе. Местами выступают голые скалы, являющиеся как бы бесплодными островками в море песка. Западная часть ал-Хасы представляет собой преимущественно бесплодное известняковое плато, на котором изредка встречаются пятна колючего кустарника.

К востоку от Йемена, от моря на юге и до Великой пустыни на севере, расположена обширная страна Хадрамаут. Восточная часть этой страны, граничащая с Оманом, известна под названием Махра. Хадрамаут по рельефу можно разделить на три зоны, идущие в общем параллельно берегу моря: 1) побережье — сахил, 2) горы — джибал и 3) внутренние долины. В западной половине сахила горы очень близко подступают к морскому берегу, будучи отделены от него узкой и неровной полосой песчаной тихамы. Склоны гор, обращенные в сторону побережья, обрывисты и совершенно голы. Сахил значительно расширяется в Восточном Хадрамауте, в области Дуфар. По мнению одного английского путешественника нашего столетия, Дуфар после Йемена имеет наибольшее право на название «Счастливой Аравии». Это «Аркадия роскошных лесов, которыми покрыты крутые горы, возвышающиеся над морем; область

²³ J. B. Philby, *The heart of Arabia*, vol. 1, London, 1922, pp. 13, 14.

непересыхающих потоков и солнечных лугов, красивых ландшафтов и зеленых долин»²⁴.

Юго-восточную часть Аравийского полуострова составляет Оман. Это массивное плато, имеющее наклон к северо-востоку в виде круто спускающихся склонов. Склоны гор, обращенные в сторону моря, мрачны и бесплодны, лишены растительности, а склоны внутренних долин покрыты сравнительно густыми лесами и сочными лугами и вполне заслуживают названия «Зеленые горы». Побережье представляет собой равнину шириной до 30 км. Оманское плато опоясано оазисами, почти непрерывные линии которых тянутся у подошв гор как на прибрежной равнине, так и вдоль границы Великой пустыни.

Вади. Значительное своеобразие придают аравийскому рельефу многочисленные большие и малые вади, пересекающие полуостров в различных направлениях. В большинстве случаев вади представляет собой сухое русло потока, проходящее по долине. По обоим сторонам этой долины возвышаются горы или холмы различной высоты и формы.

Из наиболее значительных и известных вади, идущих в северо-восточном направлении, прежде всего следует упомянуть Вади-р-Румма и Вади Давасир. Первый из них берет начало на возвышенностях к востоку и юго-востоку от Медины, у северного тропика. Далее он идет без значительных отклонений в северо-восточном направлении и достигает окрестностей Басры. Его общее протяжение — около 950 км. В некоторых местах арабы затрачивали целый день, чтобы пересечь этот вади. В годы, отличающиеся исключительно обильными дождевыми осадками, Вади-р-Румма на короткое время превращается в настоящую реку; но это случается всего два-три раза в столетие. Обычно же этот вади имеет сухое дно, но богат подпочвенными водами, которые местами выходят на поверхность.

Вади Давасир начинается двумя долинами с целым рядом более мелких ответвлений. Одна из этих долин начинается на восточных склонах Сарата, южнее Мекки. Другая берет начало в Северном Йемене. Немного юж-

²⁴ B. Thomas. Arabia Felix: across the Empty Quarter of Arabia, London, 1932 p. XXIII

нее тропика обе эти долимы соединяются в одну, уже значительно более широкую, которая пересекает тропик и направляется на северо-восток, к Персидскому заливу.

Вади-л-Хумс, имеющий многочисленные ответвления, проходит по Северной Аравии. Этот вади извивается между возвышенностями мединского плоскогорья, имея в основном направление па север. Затем он поворачивает на запад и направляется к Красному морю. Сирийскую пустыню пересекают два больших вади, идущих с запада на восток, к Евфрату. Это Вади Сирхан, который проходит через оазис Джауф (Джоф), и Вади Хаураи.

Помимо этих больших вади в каждой области Аравии насчитываются десятки, а то и сотни более мелких и совсем маленьких вади. Каждая система возвышенностей имеет несколько вади, которые разрезают склоны гор или холмов и расходятся от их подошв в разных направлениях. Арабы образно называли такие вади «хвостами ущелий».

В далеком геологическом прошлом па месте нынешних вади протекали многоводные реки и ручьи, питавшие обильную растительность. В наше время русла очень многих вади почти совершенно лишены растительности, для которой нет питания в их каменистом или песчаном грунте. Многие вади, по определению доисламского поэта, «голы, как брюхо осла»²⁵. Нередко бесплодное ложе вади ограничено с обеих сторон скалистыми, обрывистыми, иногда совершенно отвесными берегами, что придает им вид мрачных, даже зловещих ущелий, вызывающих у путника жуткое чувство.

Большую часть года вади служили дорогами, и караваны верблюдов оживляли их дикое безмолвие. Для арабов вади представляли более надежные гарантии не сбиться с пути, чем небесные светила. В период дождей вади «оживают», когда по ним проносятся бурные потоки. Конечно, далеко не все вади бесплодны и безжизненны: там, где подпочвенные воды близко подходят к поверхности земли, встречается богатая и довольно разнообразная растительность, в том числе рощи финиковых пальм.

Из печатных трудов европейских путешественников

²⁵ «Муаллака Имру-уль-Кайса». Араб, текст и пер. Г. Мурукос, СПб., 1885, стр. 23.

по Западной и Центральной Аравии можно сделать вывод что многие вади были средоточием земледельческой культуры и значительного скопления оседлого населения. Так Буркхарт, описывая свой путь из Мекки в Медину, сообщает о нивах, садах и пальмовых рощах, раскинувшихся по склонам различных вади. Доти сообщает, что Вади Давасир снабжал финиками кочевников, живших к югу от него. Насаждения финиковых пальм в этом вади тянулись с небольшими перерывами на протяжении трех дней пути на быстром верблюде. Вади Давасир, равно как и соседний с ним вади, имел много хороших деревень²⁶. Филби сообщает, что в вади Юго-Восточного Неджда имеются поля, засеянные пшеницей и ячменем, и рощи финиковых пальм²⁷.

Однако некоторые вади производили на путешественников гнетущее впечатление своей пустынностью и безлюдием. Местами в Вади Фатима редко можно было встретить путника. На дикой песчаной почве этого вади растут лишь жесткие и кривые представители пустынной флоры. На сухом песке видны только следы маленьких ящериц. «В этом вади нет ничего, кроме змей»²⁸, — говорит араб-проводник. Еще более безотрадное чувство вызывает другой вади, проходящий по Северной Аравии. «Нам сильно надоел Сирхан, — пишет Лоуренс. — Его ландшафт порождал больше безнадежности и тоски, чем все открытые пустыни, через которые мы раньше проходили... Было что-то зловещее и злобное в этом кишашем змеями Сирхане, изобилующем соленой водой; бесплодными пальмами и кустарником, который не годится ни на корм, ни на топливо»²⁹.

Пустыни. Только по незнанию или недоразумению возможно представлять Аравию как сплошную песчано-каменистую пустыню, лишенную воды и растительности, а следовательно, необитаемую. На самом деле значительная часть тех обширных пространств, которые на школьных картах еще до сих пор окрашены в цвет пустыни, является степями или полупустынями. Аравий-

²⁶ С. М. Doughty, *Travels in Arabia deserta*, vol. II, London, 1924, pp. 38.324

²⁷ J. B. Philby, *The heart of Arabia*, vol. II, p. 43.

²⁸ См. С. М. Doughty, *Travels in Arabia deserta*, vol. II, pp. 532, 533

²⁹ T. E. Lawrence, *Revolt in the desert*, New York, 1927, p. 94.

ские полупустыни при наличии достаточных осадков (т. е. в период дождей и некоторое время после него) превращаются в степи. Географические области Аравии, за которыми утвердилось название «пустыни», можно разделить на три вида, или типа: 1) дахна, 2) нефуд и 3) харра.

Дахна (что значит «красная», «багряная») занимает огромное пространство, приблизительно 1 млн. кв. км, простираясь от Неджда до Хадрамаута и Махры и от Йемена до Омана. Это обширное море песка известно под названием Руб ал-хали («пустая четверть»); местные арабы называли ее ар-Римал («пески»); ее западную часть иногда выделяют под названием ал-Ахкаф (что значит «дюны») или Бахр ас-сафи.

Руб ал-хали, или Великая южная пустыня Аравии, до недавнего времени представлялась в виде особенно страшной и таинственной области. Считалось, что зыбучие или летучие пески непременно засосут или занесут любого безрассудного смельчака, который отважится углубиться в эти необозримые безводные пространства. Даже в XIX в. некоторые арабы (очевидно, полагаясь на легкоеверие иностранцев) уверяли, что сыпучие пески в ал-Ахкафе способны поглотить целые караваны.

Немецкий путешественник фон Вреде, более ста лет назад положивший начало научному изучению Хадрамаута, сообщил о предательских пропастях в песках Бахр ас-сафи. С лотом, прикрепленным к веревке в 12 м длиной, он подошел к одному из белых пятен, выделявшихся на песчаной поверхности. «С величайшей предосторожностью,—рассказывает он,—я приблизился к краю, чтобы рассмотреть песок, который оказался мельчайшим порошком, и забросил лот, насколько мог дальше; он непрерывно погружался с убывающей быстротой, и через пять минут конец веревки исчез в этой всепоглощающей могиле»³⁰.

Однако известно, что арабы-кочевники еще в XIII в. проходили через страшный Руб ал-хали (возможно, следуя по его окраинам), провозя товары из Ирака в приморские города Махры.

Первым европейским исследователем Руб ал-хали

³⁰ См. В. Thomas, Arabia Felix: across the Empty Quarter of Arabia, p. 184.

был англичанин Бертрам Томас, который зимой 1930/31 г. с небольшим отрядом арабов на верблюдах за 58 суток пересек эту пустыню с юга на север, от Дуфара до Катара. Вторым исследователем южноаравийского «песчаного океана» был Филби, обследовавший в январе—марте 1932 г. с арабами на верблюдах пустыню, пройдя по ней с севера на юг и с востока на запад.

Рельеф Руб ал-хали очень разнообразен. Его образуют песчаные холмы и дюны, которые напоминали Б. Томасу то многочисленные мечети с тысячью куполов, то огромные амфитеатры, а некоторые своей изящно округлой формой — девичью грудь. Ветер легко перекачивает сухие песчинки или переносит их в воздухе. Поэтому в некоторых местах создается впечатление, что гребни высоких дюн курятся. Верхний слой песка находится в постоянном движении, вследствие чего следы людей и животных быстро исчезают с поверхности, и даже местные опытные и искусные проводники-следопыты лишены возможности «читать пески». Сильный ветер со свистом и воем поднимает тучи песка, который слепит глаза путника, проникает в уши, нос, засоряет весь багаж.

Растительность и животный мир в Руб ал-хали весьма скудны. Вследствие крайнего недостатка влаги в этой пустыне постоянно могут произрастать только наиболее засухоустойчивые травы и кустарники. Однако достаточно самого маленького зимнего дождя, чтобы мертвая пустыня ожила. Но бездожде может продолжаться семь-восемь лет подряд. Тогда, как пишет Филби, «засуха и голод шествуют по стране с обнаженным мечом пылающего огня»³¹.

Зыбучие пески Руб ал-хали совершенно непроходимы для лошади, и даже верблюд на склонах некоторых дюн проваливается по брюхо. Но наибольшее препятствие порождается отсутствием пресной воды: в очень редких колодцах далеко не всегда можно обнаружить хотя бы солоноватую воду, которую отказывается пить даже крайне неприхотливый верблюд. Страх смерти от жажды, по выражению Филби, «превращает мужчин в

³¹ J. B. Philby, *The Empty Quarter being a description of the Great South Desert of Arabia known as Rub'at Khali*, London, 1933, p. XVII.

женщин»³². Но при наличии молочной верблюдицы песчаные пространства Руб ал-хали вполне проходимы; верблюжье молоко восполняет отсутствие воды.

Фантазия арабов населила эту труднодоступную пустыню сказочными джинами, голоса которых якобы нарушают временами ее безмолвие. Б. Томас слышал такой «голос пустыни» и сравнивает его с паровой сиреной.

Руб ал-хали вовсе не так безжизнен и недоступен, как это представляли до недавнего времени. Европейские путешественники обнаружили в нем немало различных растений и животных, особенно в его южной и восточной частях, которые во время дождя превращаются в степи. Даже в наиболее бесплодных районах центральной части Руб ал-хали встречаются лисица, заяц, волк, дикая кошка и песчаная крыса.

В короткий дождливый период в окраинные районы Руб ал-хали устремляются арабы-кочевники со своими стадами верблюдов.

Пройдя вдоль и поперек по этой «пустой четверти», Филби пришел к заключению, что она «далеко не соответствует тем мрачным тонам, в которых окрашивали ее некоторые европейские путешественники и в которые всегда окрашивают ее оседлые арабы»³³.

На север от Руб ал-хали расположена Дахна (в собственном смысле слова), иногда называемая Малый Нефуд. Эта Дахна (или Дахана), начавшись к северо-востоку от Джебел Шаммара, обтекает, подобно широкой песчаной реке, Джебел Тувейк с востока и на высоте 23° с. ш. как бы впадает в песчаное море Руб ал-хали. В Дахне, между песчаными грядами и на холмах, немало травы и низкорослого кустарника. Поэтому в ней находятся излюбленные пастбища местных кочевников. Местные арабы часто пересекают ее пешком, не беря в дорогу ни пищи, ни воды³⁴. На Амина ар-Рейхаии Дахна произвела впечатление самой гостеприимной области из всех пустынь, по которым ему приходилось проходить.

В Дахне имеются хорошие пастбища даже летом. Еще до сезона дождей можно увидеть зеленые пятна высокой травы, а колючие кустарники, служащие кормом

³² Ibid., p. 58.

³³ Ibid.

³⁴ J. B. Philby, The heart of Arabia, vol. I, pp. 41, 46.

для верблюдов, встречаются в изобилии. Конечно, в ней немало и таких мест, где нет ни пастбищ, ни воды и путник чувствует под ногами затвердевшую почву и видит над головой пылающее небо³⁵.

Большой Нефуд, чаще называемый просто Нефудом, расположенный к северу от горной области Джебел Шаммара, значительно беднее Дахны растительностью и животными. По рельефу Нефуд представляет собой беспорядочное сочетание песчаных гор, холмов и хребтов, местами достигающих высоты 100 м и больше. Нефуд является обширной областью дюн, которые образовались в результате наносной деятельности целой сети вади, спускающихся с Джебел Шаммара и с Хиджасских гор во впадину Северной Аравии. Массы песка, нанесенные дождевыми потоками вади, сформированы в высокие горы дюн западными и восточными ветрами. При постоянном участии этих ветров образовались фулджи, придающие характерную особенность ландшафту Нефуда. Фулдж (которому более соответствует его другое название—кар—углубление, яма, дыра) представляет собой глубокую воронку, проходящую через толщу песка до твердого (скалистого или глинистого) грунта. Своей внешней формой фулдж напоминает след огромного лошадиного копыта. Если посмотреть с высоты гребня любого фулджа-кара на расстилающееся вокруг песчаное море Нефуда, создается впечатление, будто по нему с востока на запад прошел табун гигантских лошадей. Крупные фулджи имеют 450—500 м в диаметре, а самые большие из них — около 2 км; глубина их колеблется от 30 до 70—80 м³⁶.

Песчаная пустыня Нефуда изобилует кустарником и даже деревьями, а после дождей она богата пастбищами, на зеленеющей поверхности которых верблюды и овцы находят обильный корм. После дождливой зимы Нефуд становится «раем для скотоводов», которые особенно охотно пасут стада в покрытых травой впадинах между дюнами³⁷.

³⁵ A. Rihani, *Ibn Sa'oud of Arabia. His people and his land*, London, 1928, pp. 107, 100.

³⁶ Anne Blunt, *A pilgrimae to Nejd*, vol. I, London, 1881, pp. 158-160; J. Euting

³⁷ H. Lammens, *Le berceau de l'islam*, p. 57.

На север от Нефуда находится Сирийская пустыня (Бадийат аш-шам), представляющая собой обширную наклонную плоскость, постепенно понижающуюся к северо-востоку в сторону Евфрата. Западная, более возвышенная, половина этой плоскости иногда носит название ал-Хамад. Восточная же называется «страной вади», так как вся она перерезана многочисленными вади, проходящими в северо-восточном направлении, к правому берегу Евфрата. Зимой Бадийат аш-шам превращается в настоящую степь. Но и в жаркие и бездождные летние месяцы в многочисленных вади ее восточной части сохраняется немного растительности. В течение нескольких недель после зимних дождей вода встречается здесь почти повсеместно на поверхности, а подпочвенную воду можно найти на небольшой глубине в любое время года.

Третий тип аравийских пустынь представлен районами, известными под названием «харра». По определению средневековых арабских ученых, «харра—земля, имеющая черные, растрескавшиеся камни; как будто она обожжена огнем». Это «земля, которую покрывают черные камни; если на пей имеется каменная возвышенность, то она представляет собой скалу, а если из нее выступает что-либо, то она является гребнем гор»³⁸.

Название этих каменистых местностей происходит от арабского корня «х-р-р», имеющего значение «быть горячим», «жарким». Это отражает представление арабов о харрах как об областях огня или жара. Харра образовалась в результате вулканических явлений далекого прошлого и является продуктом извержений вулканов в Западной и Северо-Западной Аравии.

Но в изучаемый нами период почти все вулканы в Аравии уже давно были потухшими. Отдельные и не вполне ясные стихи некоторых тогдашних поэтов об огне или пожаре в харре нет достаточных оснований принимать за свидетельства современников и очевидцев об извержениях вулканов. Последнее извержение вулкана, засвидетельствованное арабской исторической литературой, произошло в 1256 г. под Мединой. Оно происходило в течение четырех суток; потоки раскаленной лавы подошли почти к самому городу; яркий свет, ис-

³⁸ Jacuf, II, 247.

ходивший из кратера, превратил безлунную ночь в светлый день ³⁹.

Районы харр разбросаны в виде лавовых островов и островков на территории от Юго-Восточного Хаурана до Мекки. На лавовых полях каждой харры возвышаются своеобразные холмы, обычно имеющие форму усеченных конусов или многогранников, суживающихся к вершине. Обилие камней делает переход по харре исключительно утомительным и весьма опасным предприятием. Кроме того, летнее солнце нагревает камни настолько, что они кажутся горячими, как раскаленные угли. Только верблюды, выросший в районе харры, способен совершать переходы по ней, не рискуя покалечить свои конечности. Песок из соседних степей, постоянно перекачиваемый ветром по поверхности харры, местами отполировал ее настолько, что она ослепительно блестит под лучами солнца.

На Доти харра произвела впечатление «железной пустыни»⁴⁰. Другой европеец, проезжавший по району харры к востоку от Хаурана, определяет ее как безотрадную и страшную каменистую пустыню, как море лавы, в окаменевших волнах которой вода и растительность исключительно редки⁴¹.

Однако харра не абсолютно бесплодна. В углублениях и лощинах, где скапливается достаточно влаги, могут попадаться различные представители пустынной флоры: деревья акации и безлистный кустарник, похожий на воткнутые в грунт метлы. В расщелинах лавового покрова почти всегда (а особенно в дождливый период) можно нарвать охапку травы на корм верблюду и наломать хвороста для костра. В тех исключительно редких случаях, когда в харре встречается источник значительное пространство по соседству с ним бывает покрыто зеленой травой. Всюду, где имеются клочки земли, орошаемые дождем или подпочвенной водой глаз приятно поражает наличие травы и цветов которые не выжигает даже июльское солнце.

Как ни скудны ресурсы харры, их оказывается вполне

³⁹ R. F. Burton, Personal narrative of a pilgrimage to al-Madinah and Meccah, vol. II, London,

⁴⁰ СМ. С. М. Doughty, Travels in Arabia deserta, vol I, p. 379.

⁴¹ M. Oppenheim, Vom Mittelmeer zum Persischen Golf..., Bd I, Berlin, 1899, S. 89, 201.

не достаточно, чтобы прокормить верблюдов и мелкий скот некоторых племен, проводящих в харре большую часть года.

Климат. Аравия находится в жарком поясе, т. е. в той температурной зоне, северной и южной границами которой служит годовая изотерма $+20^{\circ}$. Если же принять деление Земли на пять термических зон, то почти вся Аравия оказывается в субтропической зоне. В этой зоне среднемесячная температура опускается ниже $+20^{\circ}$ в течение от одного до четырех месяцев; наблюдается вполне определенная разница между временами года. Только самая южная часть Аравии — побережье Индийского океана — находится в тропической зоне, которая характеризуется высокой температурой с крайне незначительными температурными колебаниями в продолжение года; все время года температура не ниже $+20^{\circ}$.

Если исходить из гидрологической схемы классификации климатов, то Аравию следует отнести к группе сухих климатов, в которых испарение поглощает все выпадающие осадки. Сухие климаты подразделяются в основном на климат степей и климат пустынь. Исходя из такого деления, большую часть Аравии следует отнести к климату степей, а Руб ал-хали и отчасти Дахпу и в меньшей степени Нефуд — к климату пустынь. В странах с климатом пустынь за год выпадает в среднем не больше 250 мм осадков и сухой, бездождный период продолжается не меньше восьми месяцев.

Термический экватор, пересекая Африку, выходит через Эфиопию и Сомали в Индийский океан. Под действием тепла, образуемого песками великой пустыни Руб ал-хали, этот экватор изгибается к северу и идет вдоль южного побережья Аравийского полуострова.

Итак, для климата Аравии характерна прежде всего высокая годовая температура. На климат этого огромного полуострова оказывают непосредственное и сильное влияние такие факторы, как близость моря, поверхность и направление ветров.

В Западной Аравии, на восточном берегу Красного моря, в Тихаме, большую часть года господствует тяжелая жара, только иногда умеряемая ветрами. Температура часто превышает $+45^{\circ}$ и редко опускается ниже $+15^{\circ}$. Красное море, этот узкий и горячий коридор, от-

личается очень высокой испаряемостью. Европейец, даже в октябре, здесь чувствует себя как в бане и от невыносимой жары может утратить способность речи. Европейские матросы сравнивают порты Западной Аравии с адом. Горячий и неподвижный воздух сильно насыщен водяными парами. В Джидде, например, влажность воздуха настолько велика, что в сентябре, в жаркий день, при совершенно безоблачном небе одежда, оставленная вне дома, через два часа становится совсем мокрой.

На побережье Омана ужасная жара является продолжительным бичом, особенно для иностранцев. Действие исключительно высокой температуры воздуха усиливается отражением солнечных лучей от темных отвесных склонов гор, являющихся как бы зеркалом для палящего солнца. В Маскате термометр показывает 87° на солнце и даже ночью не опускается ниже 42°. Искатель приключений и наживы голландский парусный мастер Стрейс, бывший проездом в Маскате в 1673 г., писал: «В августе и сентябре здесь стоит невероятная жара... По вечерам с берега дуют такие знойные ветры, что чувствуешь, как будто на тело льют кипятки»⁴². Температура Омана стала предметом явных преувеличений еще в средние века. Так, один перс писал в середине XV в.: «Жара была настолько сильной, что сжигала мозг в костях, меч в ножнах размягчался, как воск, а драгоценные камни, украшающие рукоять кинжала, превращались в уголь. На равнинах охота была исключительно легким делом, так как пустыня была наполнена жареными газелями»⁴³.

Жаркий и влажный климат ал-Хасы напоминает климат краспоморский Тихамы, но переносится легче. Вообще в климатическом отношении (как и в отношении рельефа) побережья Аравии являются наиболее безотрадными и тяжелыми районами полуострова. Уже в восточной части Хиджаза, защищенной горной цепью от испарений, идущих с Красного моря, климат значительно суше. Правда, здесь большую часть года царит палящая жара, но нет в дополнение к ней гнетущей влажности.

Следует заметить, что температура Аравии подверже-

⁴² Я. Я- Стрейс, Три путешествия, М., 1935, стр. 341

⁴³ S. M. Zwemer, Arabia: the cradle of islam, London, 1900, p. 80.

на очень резким колебаниям не столько в продолжение года, по сезонам, сколько в течение суток. Европейские путешественники по Аравии чаще жалуются на холод ночью, чем на жару днем. Так, Эдмон Реттер без всякого удовольствия вспоминает о жестоком, пронизывающем холоде, который он ощущал в декабрьское утро, перед восходом солнца, в горах Сарата, недалеко от Таифа. Даже в апреле в районе Медины ночи бывают довольно прохладными и часто дует свежий северо-западный ветерок. В знойной песчаной пустыне Руб алхали ночной холод (по крайней мере в декабре и январе) — обычное явление, и местные кочевники сильно страдают от него, когда нет под рукой топлива для костра. Здесь целую неделю может держаться по ночам довольно низкая температура (до +8°).

В Северо-Западной Аравии (в частности, к юго-востоку и востоку от Мертвого моря) в декабре и январе ртуть термометра подолгу держится ниже нуля. Снег может выпадать (с некоторыми перерывами) в течение нескольких дней, чередуясь с холодным дождем. Грязь сильно затрудняет движение; ее верхний слой затвердевает от мороза. Иногда опускается густой туман; камни становятся как бы седыми от инея. Временами снег целыми часами покрывает землю и лежит на крышах домов, создавая впечатление зимнего пейзажа, характерного для более северных широт.¹ Крайне неприятное ощущение, вызываемое такой погодой, становится особенно скверным, когда по голым равнинам дуют ветры с севера или востока. Такая зимняя погода обычно приводит арабов в состояние полной безнадежности; если у них нет возможности спастись под крышей или развести костер, они пытаются избавиться от мучительного ощущения холода, плотно прижимаясь к бокам своих верховых животных.

Вообще арабы (и особенно кочевники) очень зябки. Даже в теплые августовские вечера и ночи в Сирийской пустыне можно наблюдать, как местные кочевники тесным кольцом окружают ярко пылающий костер. Доисламская арабская поэзия сохранила образ витязя, который бросает свой лук и стрелы в костер, потухающий от недостатка топлива; он готов скорее остаться беззащитным, чем страдать от ночного холода. Только исключительно сильные телом и духом арабские витязи, такие,

как бесстрашный, неутомимый и неукротимый Шанфара, могли сказать о себе:

«Не в одну злочастную ночь, когда владелец сжигает свой
лук и стрелы, которыми он запасся,
Я шел под мраком и дождем, а моими спутниками были
холод, голод, страх и дрожь»

В наиболее суровые зимы снег на некоторое время покрывает тонким белым покровом районы харры, расположенные на высоте около 1 тыс. м. В горном районе, находящемся в двух днях пути на юго-восток от Маана, снег подолгу лежит почти каждую зиму. В Центральной Аравии снег — уже гораздо более редкое явление: по утверждению местных жителей, он выпадает здесь раз в 40 лет, но, выпав, может лежать в течение трех суток.

В остальной Аравии мороз и снег исключительно редки. Так, арабские географы знают только две местности, где замерзает вода: эта гора близ Таифа и г. Сана, в Йемене. В Йемене же имеется гора, на которой снег выпадает почти каждую зиму. По непроверенным слухам, в весьма жарком Омане в одном месте, удаленном от моря, земля иногда покрывалась тонким слоем снега.

Важными факторами, вызывающими изменение температуры, являются ветры, облачность и выпадение осадков.

Арабы называли ветры по странам света. Страшным и жестоким обитатели Сирийской пустыни и Хиджаза считали северный ветер. Этот холодный, зимний ветер вызывал резкое понижение температуры в Северной и Западной Аравии. В Хиджазе он вытеснял приток теплого воздуха, поступающего из Эритреи и с Индийского океана. С первыми же порывами резкого, пронизывающего шималья (как называли северный ветер) в Хиджазе наступало тяжелое время жестоких страданий. Арабская поэзия сохранила яркие картины бедствий, которым подвергались хиджазцы от холода и ветра. Толпа детей и вдов осаждала палатку предводителя племени, прося помощи, воя от голода и дрожа от холода. Северный ветер (даже когда по окончании зимы он бывал теплым) считался у арабов вредным для здоровья людей и животных. Западный ветер, который чаще всего дул

⁴⁴ И. Ю. Крачкавский, Аш-Шанфара. Песнь пустыни, — Избранные сочинения, т. II, стр. 243.

Летом, не пользовался такой плохой репутацией. Особенно благотворным арабы считали южный ветер, который, по их мнению, оказывал положительное воздействие на землю и способствовал росту трав⁴⁵. Страшным и губительным считался в Аравии горячий восточный ветер, известный под названием самум. Это знойное, палящее дыхание аравийских пустынь. Самум высушивал бурдюки, вызывая почти моментальное испарение содержащейся в них воды. Поэтому застигнутые этим жгучим циклоном часто погибали от жажды.

За исключением самума, который нередко приносил гибель людям и животным, ветры в Аравии играли важную положительную роль. Они приносили дождевую влагу в страну, хронически страдавшую от недостатка воды. В Аравии (за исключением Йемена) не было ни постоянно текущих рек, ни пресноводных озер. Поэтому осадки приобретали в ней исключительное значение. Эти осадки (прежде всего дождь, а затем роса) выпадали неравномерно. Пожалуй, только в нагорном Йемене регулярно шли дожди.

В Неджде дожди выпадали летом и зимой. Августовские и сентябрьские дожди превращали выжженные летним солнцем степи в великолепные пастбища. Иногда эти дожди выпадали в виде обильных ливней, сопровождаемых грозами. Правда, в Центральной Аравии ливни были сравнительно редкими, но они обладали исключительной разрушительной силой, порождая обильные многоводные стремительные потоки, которые способны смыть с лица земли и занести песком земледельческую культуру целых областей.

В Западной и Северной Аравии выпадение дождевых осадков обуславливается действием ветров, дующих с севера и северо-запада, со стороны Средиземного и Черного морей. В Хиджазе дожди идут обычно зимой и в начале весны. Они выпадают неравномерно, через большие промежутки времени. А между тем скотоводы с вполне понятным нетерпением ожидали поступления «воды неба», начала дождливого сезона. Иногда они даже передвигались со своими стадами в поисках земли, орошенной дождем. Но бывали и такие годы, в которые

⁴⁵ J. L. Burckhardt, Notes on the bedouins and wahdbys, collected during his travels in the East. London, 1830.

не выпадало ни капли дождя. В очень тяжелом положении оказывалось население, когда бездожде продолжалось три-четыре года подряд. Такие годы арабы называли «серыми», так как совершенно лишённые влаги аравийские степи приобретали серый цвет.

Дожди в Аравии отличаются исключительной силой, как это свойственно дождям субтропической зоны. В изучаемый нами период в Аравии выпадали ливневые дожди. Тучи разражались таким обильным ливнем, что арабам казалось, будто тучи разорвались, как изношенная ткань, а падавшие дождевые струи по их стремительности и обилию напоминали им доение хорошо откормленной верблюдицы. Голые скалы с крутыми склонами, лишёнными земли и растительности, не могли ни впитать, ни задержать массу воды, стремительно падающую с неба. Ливень порождал мощные и стремительные потоки. Дождевая вода, растекаясь по равнинам, быстро наполняла все углубления поверхности, образуя лужи, обширные, как озера. С шумом и ревом устремлялась вода в сухие вадии, неслась по долинам и ущельям, все захватывая и сокрушая на своем пути. При особенно сильном и продолжительном дожде широкие и глубокие вадии ненадолго превращались в реки, напоминавшие Нил и Евфрат⁴⁶.

Иногда неуправляемый и всепоглощающий поток (сель), кативший камни и куски лавы и несший стволы деревьев, сметал на своем пути целые становища кочевников, захватывая в свой бурный водоворот людей, животных и палатки. В «Муаллаке» Имру уль-Кайса, относящейся к V в., изображена разрушительная сила дождевого потока, который утром опрокинул вверх корнями громадные деревья, затем не оставил в земле ни одного пня пальмы и ни одного строения, кроме сложенных из камней, а вечером трупы наступивших и поглощенных им диких зверей валялись далеко от их логовищ⁴⁷.

Если поток обрушивался на становище ночью во время сна, то всех его обитателей ждала неминуемая гибель. Предвидеть наводнение и избежать причиняемых им бедствий было далеко не всегда возможно. Поток, порожденный ливнем, с поразительной быстротой про-

⁴⁶ H. Lammens, *Le berceau de l'islam*, pp 23. 24

⁴⁷ «Муаллака Имру-уль-Кайса», стр. 29—31.

бегал десятки Километров, причиняя сметь и разрушение там, где о туче и дожде еще ничего не было слышно. Шум потока, похожий на непрерывные раскаты грома, предупреждал людей и животных о своем приближении слишком поздно.

На расстоянии двух переходов к востоку от Медины в XI в. печальной известностью пользовалось место, о котором рассказывали, что «один год там собралось очень много паломников, внезапно хлынул горный поток, и все они погибли»⁴⁸.

Дожди оказывали исключительно благотворное влияние на аравийскую флору. Степи к концу дождливого периода покрывались пестрым ковром трав и цветов; кустарники оживали, одевались листвой, пуокали свежие побеги; дикорастущие деревья получали новый запас влаги; в траве появлялись в изобилии съедобные споровые растения. Питая растительность, дожди в то же время очищали верхний слой почвы. Масса воды смывала минеральные частицы (в том числе соли), которыми была покрыта почва в результате быстрого испарения прошлогодней дождевой воды.

Во впадинах почвы, куда стекала дождевая вода, образовывались временные пруды и озера. Наиболее значительные из таких естественных водоемов арабы называли гадирами. В них можно было купаться, плавать и нырять. Известен гадир, длина которого доходила до 15 км. Сухость воздуха и действие солнечных лучей, падавших с безоблачного неба, сильно ускоряли процесс испарения воды в этих водоемах. Уже через несколько недель все мелкие резервуары совершенно высохали. Только наиболее крупные гадиры сохраняли постепенно убывавшую воду в течение трех месяцев после прекращения дождей.

Далеко не все эти естественные резервуары содержали воду, вполне пригодную для питья. В некоторых из них имелся такой значительный процент соли и других минеральных частиц (принесенных дождевыми потоками с поверхности окружающей местности), что их вода была не только неприятной на вкус, но и вредной для человеческого организма.

С твердой, высушенной солнцем и особенно с каме-

⁴⁸Насир-и Хусрау, Сафар-намэ, М—Л., 1933, стр. 135.

истой поверхности вода быстро стекала, но в песчаных местах дождевая влага уходила под почву и питала обильные грунтовые воды. Песчаный покров служил великолепным фильтром. Уйдя под почву до твердого грунта, вода держалась там сравнительно долго, так как слой песка служил надежной защитой воды от испаряющего действия солнца. Эти подпочвенные запасы воды иногда находились так близко к поверхности почвы, что достаточно было разгрести песок руками, чтобы добраться до воды. Во всяком случае в начале лета, после дождливого периода, толщина песчаного покрова над грунтовой водой не превышала длины посоха или копья. Многие грунтовые воды находились в постоянном движении, протекая по подземным руслам. В степях Хиджаза можно было предполагать наличие разветвленной сети подпочвенных потоков, которые питали многочисленные колодцы. По своему составу и на вкус грунтовая вода обладала высоким качеством, как жидкость, профильтрованная через толстый слой песка. Поэтому арабы предпочитали брать питьевую воду из колодцев и избегали пить из наземных открытых бассейнов.

Экономика и общественный строй

Кочевое скотоводство. В изучаемый нами период подавляющее большинство населения Аравии составляли кочевники-скотоводы. Они населяли обширные пространства аравийских степей полупустынь, известных под общим названием «бавд» или «бедв». Отсюда произошло название аравийского кочевника — «бадави» или «бадауи», перешедшее в европейские языки в форме арабского множественного числа — бедуин. Это слово не является синонимом слов «араб» и «аравитянин». Оно вполне соответствует русскому слову «степняк» и приложимо только к обитателю степи и полупустыни, следовательно, это название не распространялось ни на земледельцев, ни на горожан.

Бедуины занимались скотоводством, преимущественно верблюдоводством; коневодство и овцеводство имели у них, в общем, второстепенное значение, а козоводство ограничивалось очень незначительными размерами. Свообразные климатические условия пустынно-степной Аравии (и прежде всего режим осадков) и специфиче-

ские особенности растительного мира придавали арабийскому скотоводству своеобразные формы.

Бедуин всецело зависел от окружающей его природы. После зимних дождей наступала весна — раби, сезон изобилия и благоденствия для бедуинов и их стад. В этот сезон, когда молоко и масло «текли рекой», люди и скот нагуливали жир, служивший резервом организма на будущие скудные и тяжелые времена года. После непродолжительной весны бедуины попадали в пекло аравийского лета. Тропическое солнце быстро выжигало весенний ковер зелени, еще быстрее испарялись надпочвенные воды, колодцы пересыхали потому, что количество грунтовых вод значительно уменьшалось. Тогда бедуины были вынуждены искать новые пастбища, так как вследствие недостатка корма верблюдицы переставали давать молоко. В конце лета бедуины все чаще прибегали к такому средству борьбы с голодом, как привязывание плоского камня к впалому животу.

С наступлением зимы бедуины все внимательнее всматривались в горизонт в надежде обнаружить признаки приближающихся дождей, все чаще спрашивали каждого встречного, шедшего с севера, в каком состоянии там небо. Получив благоприятное известие, а то и просто под влиянием слухов бедуины быстро снимались с одного места и, гоня свои стада, передвигались на другое в поисках пастбищ, орошенных дождем. С этой целью аравийские скотоводы иногда преодолевали огромные расстояния, приходя из центра полуострова в Сирийскую пустыню, углубляясь в нефуды, перегоня стада по окраинам Руб ал-хали. Когда после жаркого лета зимние дожди запаздывали, бедуины буквально металась по степям и пустыням в поисках воды и корма для скота.

Так географическая среда и прежде всего осадки и растительный покров в зависимости от ряда метеорологических явлений давали возможность жителям аравийских степей и полупустынь заниматься только скотоводством и только в форме кочевничества. Кочевое скотоводство было основным источником существования, основной отраслью производства у подавляющего большинства населения пустынно-степной Аравии.

Та же географическая среда поставила бедуина в полную зависимость от верблюда. Вполне правильно

мнение, что большая часть Аравии осталась бы необитаемой, если бы там не было верблюдов. Алоис Шпренгер назвал бедуина «паразитом верблюда»⁴⁹, т. е. питающимся за счет другого. Верблюд — крупное жвачное млекопитающее отлично приспособилось к существованию в жарких и маловодных аравийских степях. Ион Халдуи в «Мукаддима» сообщает, что наиболее сильными, красивыми, резвыми и устойчивыми особями верблюжьей породы были именно те, которые появились на свет в самом сердце раскаленных солнцем песчаных пустынь Аравии. Верблюд может оставаться без воды пять суток летом и двадцать суток зимой. Имея сравнительно сочный корм на весенних пастбищах, он обходится без воды несколько недель. Не только соленая и горькая вода, но также зловонная жидкая грязь, добываемая со дна почти совершенно пересохшего колодца, служили пойлом для верблюда. Летом и зимой, во время длительных перекочевок или утомительных переходов по глубоким пескам, с тяжелым грузом на спине, верблюд питается жесткими, горькими и колючими растениями пустыни.

В районах, где много фиников, верблюдов кормили толчеными косточками этих плодов, а на побережье Южной Аравии — сардинами и саранчой.

Требуя очень мало, верблюд давал бедуину очень много: обслуживал и кормил его в тяжелых условиях пустыни; пищу, одежду, обувь, жилище, топливо и многое другое житель пустынно-степной Аравии мог получить только от верблюда. Верблюжье молоко наряду с финиками было основным и часто единственным питанием аравийского кочевника. Для него хлеб и прочие мучные изделия были слишком дорогой, а следовательно, очень редкой пищей. На пастбищах, расположенных далеко от колодцев, верблюжье молоко оказывалось единственным средством утоления жажды.

Верблюжье мясо не могло служить постоянной пищей аравийского кочевника: у рядовых бедуинов поголовье верблюжьих стад было ограниченным; эти животные размножаются сравнительно медленно, поскольку верблюдица приносит не более одного верблюжонка в

⁴⁹ "Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft", Bd XIV, Leipzig, 1891, S. 361.

Два года. Поэтому верблюжатину ели в особых случаях - при приеме гостя и на празднествах.

Бедуин одевался в ткани, сотканые из верблюжьей шерсти. Из этого же материала изготовлялся войлок для палаток, служивших жилищем аравийского кочевника, Поэтому бедуинов называли «людьми войлока» и противопоставляли их «людям глины», т.е. оседлым жителям, обитавшим в мазанках.

Кожа верблюда шла на изготовление примитивной обуви бедуина. Из нее же изготовляли седла и сбрую. Кроме того, сыромятные ремни из верблюжьей кожи часто употреблялись для упаковки товаров, перевозившихся и в большом количестве караванами. Помет верблюда служил топливом, а моча употреблялась как косметическое средство или как лекарство. При отсутствии воды бедуинки подмывали своих младенцев этой жидкостью. Она же служила испытанным средством для борьбы с паразитами. По этой причине бедуинки предпочитали верблюжью мочу воде, когда делали себе прически, которые им самим и их поклонникам могли казаться изящными. Согласно рецептам арабской народной медицины, верблюжья моча—лучшее лекарство против лихорадки; она же употреблялась и как тонизирующее средство; желудочный сок, извлеченный из молодого верблюда, считался очень хорошим средством при болезнях желудка.

В Аравии до наших дней распространен только одногорбый верблюд, или дромадер (*Camelus dromedarius*).

Другой вид этого животного—двугорбый (бактрийский) верблюд в Аравии никогда не встречался.

Зоологи не относят верблюда к числу умных животных; его считают равнодушным, глупым и трусливым. Лаб же (и особенно бедуин) всегда высоко ценил верблюда, считая его не только самым полезным, но и красивым животным. В арабской доисламской поэзии обычны сравнения телесных достоинств красавицы, возлюбленной поэта, с частями тела верблюдицы. В твердо установленной композиционной форме касыды арабский поэт изображает себя едущим по пустыне на верблюде и дает его описание. «Иногда он делает это так подробно,— пишет акад. И. Ю. Крачковский,— что нужно быть действительно знатоком и любителем благородного жи-

вотного, чтобы по достоинству оцепить описание»⁵⁰. Верблюд наряду с конем давал арабскому поэту неиссякаемый запас эпитетов.

В Лравии всегда отличали верхового верблюда (дромадера в узком смысле слова) от вьючного верблюда, который был там наиболее распространен. Обычный верблюжий караван идет по шесть часов в день со скоростью 5,5 км в час, а хороший дромадер пробегает до 130 км в сутки без остановок. Обычный груз, который несет вьючный верблюд, не превышает 270 кг, хотя наиболее сильные из них могут нести более 450 кг. Арабы очень давно обнаружили у верблюда такое, казалось бы, неожиданное качество, как музыкальность. Оказывается, верблюд более музыкален, чем кавалерийская лошадь. На этом основании возникла «верблюжья» теория происхождения арабской поэзии. Некоторые востоковеды считают, что арабские стихотворные размеры сложились в непосредственной зависимости от ритмичного движения верблюда, когда ехавший па нем бедуин приноравливал свое пение к размеренному шагу животного; в то же время ритм этого пения вызывал соответствующий ритм шага у музыкально восприимчивого верблюда.

В своем отношении к верблюду бедуин никогда не проявлял такой трогательной заботы и нежности, какие характерны для его обращения с лошадей. Хорошая лошадь всегда являлась предметом гордости и славы не только для ее владельца, но и для всего его рода и племени. Особенно ценились быстроходные кобылицы, бег которых обычно сравнивался с ветром. «Она поджара и горяча,—говорит арабский поэт о своей лошади,— и когда разгорячится, храп ее подобен кипению котла. У нее подвздошная часть газели, голени страуса, бег волка, а скок лисенка».

Каждый владелец хорошем лошади чрезмерно гордился чистотой ее крови и твердо хранил в памяти ее самую подробную генеалогию. Взаимные преданность и привязанность араба и его коня хорошо известны даже из европейских школьных хрестоматий.

⁵⁰ И. Ю. Крачковский, Арабская поэзия,—Избранные сочинения, т. II, стр. 51.

В западноевропейской беллетристике и живописи еще недавно склонны были изображать арабов неотделимыми от их коней, своего рода кентаврами. На самом деле бедуины во всей их массе являются верблюжатниками, а не конниками. Лошади были сравнительно редки в Аравии, и только немногие арабы имели возможность ездить и сражаться на конях. Прежде всего районы распространения лошадей в Аравии были ограничены природными условиями. В отличие от нетребовательного верблюда лошадь необходимо поить чистой и свежей водой два-три раза в сутки. Основным кормом для лошади в Аравии служит ячмень, районы производства которого там тоже ограничены. Овес встречается в Аравии очень редко и считается в тамошних климатических условиях чересчур горячительным кормом. При скудных фуражных ресурсах, которыми могли располагать аравийские коневоды в Центральной и Восточной Аравии, лошадей кормили финиками, смешанными с сушеным клевером, в Недже лошадей приучали есть мясо, как сырое, так и вареное. Такой невероятный, по нашим понятиям, корм значительно увеличивал выносливость лошади. По уверению одного сирийца, его лошадь, которую он кормил некоторое время жареной свининой, пришла в результате такого питания в столь возбужденное состояние, что ее не мог обуздать даже опытный наездник. В некоторых местах в Аравии лошадей кормили саранчой и считали, что этот корм укрепляет мышцы. В Хадрамауте кормом для лошадей служила даже сушеная рыба. Вследствие недостатка воды верблюжье молоко стало основным лошадиным пойлом. Наиболее зажиточные владельцы лошадей обычно «прикрепляли» молочную верблюдицу к определенной лошади, которая и становилась единственной потребительницей молока этой верблюдицы. Рядовой бедуин, владевший конем, поил своего коня верблюжьим молоком часто в ущерб питанию своей семьи. Вообще выращивание и содержание лошади в пустынно-степной Аравии были чреваты многими трудностями и заботами. Недаром у арабов сложилась пословица: кто имеет жену и лошадь, тот никогда не знает покоя.

Лошадь в Аравии никогда не имела хозяйственного значения. Ее роль ограничивалась областью спорта и военных предприятий.

Земледелие. Сравнительно с бедуинами, кочевника-

ми-скотоводами, оседлое население в Аравии в V—VI вв. составляло меньшинство, хотя количественно и довольно значительно. Конечно, для изучаемого периода совершенно невозможно добыть хотя бы самые приблизительные статистические данные о численном соотношении кочевников и оседлых.

Оседлое население Аравии того времени занималось преимущественно земледелием — культурой злаков, финиковой пальмы, виноградарством. В большей части Аравии выращивание культурных растений было возможно только при условии искусственного орошения.

Наиболее развитой земледельческой областью Аравии, с весьма продолжительной традицией оседлой жизни, был Йемен. Еще в I тысячелетии до н. э., т. е. во времена существования рабовладельческих цивилизаций в Передней Азии и Северо-Восточной Африке, Южная Аравия была процветающей цивилизованной страной. В этой стране наряду с земледелием (высокий уровень которого обеспечивала сложная система ирригации) получило развитие ремесленное производство и торговля в городах.

Население древнего Йемена, говорившее на особом языке семитической группы, создало свою оригинальную культуру, в том числе самобытную буквенную письменность; ее памятники сохранились до наших дней в виде надписей на камне и металле. Помимо этих эпиграфических произведений о бывлой высокой культуре древнего Йемена свидетельствуют развалины великолепных дворцов и храмов и остатки грандиозных оросительных сооружений — плотин и водоемов. «Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, — писал Ф. Энгельс в 1853 г., — они были, видимо, таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их архитектурные сооружения»⁵³.

По ряду причин, не вполне еще выясненных, в изучаемый нами период материальная и духовная культура Йемена вступила в период упадка. Это происходило во время правления царей южноаравийского второго (позднего) государства химьяритов (гомернтов греко-латинских писателей), существовавшего с 300 до 525 г.;

⁵³Энгельс-Марксу, около 26 мая 1853 г., - К. Маркс л Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 28, стр. 210.

это государство включало в свой состав не только Йемен, но и Хадрамаут. Важнейшими событиями, способствовавшими упадку Химьярского царства, следует признать переселение йеменских кочевых племен на север и нашествия эфиопов из Аксумского царства. Эфиопские нападения на Южную Аравию, начавшиеся еще во II в. и. э., приводили к установлению временного господства аксумитов в отдельных частях государства химьяров. Ко второй четверти VI в. династия химьярских царей, носивших титул тубба, прекратилась, и Йемен перешел под управление наместника эфиопского негуса до появления военно-морской экспедиции сасанидского шахиншаха Хосрова I; вооруженные силы этой экспедиции в 570-х годах установили в Йемене господство Сасанидов.

В V—VI вв. Йемен, утративший свое бывшее экономическое значение, а затем и политическую независимость, продолжал оставаться земледельческой страной. В хозяйстве Йемена взаимно сочетались богарное земледелие и искусственное орошение. Периодически выпадавшие дождевые осадки давали достаточное количество влаги для посевов и садов, а система плотин и водоемов обеспечивала хранение дождевой воды и ее постепенное расходование по оросительным каналам в течение всего года. Самое крупное водохранилище в горах Йемена было ограждено знаменитой Марибской плотиной. В VI в. эта плотина прорвалась, что причинило большой ущерб йеменскому сельскому хозяйству. Но эфиопский наместник сумел мобилизовать трудовую энергию населения, чтобы восстановить ее. Видимо, после этого бедствия размеры оросительной системы уменьшились и техника орошения снизилась. Йеменские земледельцы были вынуждены расширять посевы засухоустойчивых растений вроде дурры (проса), которую стали сеять наряду с пшеницей.

До наших дней со времен глубокой древности в Йемене сохранилось террасное земледелие. Посевы расположены по плодородным склонам гор в виде террас, возвышающихся одна над другой и орошаемых из запасов дождевой воды, собранных в водоемах и постепенно поступающих на поля по маленьким каналам. В наше время на многих таких террасах расположены насаждения кофейного дерева, которое было ввезено в Йемен из Эфиопии в XIV в. Следовательно, в изучаемый нами

период кофе, получивший впоследствии широкое распространение в Аравии, совершенно не был известен. Но финиковая пальма и виноградная лоза культивировались в Йемене с эпохи древности. Большое значение имело выращивание красящих растений, дававших красители для ткацкого ремесла.

Наряду с текстильным ремеслом в Йемене было развито дубление и обработка кожи, которая славилась по всей Аравии своим высоким качеством. Один арабский поэт, описывая физические достоинства своей верблюдицы, говорит, что «ее губы как будто выделаны из йеменской кожи, которая не морщится»⁵⁴. Высоко ценилось также йеменское оружие, особенно мечи, и панцири. Другой доисламский арабский поэт-Тааббата Шарран, описывая фантастическую встречу в пустыне с оборотнем, злой ведьмой, которая сделала прыжок в его сторону, говорит: «Но тут над ней во мраке ночи блеснул йеменский мой клинок»⁵⁵.

Соседний с Йеменом Хадрамаут тоже был известен европейским античным писателям как страна, производящая благовония. Средневековые арабские географы дают мало сведений о Хадрамауте, который, будучи расположен на отдаленной периферии Халифата, вдали от его экономических и культурных центров, не особенно интересовал их. Но можно с уверенностью полагать, что в изучаемый нами период в этой стране, как и в соседнем Йемене, было развито ирригационное земледелие, продолжавшее существовать там и в XIX в. Открывший эту страну для Европы ученый-путешественник Вреде был поражен и очарован развитым земледелием и богатой растительностью внутреннего Хадрамаута. В большой долине, проходящей по этой стране с востока на запад, и в ответвляющихся от нее многочисленных вади он любовался хорошо орошенными и обработанными полями, на которых произрастали пшеница и дурра, пальма, арей (род тополей) и другие деревья, обвитые лианами; на лугах он видел много домашнего скота. По склонам вади «поднимаются амфи-

⁵⁴А. Крымский, Арабская Литература в очерках и образцах, М., 1911 (литогор), стр 184

⁵⁵С. Ю. Олферьев, Изобласти древнеарабской лирической поэзии, "Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера", М. 1990, стр. 269

театром города и селения, между которыми расположены отдельные хозяйства и могилы святых». Технику орошения посевов и садов местное земледельческое население унаследовало от своих предков и нередко даже пользовалось ирригационными сооружениями, созданными давно исчезнувшими поколениями. Такие сообщения Вреде в Европе были встречены с недоверием и даже насмешками. Но последующие европейские путешественники по Хадрамауту положили конец неверным представлениям об этой стране как «обители смерти»⁵⁶.

К востоку от Хадрамаута расположена Махра, бедная область в которой нет ни пальм, ни посевов. Эта область издавна славилась своими быстроходными верблюдами-мехари, которых охотно покупали в других областях Аравии и за ее пределами. Быстрый бег и бурный темперамент этой породы верблюдов их продавцы объясняли тем, что на их верблюдиц налетали джины, от которых и получалось такое быстроногое потомство. Некоторые востоковеды полагают, что, вероятно, это были не фантастические духи пустыни, а одичавшие верблюды, жившие в песчаном безлюдье.

В Омани земледелие было развито на плодородной прибрежной равнине ал-Батина, где наряду с культурой финиковой пальмы население занималось выращиванием хлебных злаков (в том числе, пшеницы) и овощей. Значительная часть Омана, занятая горами и пустынями, непригодна для земледелия. Однако и в этой части страны встречались оазисы, в которых под финиковыми пальмами были раскинуты возделанные поля и огороды. Богатая природа и высокая земледельческая культура Омана давали средневековым арабам основание сравнивать эту страну с садом. Земледелие (особенно в оазисах) было возможно благодаря наличию обильных подпочвенных вод, во многих местах находившихся на незначительной глубине.⁵⁷ По сообщениям средневековых арабских географов, Оман — страна, в которой много пальм и фруктов (бананы, гранаты и др.).

Очень важной и известной земледельческой областью Аравии в V—VI вв. была Йемама, или Джавв ал-Йема-

⁵⁶ В. А. Крачковская, К столетию изучения Хадрамаута, — «Известия Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 4, М.-Л., 1943. стр. 31—45.

⁵⁷ J. R. Wellsted, *Travels in Arabia*, vol. I, London, 1838.

ма (долина ал-Йемамы). Территория и границы этой области точно неизвестны. Возможно, она простиралась по склонам Арида и вдоль вади Ирда в юго-восточной части Неджда; с востока ограничивалась Дахной. Несомненно, это был очень обширный район, так как арабские географы IX—X вв. приводят длинный список населенных пунктов, находившихся в Йемене, и указывают, что с ее населения взималась очень высокая сумма податей (510 тыс. динаров). Некоторые полагают (в их числе Филби), что в средние века значительная часть этой цветущей земледельческой области была разрушена сильным наводнением, причиненным ливневыми дождями.

В Йемене земледелие (преимущественно культура пшеницы) было основано на искусственном орошении. Проходивший через Йемаму вади содержал обильные грунтовые воды, находившиеся недалеко от поверхности. Иакут говорит о Йемене как о земледельческой области, целые районы которой заняты под посевы. Филби сообщает об обширном оазисе Дилем, всецело засеянном пшеницей и ячменем. В последнее время культурная площадь в йемене значительно сократилась вследствие наступления на нее движущихся песков из соседней пустыни⁵⁸. В начале VII в. Йемаму населяло племя бенуханифа, которое получило большую известность в период начального ислама благодаря деятельности местного пророка Мусейлимы. Этот представитель и идеолог йемамских земледельцев, обращаясь к своим соплеменникам, говорил: «Засаевающие пашню, собирающие жатву, молотящие пшеницу, мелющие муку, пекущие хлеб, разрезающие его на куски, съедающие куски с жиром и топленным маслом, вы лучше людей войлока и не хуже людей глины; свои пашни обороняйте, ищущему милости дайте убежище, дерзкого прогоняйте»⁵⁹. Из этих слов можно вывести заключение, что аравийские земледельцы считали, что они лучше кочевников и не хуже горожан.

Наряду с обширными земледельческими областями немалое значение в экономике Аравии имели оазисы.

⁵⁸ В. В. Бартольд, Мусейлима, — «Известия АН СССР», 1925, № 12-15, СР-486-489.

⁵⁹ Там же, стр. 502.

Под ними не следует понимать клочок земли, орошаемый родником и дающий жизнь нескольким пальмам. Такие ничтожные островки растительности, разбросанные в огромном песчаном море, существовать не могли, так как их заносили бы летучие пески. Лермонтовские «Три пальмы» — плод художественного воображения, не соответствующий реальной действительности.

Оазис — это значительный по своему пространству район, в котором возделанные поля, сады и пальмовые рощи обильно орошаются водой из непересыхающих колодцев; их оседлое население проживало в деревнях, имевших базары, места привала караванов и святилища местных божеств; некоторые из этих населенных пунктов разрастались в города. О размерах и значении оазисов можно судить по таким земледельческим районам, как Касым и Джауф (Джоф).

В Хиджазе наиболее крупным оазисом был Иасриб (Ясриб), который еще до возникновения ислама стали называть Мединой, т. е. городом. На территории оазиса, ограниченной бесплодными харрами, было разбросано несколько селений-деревень, «даров» (т. е. совокупность жилищ, находившихся в совместном владении какого-либо рода), и отдельных домов. Эти поселения и жилища были отделены одно от другого пальмовыми рощами, огородами и возделанными полями с посевами пшеницы и ячменя.

Другим крупным населенным пунктом был г. Таиф, славившийся своими садами и иногда называемый городом-садом. Его искусные садоводы и огородники снабжали фруктами и овощами жителей Мекки. В Севером Западной Аравии, недалеко от южных границ Сирийской пустыни, была расположена группа оазисов, каждый из которых имел сходство с Мединой, но уступал ей размерами своей культурной площади.

При изучении хозяйства Аравии V—VI вв. нельзя упускать из виду наличие и деятельность полуседлого-полукочевого населения. Несомненно, что в Аравии в течение тысячелетий происходил процесс медленного оседания кочевников на землю. Это были племена, кочевья которых обычно прилегали к большим оазисам или к земледельческим областям, возделывали и засевали отдельные участки плодородной земли. После этого большая часть племени, оставив несколько семей для

ухода за посевами и для охраны их, откочевывала со своими стадами в степь. Ко времени жатвы племя возвращалось к засеянному полю и производило уборку и обмолот. Иногда оно оставалось при своем поле па всю зиму, а весной, после посевных работ, снова переходило к кочевничеству. Некоторые племена владели только пальмовыми рощами, к которым они прикочевывали на время сбора плодов.

Таким образом, в Аравии V—VI вв. мы наблюдаем наличие кочевого скотоводства и земледелия. На это обратил внимание К. Маркс. «У всех восточных племен,— писал он, — можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части»⁶⁰.

Родо-племенная организация арабов. В V—VI вв. арабы (по крайней мере подавляющее большинство их, за исключением оседлого населения Йемена) находились в стадии первобытнообщинных отношений. Государство с его учреждениями еще не образовалось в этом доклассовом обществе. Арабы жили в условиях родоплеменного строя, при котором единственной организацией было объединение людей, основанное на кровнородственных связях. Все население Аравии, как кочевники, так и оседлые, распадалось на отдельные племена, а каждое племя (в зависимости от его численности и размеров территории его расселения) состояло из большого или малого числа кланов и родов.

По представлениям арабских генеалогов («знатоков родословий») VII—VIII вв., все арабы вели свое происхождение от библейского Авраама (по-арабски — Ибрахим). Родоначальником северных арабов считался сын этого патриарха Исмаил, а южных арабов — Иактан, которого отождествляли с арабским Кахтаном. Вторую из двух основных групп арабских племен считали «настоящими арабами» — ал-араб ал-ариба, а первую — «арабизированными арабами» — ал-араб ал-мутаарриба или ал-араб ал-мустариба. Каждая из двух основных групп состояла из многих племен. Каждое племя имело свое название, а наиболее крупные племена в ходе расселения на Аравийском полуострове и за его

⁶⁰ Маркс — Энгельсу, 2 июля 1863 г., — К. Мартоу и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 28, стр. 214.

пределами распались в свою очередь на самостоятельные племена, каждое из которых принимало новое название. Расселение племен, начиная со второй половины I тысячелетия до н. э., происходило с юга на север и захватило степные и полупустынные области соседних стран — Месопотамии, Сирии и Египта. Сведения о движении арабских племен в обратном направлении, т. е. с севера на юг, не содержат ни народные предания, ни письменные источники.

Теперь уже вполне доказана несостоятельность старых понятий, что род, входивший в состав племени, является не чем иным, как только естественно разросшейся семьей. Робертсон Смит показал, что представления, или «теория», арабских генеалогов, разработанная ими в I в. хиджры, не соответствует исторической действительности, отраженной в доисламской поэзии. Он полагал, что арабский род не был объединением кровных родственников, а представлял собой группу, среди членов которой были запрещены вражда и столкновения, приводившие к кровопролитию. В то же время в этой группе, носившей свое собственное название, каждый взрослый мужчина был обязан участвовать в кровной мести: мстить убийце своего сородича и защищать убийцу, принадлежащего к его роду. Признание взаимного родства членами группы, которые называли друг друга «братьями», не может служить доказательством действительного родства. «Брат» и «братство» в семитских языках — слово с довольно неопределенным и расплывчатым значением, а у арабов «братьями» могли считаться по взаимному соглашению люди, кровно не связанные между собой. Далеко не все племена назывались по имени их родоначальников, хотя бы и легендарных. Названия большинства племен происходили от названий тотемных животных, от топонимических наименований и от имен божеств. Генеалоги же превратили все это в имена фиктивных родоначальников.

Критическое исследование Р. Смита имеет большое научное значение. Но он излишне увлекся, придав своей критике универсальный характер. Нельзя отрицать того факта, что родственная связь была мощной общественной силой. Все дело в том, что род состоял не только из кровных родственников, но в него входили также люди, приобретшие родство другим способом. Таким было

прежде всего побратимство, при котором член другого племени и даже чужак из другой страны мог стать «братом» одного из членов данного рода после выполнения некоторых сакральных действий. Ритуал побратимства у арабов был известен уже Геродоту (V в. до н. э.)⁶¹. Покровительство, оказанное родом какому-нибудь иноплеменнику и даже иностранцу, также давало право родства.

Что касается племени, то обычно не все составлявшие его рода были связаны кровным родством. Иногда в состав племени включался род или группа людей, ранее принадлежавших к другому племени, путем клятвенного соглашения. Следовательно, племя являлось не только родственным, но и политическим союзом.

Арабский род, или клан, жил в своем становище (хайй), состоявшем из палаток, или шатров (бейтов); каждый бейт служил жилищем отдельной семье. В обычном становище насчитывалось 100—150 палаток, но иногда их число доходило до 500⁶². Оседлые арабы жили в мазанках, составлявших деревни или городские кварталы. Все члены таких территориально-родственных объединений составляли ахл (сородичи), или каум. Бедуины отдельного становища кочевали совместно. Племена состояли из родов, или кланов, численность членов которых определяла могущество и межплеменное влияние того или иного племени.

Во главе каждого племени стоял его предводитель - сейид (что значит господин); в более близкое к нам время его стали называть шейхом. Отдельные кланы и большие группы кочевников тоже имели своих сейидов. В мирное время сейид ведал перекочевками, выбирал место для становища, был представителем своего племени и вел от его лица переговоры с другими племенами, разбираал споры и тяжбы своих соплеменников (если в племени не было судьи), иногда и очень редко выполнял обязанности служителя религиозного культа. В набегах и на войне сейид командовал вооруженным отрядом своего племени; тогда он назывался раис (главарь).

⁶¹ Геродот, История в девяти книгах, пер. с греческ. Ф. Г. Мищенко предисловием и указателем, кн. III, М., 1885, стр. 8.

⁶² J. Henninger, *La societe bedouine ancienne*, — «*L'antica societa beduina*», Rome, 1959, p. 81.

Сейид председательствовал на собрании (меджлис, или надва), на котором наиболее богатые, знатные или влиятельные члены племени разрешали все текущие дела. Обязанностью сейида был прием гостей и угощение всего племени. Еще большие расходы вызывали у сейида выкуп соплеменников, попавших в плен к другому племени, и уплата виры (дайа) за убийство родственникам убитого иноплеменника. При сейиде обычно находился поэт — шаир (в то время это арабское слово значило «ведун»), постоянно проживавший в племени или временно пользовавшийся его гостеприимством; по понятиям тогдашних арабов, стихотворные произведения шанра не только имели хвалебное значение, но и могли оказывать магическое воздействие, так как считалось, что он имел общение с джинами. При сейиде всегда находился кахин (жрец), если племя имело идола.

Каждое племя (а то и большой клан) было вполне самостоятельной, ни от кого не зависимой организацией. Безопасность ее членов и неприкосновенность их собственности обеспечивались неизменной взаимной защитой всех соплеменников. Любой житель Аравии, оказавшийся вне рода и племени и лишенный их защиты, мог быть совершенно безнаказанно убит, а его имущество разграблено. Поэтому араб, изгнанный из своего рода и племени или бежавший из него (например, после совершения какого-либо преступления), искал покровительства и защиты в другом племени. Он становился маула (клиентом) сейида или другого влиятельного члена этого племени; его называли дахил (буквально «вошедший», т. е. ищущий покровительства). Этим же обстоятельством объясняется сохранение древнего института побратимства. Это же побуждало рабов, получивших освобождение, оставаться в племени на положении маула, чтобы не оказаться совершенно беззащитными.

В случаях убийства, ранения или физического оскорбления члена племени все его соплеменники были обязаны мстить, причем не только виновнику убийства, ранения или оскорбления, но и всем членам рода и племени, к которым принадлежал виновник. Это было наиболее сильным проявлением родо-племенной солидарности и взаимопомощи, при которой каждый член племени считал себя ответственным за поступки своих соплеменников. Как сказал поэт Дурейд ибн ас-Симма:

Я — один из племени джазийя; если оно блуждает, я блуждаю вместе с ним, а если оно идет правильным путем, я иду вместе с ним»⁶³. Кровная месть (сар) между отдельными племенами, иногда затягивавшаяся на несколько десятилетий, приносила большой людской и материальный ущерб. Поэтому в изучаемый нами период стали прибегать к выкупу крови (дийа) из расчета до ста верблюдов за человеческую жизнь.

Родо-племенная солидарность выражалась в асабийи, которую Ибн Халдун определяет как чувство общности, основанное на кровном родстве. Будь верен своему племени, говорит другой арабский писатель, его требования к своим членам настолько сильны, что заставляют мужа отдать свою жену.

Каждый род распадался на большое или малое число семей. Семья жила в отдельной палатке, хозяином которой признавался глава семьи. Взрослый сын, вступив в брак, уходил из палатки отца и ставил рядом с ней свою палатку, в которой он становился хозяином. Арабская семья была патриархальной. При завершеном разделении труда между полами вся тяжесть домашних работ ложилась на плечи жены и дочери, если у них не было рабыни. Но женщина, особенно у бедуинов, еще пользовалась свободой и относительной самостоятельностью; во всяком случае она еще не стала объектом частной собственности.

Ранее существовавшие формы брака и семьи сохранились только в виде незначительных и быстро отмиравших пережитков. Промискуитет не оставил никаких следов в быте. Полиандрия в ее чистом виде тоже не сохранилась. Тогдашние арабы могли воспринимать как исторический анекдот сообщение Страбона, что одна йеменская царевна одновременно состояла в браке с 15 братьями

Пережитки матриархата выражались, например, в нередких случаях матрилокального поселения мужа: при парном браке женщина, вступив в него, оставалась жить в своем роде, у своих родителей, а-муж временами на-

⁶³ F. Gabrieli' *La letteratura beduina preislamica*. — *ibid.*, p 102.

вещал ее; дети от такого супружества оставались в племени жены и назывались по матери (сын или дочь такой-то, а не такого-то). Сохранение этой формы брака объясняется частыми и продолжительными отлучками мужчин, сопровождавших верблюжьих караваны. Сходным с таким браком можно признать брак с женщиной, имевшей свою палатку, владелицей которой она являлась. Ей принадлежала инициатива развода: она поворачивала палатку так, что вход в нее оказывался в противоположной стороне, и это показывало, что брак расторгнут; или же такая женщина вручала своему мужу палатку и копьё, давая ему понять, что их сожителство кончилось и что ее бывший муж отныне должен жить и охотиться самостоятельно.

Пережитки полиандрии выражались в такой форме брака, при котором женщина, владелица палатки, состояла в супружеских отношениях с несколькими мужчинами; каждый из них жил в ее палатке в течение периода между двумя месячными очищениями; во время регул она вывешивала над своей палаткой красную тряпку, и ни один из ее мужей не входил в ее жилище; если у нее рождался ребенок, она указывала, кто его отец.

Отмиравшие пережитки полиандрии уже не наблюдались в VII в. Но довольно распространенная полигамия (многоженство) сохранилась и после распространения ислама в мусульманском обществе. Многоженство, осуществить которое далеко не каждый араб имел материальные возможности, объяснялось, между прочим, желанием мужа иметь многочисленных сыновей. К этой форме брака следует отнести также связи женатых мужчин с рабынями. Сыновья, происходившие от таких связей, были полноправными, если отец признавал их своими детьми.

Другой формой многоженства были временные браки, заключавшиеся на условленный срок в несколько месяцев, дней или даже часов. Распространение таких браков объяснялось участием многих мужчин в караванной торговле; они обзаводились временными женами в населенных пунктах, в которых караваны делали иногда довольно продолжительные привалы. Проф. А. Ламменс утверждает, что богатые мекканские купцы-караванщики имели в некоторых таких пунктах целые гаремы.

Впоследствии временный брак был легализован в шиитском исламе под названием мута.

В изучаемый нами период арабы допускали как экзогамные, так и эндогамные браки. Пожалуй, они оказывали предпочтение первым из них, так как, по их наблюдениям, от браков с девушками и вдовами из других племен получалось более здоровое и сильное потомство. К тому же брак с женщиной из своего племени допускал вмешательство родителей и близких родственников жены в ее семейную жизнь, что приводило к ссорам и недоразумениям. Поэтому широкое распространение получил обычай умыкания невест, конечно, с их предварительного согласия.

Как сообщает Шахрастани, при выходе женщины замуж за иноплеменника ее сородичи провожали ее таким неблагожелательным напутствием: «Да не будет легким разрешение твое, да не родишь ты мальчиков. Ты приблизишь к нам чужаков и родишь врагов»⁶⁷. Бедуин радовался рождению сына не меньше, чем появлению на свет жеребенка от породистой кобылицы (если она у него имелась). Но рождение дочери бедуин (особенно малосостоятельный) воспринимал как несчастье и даже как позор. В ряде произведений доисламской поэзии ярко отразились горести отца и жалкое положение дочери. Бывали случаи (правда, видимо, редкие) убийства младенцев женского пола в тяжелые голодные годы; их живыми зарывали в землю. Такое проявление безнадежной жестокости уже не наблюдалось после возникновения ислама. В XIX в. бедуины считали выдумкой рассказы европейских путешественников о случаях детоубийства в прошлом.

Разложение первобытнообщинного строя

Идиллические представления о равенстве, свободе и независимости, якобы царивших в бедуинском обществе, не имеют никаких исторических оснований. Совершенно иные представления дает арабская доисламская поэзия.

Прежде всего среди арабов в V—VI вв. (как кочевников, так и оседлых) вполне ясно проявлялись послед-

⁶⁷ См. - «Происхождение ислама». Хрестоматия, сост. Евг. Беляев, М.—Л., 1931, стр. 87.

ствия и результаты имущественного расслоения. В каждом племени и клане выделилась верхушка в виде родовой аристократии, владевшей большим поголовьем скота и претендовавшей на право преимущественного пользования племенными пастбищами и водопоями. Как известно, скот раньше, чем земля, стал объектом частной собственности. Напомним, что следует отличать личную собственность от частной собственности. Личной собственностью владел каждый житель Аравии (жилище, одежда, обувь, утварь, скот и оружие, а у земледельцев в дополнение к этому живой и мертвый инвентарь). Что же касается частной собственности, то она служит основой извлечения доходов, получения прибавочного продукта ее владельцем.⁶⁸ Родовая аристократия, состоявшая из крупных скотовладельцев, конечно, не могла потреблять всего мяса и молочных продуктов принадлежавших ей стад. Она продавала верблюдов и лошадей не только в Аравии, но и на рынках соседних стран, за что получала звонкую монету и товары.

Огромное значение в скотоводческом хозяйстве и в ирригационном земледелии имел труд рабов. Рабы в Аравии были преимущественно из иноземцев. Набеги одних племен на другие не могли служить достаточным источником рабства. Захваченных в плен соплеменников племя считало себя обязанным выкупить или обменять на имевшихся у него пленников. Набеги на соседние византийские и иранские области предпринимались редко и далеко не всегда успешно завершались, так как границы этих областей хорошо охранялись. Правда, в Аравии имелись «аджамские» рабы, захваченные в Ираке. Большинство же рабов происходили из Африки и были известны под названием «ахабиш» (абиссинцы). В то время невольничьи караваны из Африки проходили через Аравию. Часть рабов оседала в этой стране: их покупали или захватывали, нападая на караваны. Типичным образом в доисламской поэзии выступает поэт Антара, отцом которого был известный сейид, а матерью — чернокожая рабыня. Будучи рабом по матери, он отказался принять участие в отражении набега враждебного племени, заявив: «Раб не умеет сражаться; его дело — доить верблюдиц и подвязывать им вымя»⁶⁸.

⁶⁸ R. A. Nicholson, A literary history of the Arabs, London, 1923. p. 115.

Богатые арабские скотовладельцы эксплуатировали рабов в пастьбе скота и уходе за ним. Использование труда рабов давало родовой аристократии возможность увеличивать поголовье своих стад, а к этому их побуждало стремление к получению доходов, так как на скот (особенно на верблюдов и лошадей) существовал большой спрос.

Развитие имущественного неравенства в племенах привело к появлению салуков. Это были бедуины, лишенные средств производства (в первую очередь скота). Они представляли собой для родовой аристократии очень опасный общественный элемент. Не имея верблюдиц, салуки добывали себе средства к существованию охотой на степного зверя, а также уходили на случайные заработки в торговые города, где разгружали верблюжьих караваны. Они напоминали предшественников античных пролетариев; только никто не давал им ни хлеба, ни зрелищ. Побуждаемые голодом и ненавистью к богатым, салуки покушались на их собственность иногда убивали или оскорбляли своих соплеменников и членов других племен. Поэтому племя (вернее, его верхушка) изгоняло их из своей среды и лишало своего покровительства. Так появились тариды — изгои, которые были вынуждены жить вне рода и племени, иногда скрывались в пустыне, откуда в одиночку или группами предпринимали стремительные набеги на становища, чтобы угнать скот и захватить какую-либо добычу.

К салукам принадлежал поэт Шанфара, который, скитаясь в пустыне, надменно заявлял:

«У меня ближе вас есть семья: неутомимый волк, пятнистый короткошерстый (леопард) и гривастая воющая [гиена]»⁶⁹.

В своей поэме «Песнь пустыни» Шанфара с презрением издевается над живущими в становище щеголями, женскими угодниками и трусами, которых он приводит в трепет своими неожиданными налетами⁷⁰. Другим выдающимся таридом был поэт Тааббата Шарран, одно имя которого вселяло безотчетный страх в сердца его современников. «Одиночество было его любимым спут-

⁶⁹ И. Ю. Крачковский, *Аш-Шанфарай. Песнь пустыни*, - Избранные сочинения, т. II, стр. 240.

⁷⁰ Там же, стр. 241.

ником, когда он странствовал, ведомый Матерью запутанных созвездий», т. е. Полярной звездой⁷¹.

Европейские арабисты-литературоведы представляют таких изгоев как крайних индивидуалистов, непомерная гордость и честолюбие которых лишали их возможности жить в обществе своих соплеменников, подчиняясь общепринятым обычаям и нормам. На самом же деле салук и тарид были весьма показательными фигурами, социальная природа которых еще не вполне выяснена. Но несомненно, что они появились в результате разложения социально-экономических отношений бедуинского общества и выступали против неравенства.

Материальные преимущества родовой аристократии (и прежде всего сейидов и раисов) позволяли ей вести такой образ жизни, который резко отличался от жизненного уровня рядового бедуина. Шатер сейида был самым просторным в становище; его ставили где-нибудь на возвышенном месте, отдельно от палаток кочевников. В шатре были разостланы ковры, развешана искусно сделанная сбруя и дорогое оружие, стояла металлическая и стеклянная посуда; все это было привезено странствующими купцами из соседних цивилизованных стран. Неотъемлемым качеством сейида должна была быть щедрость, проявлявшаяся в широком гостеприимстве. Последнее вовсе не являлось выражением широты натуры и тщеславия, а имело серьезный социальный смысл. Оно должно было хотя бы внешне сгладить экономическое неравенство, вызывавшее все большее недовольство. Угощения, время от времени даваемые сейидом и его родственниками, равно как и материальную помощь, оказываемую ими вдовам и сиротам, бедуины рассматривали не как одолжение, а как обязанность своего предводителя. Сам сейид, понимая социально-политическое значение проявляемой им щедрости, стремился к своему неумеренному самопрославлению. С этой целью он пускал в ход такое действенное средство, как поэзия. Ведь среди бедуинов было много любителей и ценителей поэтических произведений. Хорошо оплачиваемый сейидом шайр (поэт) не смущался самыми невероятными гиперболами. В своих хвалебных стихотворениях он рисовал фантастические картины изобилия и щедрости.

⁷¹ R. A. Nicholson, *A literary history of the Arabs*, p. 82.

Если верить такому поэту, то позади шатра сейида никогда не потухали костры, подобные огнедышащим горам; на этих кострах варилось угощение в котлах, своими размерами не уступавших водоемам сказочного Сулеймапа.

Итак, в доклассовом бедуинском обществе наблюдался процесс разложения социально-экономических отношений. Сейиды и их родственники, занимая положение старейшин рода, базировали свою власть не только на обычаях, авторитете и уважении, но и на своей экономической силе, действие которой все более ощущали на себе их соплеменники. Пастбища и источники оставались общеплеменной или общеродовой собственностью, но родовая аристократия, владевшая непропорционально большим количеством скота, естественно, пользовалась большей частью этой собственности.

Интересное, но еще недостаточно изученное явление представляли собой химы. В большинстве случаев название «хима» носил небольшой оазис, в котором находился идол или святилище, почитаемое каким-либо племенем; сюда бедуины этого племени совершали паломничество. Хима считалась заповедным, священным местом, находившимся под особым покровительством божества, или даже его владением. Регулярное скопление паломников вызывало появление рынка, на котором кочевники вели торговый обмен с оседлыми. Религиозные церемонии паломничества в Аравии всегда были связаны с торговлей.

Родовая аристократия получала какие-то выгоды от хим (какие именно, точно пока не выяснено), следила за порядком в них, способствовала проведению паломничества. Известно, что в некоторых химах богатые коневоды разводили лошадей; возможно, здесь проводились случки лошадей в целях улучшения породы.

Широко распространенный институт ухуввы тоже приносил сейидам и их окружению значительные доходы. Ухувва (что значит братство, побратимство) превратилась в одну из форм покровительства и защиты. Обычно какое-нибудь малочисленное (и вследствие этого маломощное, захудалое) племя посылало в соседнее сильное племя одного или нескольких своих членов; те всячески старались вступить в отношения побратимства с кем-либо из этого племени. Если это удавалось, мало-

мощное племя приобретало могущественного союзника и защитника. Ведь если два человека из разных племен становились «братьями», их племена тоже как бы вступали в родственные отношения со всеми вытекавшими из этого правами и обязанностями.

Особенно важна и даже необходима была ухувва для земледельческих племен и кланов, живших на границе с территорией кочевников. В засушливые годы бедуины, побуждаемые нуждой и голодом, грабили своих оседлых соседей. Ведь земледельцы, применявшие искусственное орошение, не страдали от засухи. При таком положении они, чтобы избавиться от насильственного изымания продуктов, поступались частью их за обеспеченное покровительство. Для этого они вступали в отношения ухуввы с одним из кочевых племен, отдавая его сейиду обусловленную часть урожая с полей, садов или финиковых пальм. Получая такое постоянное приношение, племя данного сейида ограждало земледельцев от хищничества других племен. Нет никаких оснований рассматривать такую ухувву как зарождение феодальных отношений. Здесь еще не было основных признаков феодализма: ни личной зависимости земледельцев от сейидов, ни феодальной ренты.

Культурное состояние Аравии

Принимая периодизацию доклассового общества, даваемую Ф. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», мы можем определить уровень производства и культуры у арабов V—VI вв. (за исключением оседлого населения Йемена) как соответствующий высшей ступени варварства. Эта ступень «начивается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма...»⁷².

В арабо-мусульманской литературе этот период, предшествовавший распространению ислама в Аравии, получил название «джахилийя»⁷³, что значит «незнание», «невежество», «варварство». Мусульмане придали

⁷² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 32.

⁷³ И. Гольдциэр, Культ святых в исламе, М., 1938, стр. 152—154.

этому слову специальное значение: незнание «истинной веры» в форме ислама. В научной литературе это название применяется для обозначения периода, непосредственно предшествовавшего возникновению ислама.

Еще до периода джахилии, т. е. средней ступени варварства, у арабов завершился процесс первого крупного общественного разделения труда — отделение скотоводства от земледелия.

В период джахилии завершился процесс второго крупного общественного разделения труда — отделение ремесла от земледелия. К тому времени арабы не только вполне освоили гончарное производство и ткачество, но и достигли совершенства в горячей обработке металлов. В Западной Аравии были известны рудники на территории племени сулейм, и это племя называли «племенем кузнецов» (куйун); оно славилось искусством плавки железной руды. Добывающиеся в Аравии серебро и золотой песок служили сырьем для ювелиров, из которых наиболее известными стали так называемые мединские евреи.

В земледелии применялся довольно разнообразный металлический инвентарь, в том числе плуг с железным лемехом. При искусственном орошении полей, финиковых пальм и виноградников применялась тяговая сила, верблюдов, приводивших в движение оросительные приспособления, посредством которых добывали воду из колодцев. В Медине и некоторых других пунктах хорошо освоили способы искусственного опыления пальм в период цветения, что значительно повышало урожай фиников.

Развитие различных отраслей производства привело к оживлению обмена, при котором добавочный продукт превращался в предмет обмена, в товар. При преобладающем значении скотоводства его основной продукт — верблюды стали играть роль «живых денег». Получившая широкое развитие караванная торговля арабов, выступавших посредниками в международном торговом обмене между Индией и Китаем, с одной стороны, и странами Средиземноморья — с другой, способствовала установлению и закреплению культурных влияний в Аравии. Из соседних цивилизованных стран в нее проникали не только товары, но и знания, навыки и идеи, способствовавшие совершенствованию местного производ-

мощное племя приобретало могущественного союзника и защитника. Ведь если два человека из разных племен становились «братьями», их племена тоже как бы вступали в родственные отношения со всеми вытекавшими из этого правами и обязанностями.

Особенно важна и даже необходима была ухувва для земледельческих племен и кланов, живших на границе с территорией кочевников. В засушливые годы бедуины, побуждаемые нуждой и голодом, грабили своих оседлых соседей. Ведь земледельцы, применявшие искусственное орошение, не страдали от засухи. При таком положении они, чтобы избавиться от насильственного изымания продуктов, поступались частью их за обеспеченное покровительство. Для этого они вступали в отношения ухуввы с одним из кочевых племен, отдавая его сейиду обусловленную часть урожая с полей, садов или финиковых пальм. Получая такое постоянное приношение, племя данного сейида ограждало земледельцев от хищничества других племен. Нет никаких оснований рассматривать такую ухувву как зарождение феодальных отношений. Здесь еще не было основных признаков феодализма: ни личной зависимости земледельцев от сейидов, ни феодальной ренты.

Культурное состояние Аравии

Принимая периодизацию доклассового общества, даваемую Ф. Энгельсом в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», мы можем определить уровень производства и культуры у арабов V—VI вв. (за исключением оседлого населения Йемена) как соответствующий высшей ступени варварства. Эта ступень «начивается с плавки железной руды и переходит в цивилизацию в результате изобретения буквенного письма...»⁷².

В арабо-мусульманской литературе этот период, предшествовавший распространению ислама в Аравии, получил название «джахилийя»⁷³, что значит «незнание», «невежество», «варварство». Мусульмане придали

⁷² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 32.

⁷³ И. Гольдциэр, Культ святых в исламе, М., 1938, стр. 152—154.

этому слову специальное значение: незнание «истинно» веры» в форме ислама. В научной литературе это название применяется для обозначения периода, непосредственно предшествовавшего возникновению ислама.

Еще до периода джахилии, т. е. средней ступени варварства, у арабов завершился процесс первого крупного общественного разделения труда — отделение скотоводства от земледелия.

В период джахилии завершился процесс второго крупного общественного разделения труда — отделение ремесла от земледелия. К тому времени арабы не только вполне освоили гончарное производство и ткачество, но и достигли совершенства в горячей обработке металлов. В Западной Аравии были известны рудники на территории племени сулейм, и это племя называли «племенем кузнецов» (куйун); оно славилось искусством плавки железной руды. Добывающиеся в Аравии серебро и золотой песок служили сырьем для ювелиров, из которых наиболее известными стали так называемые мединские евреи.

В земледелии применялся довольно разнообразный металлический инвентарь, в том числе плуг с железным лемехом. При искусственном орошении полей, финиковых пальм и виноградников применялась тяговая сила верблюдов, приводивших в движение оросительные приспособления, посредством которых добывали воду из колодцев. В Медине и некоторых других пунктах хорошо освоили способы искусственного опыления пальм в период цветения, что значительно повышало урожай фиников.

Развитие различных отраслей производства привело к оживлению обмена, при котором добавочный продукт превращался в предмет обмена, в товар. При преобладающем значении скотоводства его основной продукт — верблюды стали играть роль «живых денег». Получившая широкое развитие караванная торговля арабов, выступавших посредниками в международном торговом обмене между Индией и Китаем, с одной стороны, и странами Средиземноморья — с другой, способствовала установлению и закреплению культурных влияний в Аравии. Из соседних цивилизованных стран в нее проникали не только товары, но и знания, навыки и идеи, способствовавшие совершенствованию местного производ-

ства. В Мекке, например, ощущалось довольно значительное и длительное влияние иранской культуры.

«Полный расцвет высшей ступени варварства, — пишет Ф. Энгельс, — выступает перед нами в поэмах Гомера, особенно в „Илиаде“. Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, изготовление растительного масла и виноделие, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города, окруженные зубчатыми стенами с башнями, гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию»⁷⁴.

В общем такого же уровня культуры достигли и арабы в V—VI вв., находясь в стадии перехода из варварства в цивилизацию. В то время все перечисленные Ф. Энгельсом достижения культуры были уже известны у арабов, за исключением повозок и боевых колесниц, применению которых рельеф и почвы Аравийского полуострова создавали непреодолимые препятствия. Но имелись города, опоясанные крепостными стенами, примером чего может служить Таиф, население которого оказало упорное сопротивление войску Мухаммеда, осадившему этот город в 630 г.

Среди арабов периода джахилии было немало опытных мореплавателей, пересекавших Красное море в разных направлениях, а иногда, возможно, выходивших и в Индийский океан. Установившееся в научной литературе представление, что доисламские арабы боялись пускаться в море и только их отдаленные потомки через два-три столетия после возникновения ислама постепенно освоили искусство кораблевождения, не соответствует имеющимся у нас сведениям о постоянных сношениях Западной Аравии с Африкой по Красному морю. Можно полагать, что уже в древности жители оманского побережья и йеменской Тихамы изучили пути каботажного плавания в Индию и на Цейлон. Маскатские капитаны водили свои суда по маршруту, проложенному флотом

⁷⁴ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 33.

Неарха в IV в. до н. э. Коран может служить доказательством знакомства доисламских арабов с морем⁷⁵.

Мореплавание проводилось на легких парусниках, изготовлявшихся на местных верфях. При постройке этих парусников арабы не употребляли металлических гвоздей, а связывал-и составлявшие их доски веревками из пальмовых волокон.

Наконец, очень крупным достижением арабской культуры периода джахилии следует признать древнеарабскую, или доисламскую, поэзию. Произведения этой поэзии, отличающиеся разнообразием жанров и стиля, вполне можно поставить на один уровень с продукцией поэтического творчества античных народов Средиземноморья. Ее орудием является арабский язык в той его форме, которая наравне с языком Корана впоследствии была признана классической.

Как пишет акад. И. Ю. Крачковский, «эта, оказавшаяся такой могучей и жизненной, поэзия встает перед нами еще в эпоху до появления Мухаммеда в полной законченности и совершенстве одинаково со стороны языка, метрической формы, объема тем и композиционных приемов... Некоторые лингвисты не без основания видят в ней апогей семитского языкового творчества; при первом взгляде бросается в глаза колоссальный запас слов, разработанность форм, гибкость синтаксических оборотов»⁷⁶.

В период джахилии язык этой поэзии, достигший высокой степени совершенства, стал единым для всего населения Аравийского полуострова (за исключением Йемена, Хадрамаута и Махры), а также для арабов, расселившихся в Сирии и Месопотамии. Диалектальные особенности, являющиеся отражением местных говоров отдельных арабских племен, встречаются в доисламской поэзии крайне редко. Такое языковое единство в эпоху первобытнообщинных отношений и исключительно высокий уровень языковой культуры, получивший свое выражение в доисламской поэзии, вызвали у некоторых арабистов сомнение в подлинности этой поэзии.

⁷⁵ См. об этом: В. В. Бартольд, Коран и море, — в кн. «Азиатский музей Российской Академии наук. Записки коллегии востоковедов», т. I Л. 1925, стр. 106—110.

⁷⁶ И. Ю. Крачковский, Арабская поэзия, — Избранные сочинения, т. II, стр. 247, 248.

Ее произведения в течение двух-трех столетий хранились в памяти равиев, арабских рапсодов, и передавались только устным путем. Записывать эти произведения начали не ранее VIII в.

Буквенная письменность, изобретение которой является признаком перехода из варварства в цивилизацию, появилась у северных арабов в IV в. н. э. Это — обнаруженные в Сирии и Иордании надписи, сделанные так называемым набатейским письмом, которое вскоре вытеснило в Аравии южноарабскую (сабейскую) письменность и послужило основой для развития средневековой арабской письменности.

Религиозные верования арабов в период джахилийи

В этот период у арабов (и особенно у кочевников) религиозные представления еще не получили развития и не были объединены в идеологическую систему; продуктивность религиозной фантазии была ничтожной, как это свойственно доклассовому обществу. Пантеон божеств сложился только в воображении оседлого населения цивилизованного Йемена, где существовали храмы и получил развитие религиозный культ. Что же касается жителей других областей Аравийского полуострова, то их религиозные верования представляли собой довольно беспорядочную смесь фетишизма, тотемизма и анимизма. Наиболее древней формой арабских верований и культа можно признать фетишизм, выразившийся в почитании камней метеоритного и вулканического происхождения; был развит культ бетиллов, пережитки которого сохранились в исламе в виде культа «черного камня»; еще древнегреческие авторы сообщали, что арабы являлись поклонниками камней. Тотемические верования, видимо, получили меньшее развитие, но явные следы их сохранились в названиях многих племен, например: асад — лев, келб — собака, бекр — верблюжонок, салаб — лисица, саур — бык, дубб — медведь, зиб — волк и др. Запрет убивать и употреблять в пищу тотемное животное не получил распространения вследствие частой нехватки пищи. Наоборот, получил распространение обычай совместного поедания верблюда или другого сильного животного всеми членами рода по суевер-

ному побуждению воспринять заключенную в нем силу. Этим же (а не только голодом) следует объяснять случаи поедания идолов, сделанных из теста; такие случаи следует рассматривать как проявление богоедства, чтобы ввести в человеческий организм скрытую в идоле божественную силу.

Представления о душе о состоянии тела после смерти и о загробном существовании были очень смутными; они напоминали соответствующие представления древних греков доклассового периода. Некоторые бедуины, представляя посмертное существование человека как продолжение его земной жизни, убивали на его могиле верблюда, чтобы облегчить умершему существование в потустороннем мире. При отсутствии определенных представлений о посмертном состоянии людей культ предков не получил развития.

Почти повсеместной была вера в джиннов, которых арабская фантазия представляла в виде разумных существ, созданных из бездымного огня и воздуха. Эти существа, как и люди, делились на два пола и наделялись разумом и человеческими страстями. Поэтому они часто покидали безлюдные пустыни, в которые поместило их воображение арабов, и вступали в общение с людьми; иногда от этого общения получалось потомство, обладавшее выдающимися физическими и умственными качествами.

В период джахилии получило развитие идолопоклонство, выражавшееся в жертвоприношениях и несложном ритуале. Наиболее полный перечень божеств-идолов различных племен содержится в сочинении Ибн ал-Калби «Китаб ал-аснам» («Книга идолов»⁷⁷); о некоторых идолах сообщает также Шахрастани. Из этих сочинений видно, что доисламские арабы не создали никакой системы мифологии; они имели ее только в самой зачаточной форме.

Как сообщает Шахрастани, среди арабов было немало скептиков, умонастроение которых выразил один из их поэтов, сказав: «Жизнь, потом смерть, потом воскресение — все это рассказы и небылицы»⁷⁸.

⁷⁷ "Ibn al-Kalbi, Kitab al-Asnam. Das Gotzenbuch". Übersetzung mit Einleitung und Kommentar von Rosa Klinke-Rosenberger, Leipzig,

⁷⁸ «Происхождение ислама», стр. 84—88.

Среди арабов в период джахилии получили распространение религии, проникшие из соседних цивилизованных стран, главным образом христианство и иудаизм. Христианство (в виде монофизитства и несторианства) восприняли арабские племена, находившиеся в Месопотамии, Ираке, Сирии и Палестине; оно нашло также немало последователей в племенах Северной и Западной Аравии. В доисламской поэзии сохранился образ христианского отшельника (рахиб); свет лампы, идущий из его кельи в пустыне, привлекал путника⁷⁹.

Иудаизм, выступая конкурентом христианства, получил распространение в Иасрибе и некоторых других оазисах Северо-Западной Аравии; в Йемене в начале VI в. иудаизм был объявлен государственной религией.

Отчасти под влиянием этих монотеистических религий, а главным образом вследствие стремления арабских племен к политическому объединению в Аравии сложилась самостоятельная форма монотеизма в виде ханифизма.

⁷⁹В. В. Бартольд, Ислам, Пг., 1918, стр. 10.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСЛАМА

Источники. Основным источником начального ислама, т. е. периода возникновения этой религии, является Коран. Это очень сложное произведение арабской литературы создавалось в основном в VII в. Наиболее древние рукописи этой книги, написанные куфическими письменами, относятся, вероятно, к началу VIII в. Согласно мусульманскому преданию, Коран в дошедшем до нас виде был составлен и отредактирован в правление халифа Османа (644—656). Поэтому за ним закрепилось название Османова Корана, или Корана в османовой редакции. Но наряду с этой редакцией, ставшей канонической, существовал ряд других, дошедших до нас только в виде коротких отрывков. По преданию, сохранным средневековыми арабскими историками, руководящие представители первого поколения мусульман владели своими списками Корана, которые и послужили материалом для составления османовой редакции. Как видно, не все имевшиеся списки вошли в эту редакцию, так как вплоть до X в. в обращении были кораны, отличавшиеся от канонического текста этой книги.

Разрешение вопроса о подлинности Корана в его османовой редакции осложняется тем, что подавляющее большинство европейских арабистов и исламоведов априорно признают весь Коран произведением арабского пророка Мухаммеда, которого они считают «основателем ислама». Исходя из такого предвзятого суждения, они не замечают существенных несоответствий в книге, если единственным автором ее признать Мухаммеда. Прежде всего обращает на себя внимание (даже при чтении Корана в любом европейском переводе) разнообразие стилей, которое не может быть присущим одно-

му автору. Традиционное объяснение этого разнообразия особыми чертами характера Мухаммеда и превратностями его карьеры не является ни достоверным, ни убедительным. Наряду с этим в Коране встречаются как описания очевидца такие места, в которых Мухаммед, согласно его традиционной биографии, никогда не бывал. К тому же датировка Корана затрудняется из-за того, что в нем нет ни хронологических дат, ни ясного упоминания о достоверных событиях, ни имен исторических деятелей. Кроме того, довольно разнообразный по содержанию материал Корана расположен, как правило, по чисто внешнему признаку — по длине составляющих его 114 сур, или глав; эти главы (не считая некоторых отступлений от принятого порядка) расположены так, что наиболее длинные из них помещены в начале книги, а самые короткие — в конце ее.

Установление точной датировки Корана и выяснение источников, из которых взяты содержащиеся в нем материалы, являются трудной задачей, которую еще предстоит выполнить специалистам. Поскольку же никто эту задачу пока еще не выполнил, приходится рассматривать Коран как литературный памятник и исторический источник периода возникновения ислама.

Имеется несколько десятков хороших переводов Корана на западноевропейские языки, изданных в XIX и XX вв. Из них последним по времени является перевод Режи Блашера

На русский язык Коран переводился несколько раз в XVIII и XIX вв., но не с подлинника, а с западноевропейских переводов. Первый русский перевод Корана с арабского был выполнен Г. С. Саблуковым и издан в Казани в 1878 г. Вышедший в 1963 г. перевод И. Ю. Крачковского, снабженный ценными филологическими комментариями, страдает стилистическими недостатками, так как после смерти переводчика не был окончательно доработан.

Вторым основным источником для изучаемого нами периода следует признать «Житие посланника Аллаха» («Сират расул Аллах»), написанное во второй половине VIII в. мединцем Ибн Исхаком и дошедшее до нас в

¹ «Le Coran. Traduction selon un essai de reclassement des Sourates par Regis Blachere», Paris, 1949—1951.

обработке выдающегося филолога IX в. Ибн Хишама. Важным дополнением к этому произведению служат соответствующие места из «Истории» ат-Табари, который пользовался сочинением Ибн Исхака в его ранней редакции, до нас не дошедшей (если не считать небольшого отрывка из него, написанного на папирусе).

«Сира» Ибн Исхака была написана в Багдаде по заказу аббасидского халифа Мансура (754—775). Поэтому в ней получили отражение политические притязания Аббасидов, обосновывавшиеся их происхождением от Аббаса, дяди пророка Мухаммеда, и этому «родственнику пророка» приписана выдающаяся историческая роль. Мухаммед же представлен в «Сире» в образе не только арабского, но и мирового пророка. В таком представлении отразилась полемика мусульман с христианами и представителями других монотеистических религий. Пользуясь «Сирой» как историческим источником, следует отбросить содержащиеся в ней легенды, затемняющие и искажающие реально-исторический образ Мухаммеда².

Дополнением к «Сире» может служить «Книга военных походов» («Китаб ал-магази») Вакиды (747—823). Она тоже тенденциозна и засорена религиозными легендами и мифами.

Эти произведения арабской литературы служат основными первоисточниками при изучении проблемы возникновения ислама. Вполне удовлетворить исследователя эти первоисточники не могут, но других источников, которые можно было бы противопоставить им или сопоставить с ними, не имеется.

Все последующие мусульманские авторы биографий Мухаммеда, в котором они персонифицировали сложный процесс возникновения ислама, пользовались этими первоисточниками, дополняя и усложняя их показания продукцией фантазии более поздних поколений.

Литература. Первыми европейцами, писавшими об исламе и его «основателе», были греки в Византии, которые в средние века вели продолжительные и упорные войны с мусульманскими государствами и народами, а

²А. Крымский, *Источники для истории Мохаммеда и литература о нем*, М., 1902; «Historians of the Middle East» ed by B. Lewis and P. M. Holt, London, 1962, pp. 23-34

также находились с ними в экономических и культурных отношениях. Авторы греко-византийских исторических и теологических произведений, стоявшие на позициях официального византийского православия, проявляли к Мухаммеду, которого они считали лжепророком и единственным виновником появления ислама, непримиримо враждебное отношение. Поэтому в византийской литературе ислам представлен в искаженном виде, как бы отражен в кривом зеркале религиозной нетерпимости.

В Западной Европе впервые сведения об исламе (тоже крайне тенденциозные и фальшивые) стали распространять в период крестовых походов католические миссионеры, стремившиеся оказать враждебной им религии идеологическое сопротивление. В XII в., после первого крестового похода, католический монах Роберт Кетенензис, живший в Испании и знавший арабский язык, перевел Коран на латинский язык. Перевод был сделан по инициативе клюнийского аббата Петра Благочестивого в целях «опровержения» ислама. Преследуя эту цель, переводчик дал неполный и местами намеренно искаженный пересказ содержания Корана. Этот первый европейский перевод Корана был издан только в 1543 г. в Базеле, в Швейцарии³.

Начиная с эпохи Возрождения в Западной Европе стали появляться сочинения, специально посвященные исламу. Появление таких сочинений вызывалось не только расширением умственных горизонтов европейцев, но и завоевательной политикой Османской империи, могущественной мусульманской державы⁴.

В блестящих произведениях западноевропейских буржуазных просветителей (особенно французских просветителей XVIII в.) ислам рассматривался как некое экзотическое явление, порожденное глупостью и невежеством людей и мошенничеством духовенства. Трагедия Вольтера «Магомет или фанатизм» ничего восточного, за исключением нескольких искаженных арабских имен, не содержит; это произведение было направлено не против ислама, а против католической церкви и его главы — папы римского.

³ J. Fuck, *Die arabischen Studien in Europa*, Leipzig, 1955, S. 46.

⁴ L. Caetani, *Studi di storia orientale*, vol. I, Milano, 1911, pp. 35-45.

На заре западноевропейского востоковедения во Франции, в самой передовой стране тогдашней Европы, накануне великой буржуазной революции преобладали такие представления об исламе, какие высказаны, например, в «Восточной библиотеке» д'Эрбело: «Мухаммед — известный обманщик, создатель и основоположник ереси, которая приняла название религии магометанской. . . . лжепророк».

В знаменитой французской энциклопедии, вышедшей под редакцией Д. Дидро и д'Аламбера, можно прочитать такие строки: «Противоречия, нелепости, анахронизмы в изобилии содержатся в этой книге (Коране. — Е. Б.); в ней видно особенно глубокое невежество относительно самых простых и известных явлений природы...». В общем же в этой энциклопедии проявлено благожелательное отношение к исламу и Мухаммеду. Ее просвещенные авторы выступали против невежества, свойственного любой религиозной литературе.

Объектом научного изучения ислам стал только в прошлом столетии. Европейские востоковеды в соответствии с уровнем тогдашней историографии рассматривали возникновение ислама главным образом как проявление личных качеств в деятельности Мухаммеда.

Автором первой европейской научной биографии Мухаммеда был австрийский врач и востоковед Алонс Шпренгер (1813—1893). Его труд «Жизнь и учение Мухаммеда» следует признать совершенно устаревшим и утратившим всякое научное значение⁵. Шпренгер исходил из необоснованного предположения, что «ислам является единственной мировой религией, которая возникла при полном дневном свете», и что «начало ислама мы можем проследить шаг за шагом». Такое представление создалось у этого арабиста вследствие некритического отношения к мусульманским историко-религиозным материалам — к «Сире» и сборникам хадисов⁶. Полная несостоятельность труда Шпренгера стала очевидной уже в конце XIX в., когда появились исследования И. Гольдциэра, показавшего недостоверность хадисов как источника начального ислама.

⁵ A. Sprenger, Das Leben und die Lehre des Mohammed Bd 1—3 Berlin, 1861—1869.

⁶ Подробнее см.: «Происхождение ислама». Хрестоматия, сост. Евг. Беляев, М.—Л., 1931, стр. 121—126.

Другим известным произведением европейской биографической литературы о Мухаммеде, которое появилось почти одновременно с трудом Шпренгера, было сочинение англичанина Уильяма Мюира («Жизнь Мухаммеда»)'. В отличие от Шпренгера У. Мюир (1819—1905) открыто проявлял грубую тенденциозность, свойственную христианскому миссионерству в колониях. Возникновение ислама он объяснял тем, что Мухаммед подвергся искушению дьявола. Сочинение Мюира, написанное в духе средневекового мракобесия, не могло иметь научного значения.

Первую попытку выяснить социальные причины возникновения ислама сделал немецкий арабист Губерт Гримме (1864—1942) в своем труде «Мухаммед»⁸. Однако его концепция, согласно которой ислам при своем зарождении, в мекканский период деятельности Мухаммеда, был не религией, а «социалистическим» движением и учением, не выдерживает научной критики. Содержащийся же в работе Гримме конкретный материал заслуживает нашего внимания.

Из европейских биографий Мухаммеда, появившихся в нашем столетии, заслуживают внимания труды датского ориенталиста Фрэнса Буля и английского ориенталиста Монтгомери Уотта. Первая из этих биографий—«Жизнь Мухаммеда»⁹, вышедшая вторым изданием в 1955 г., содержит большой и хорошо подобранный материал, подвергнутый обстоятельному научному анализу с позиций исторического идеализма. Изложению биографических фактов автор предпосылает описание состояния Аравии в период, предшествовавший возникновению ислама. Биография Мухаммеда дается на широком историческом фоне.

Биография, написанная Монтгомери Уоттом, состоит из двух книг—«Мухаммед в Мекке» и «Мухаммед в Медине», изданных в Оксфорде в 1953—1956 гг.¹⁰. Сравнительно с книгой Ф. Буля эти две книги М. Уотта содержат гораздо более богатый материал, поданный не только в хронологической последовательности, но и си-

⁷ W. Muir, *The life of Mahomet*, vol. 1—4, London, 1856—1861.

⁸ H. Grimme, *Mohammed*, Münster, 1892.

⁹ F. Buhl, *Das Leben Muhammets*, Heidelberg, 1955.

¹⁰ W. Montgomery Watt, *Muhammad at Mecca*, Oxford, 1953; W. Montgomery Watt, *Muhammad at Medina*, Oxford, 1956.

стематизированный по отдельным проблемам (например, «Мухаммед и евреи», «Характер мусульманского государства», «Реформа общественного строя»). Однако научное значение этих трудов снижается вследствие доверчивого отношения автора к мусульманскому преданию и не вполне критического отношения к традиционным представлениям арабо-мусульманской историографии.

Такое же отношение свойственно и автору новейшей французской биографии Мухаммеда — Годфруа-Демомбину¹¹.

Следует заметить, что в начале нашего столетия под влиянием исследований И. Гольдциэра было подорвано доверие к мусульманскому преданию (хадисам) как историческому источнику начального ислама. Вследствие этого многие европейские востоковеды стали проявлять более критическое отношение к «Сире». Так, Л. Каэтани полагал, что содержащиеся в ней сведения о деятельности Мухаммеда до хиджры относятся к области легенд¹².

В 1925 г. В. В. Бартольд писал: «Несмотря на существование обширной литературы о первых десятилетиях жизни мусульманской общины, почти все вопросы, относящиеся к истории этого периода, нуждаются в новом рассмотрении»¹³. Однако в середине XX в. гиперкритические тенденции в отношении «Сире» вышли из научной моды.

Современные арабские авторы биографий Мухаммеда проявляют полное доверие к «Сире» Ибн Исхака, не делая даже попыток научно-критического отношения к ней. Нечего и говорить, что Коран у этих авторов, считающих это произведение «словом божьим», ни в коей мере не может быть объектом критики. В этом отношении показателен скандал, разразившийся в Египте в 20-х годах XX в. в связи с появлением книги Таха Хусейна об арабской доисламской поэзии. Этот египетский ученый, привлекая Коран в своем исследовании наряду с другими источниками, по примеру европейских востоковедов проявил к нему критическое отношение, за что

¹¹ M. Gaudefroy-Demombynes, Mahomet, Paris, 1957.

¹² L. Caetani, Studi di storia orientate, vol. III, p. 1.

¹³ В. В. Бартольд, Мусейлима, — «Известия АН СССР», 1925, V: 12—15, стр. 486.

и подвергся репрессиям, стал жертвой клеветы, а его книга была запрещена¹⁴.

Довольно многочисленная современная арабская популярная литература о Мухаммеде, выражающая задачи мусульманской религиозной пропаганды и рассчитанная на верующих, не имеет никакого научно-познавательного значения. Биографии же, написанные арабскими историками-мусульманами, являются более или менее подробным изложением коранических «откровений» и «Сиры» Ибн Исхака, подвергаемых научной критике. Из современных арабских биографий Мухаммеда наиболее обстоятельной и толково написанной является «Хайат Мухаммад» («Жизнь Мухаммеда») Мухаммеда Хусейна Хейкаля; она вышла в Каире четвертым изданием в 1947 г.

В книге Хейкаля вполне определенное выражение получила современная господствующая (буржуазная) идеология, преобладающая в наши дни во многих странах распространения ислама. Ссылаясь на Коран, Хейкаль отвергает представление о пресловутом фатализме ислама и стремится доказать, что эта религия поощряет частное предпринимательство и конкуренцию. В соответствии с концепциями, пропагандируемыми современными мусульманскими идеологами, он противопоставляет «мусульманскую цивилизацию» «западной цивилизации», утверждая, что первая из этих двух цивилизаций имеет «духовную основу», а вторая — «экономическую». Другое принципиальное различие между Западом и мусульманским Востоком приистекало, по мнению автора, из того, что на Западе велась непрерывная борьба между государством и церковью, а в мусульманском мире эти два института были органически связаны между собой. Такие представления, распространяемые буржуазными идеологами и пропагандистами ислама, с полной очевидностью опровергаются закономерным процессом развития человеческого общества. Известно, что никаких особых законов истории, действие которых проявлялось бы только на Востоке или только на Западе, никогда не существовало. Поэтому во всех человеческих

¹⁴ И. Ю. Крачковский, Риха Хусейн о доисламской поэзии арабов и его критики, — Избранные сочинения, т. III, М.—Л., 1956, стр. 189—222.

обществах все религии и все церкви выступали защитниками социального неравенства и опорой классового угнетения верующих. Наконец, Хейкаль отдает дань и такому характерному элементу официальной идеологии, как социалистический характер ислама, хотя общеизвестно, что научный социализм и религия несовместимы ни при каких обстоятельствах.

Из русских биографий Мухаммеда наибольшей известностью пользовалась небольшая книга философа-идеалиста и религиоведа Владимира Соловьева «Магомет» (из биографической серии Павленкова). Эта работа, свободная от религиозной нетерпимости, но насквозь пропитанная фидеизмом и мистицизмом, не имела научного значения и во время своего появления, а теперь не заслуживает никакого внимания. Более интересной является работа М. Н. Петрова- «Магомет. Происхождение ислама», хотя она представляет собой только компиляцию книг Шпренгера и Мюира¹⁵.

Биографией Мухаммеда серьезно занимался проф. А. Е. Крымский, начавший выпускать очень ценные «Источники для истории Мохаммеда». Исламу он уделил много внимания в своих трудах «История мусульманства» и «История арабов». Для полноты картины можно также упомянуть книгу Вашингтона Ирвинга «Жизнь Магомета», но только потому, что на ее русский перевод была дана рецензия Н. А. Добролюбовым. Это сочинение В. Ирвинга по своей форме и содержанию напоминает посредственный исторический роман; теперь оно уже совершенно устарело.

В советской научной (как исследовательской, так и научно-популярной) литературе проблеме происхождения ислама было уделено значительное внимание. Было разработано несколько теорий. Первая из них, так называемая торгово-капиталистическая, созданная М. А. Рейснером, появилась под несомненным влиянием ранних исторических концепций М. Н. Покровского. Эта теория, несоответствие которой основным положениям марксизма-ленинизма теперь вполне очевидно, пользовалась популярностью в конце 20-х и в начале 30-х годов. Другие две теории — «кочевническая» и

¹⁵ См. Н. А. Смирнов, Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, стр. 79, 80.

«земледельческая» — оказались тоже несостоятельными. Согласно первой из них, начальный ислам отражал интересы бедуинских масс Аравии и являлся их идеологией. Вторая теория, сильно преувеличивая удельный вес земледельцев в хозяйстве доисламской Аравии, представляла начальный ислам в виде идеологии «крестьянской бедноты»¹⁶.

Гораздо обстоятельнее представляется нам концепция С. П. Толстова, который обратил серьезное внимание на рабовладельческие отношения в Аравии VI—VII вв.¹⁷. Если отбросить слишком смелые, чисто субъективные суждения и взгляды автора по отдельным частностям, то основное положение о социальных корнях начального ислама окажется научно убедительным.

В 30-е годы стало распространяться представление о начальном исламе как идеологии раннефеодального общества, в стадию которого якобы вступили арабы в VII в. Впервые в печати, насколько нам известно, это положение высказал проф. Н. А. Смирнов в своей работе «Программа-конспект по исламу» (М., 1931). В дальнейшем почти все авторы антирелигиозных книг, брошюр и статей, касавшихся вопроса о социальных корнях начального ислама, бездоказательно поддерживали эту точку зрения. Для них такое представление стало чем-то вроде «догмата», который, по их мнению, не нуждался в научном обосновании. Тех немногих «сподвижников» Мухаммеда, имена которых этим авторам были известны, они объявили крупными феодалами.

Утверждение, что начальный ислам был идеологией раннефеодального общества, вошло и во многие вузовские программы по истории средних веков. Свое литературное выражение оно нашло в учебнике, изданном Московским государственным университетом, — «История стран зарубежного Востока в средние века» (М., 1957). В главе VII — Возникновение феодальных отношений в Аравии и образование Арабского государства — имеется немало материала, позволяющего судить об отсутствии феодальных отношений в Аравии VI—VII вв.

Через некоторое время после выхода этого учебника

¹⁶ «Атеист», М., 1930, № 58.

¹⁷ С. П. Толстой, Очерки первоначального ислама, — «Советская этнография», 1932, № 2.

Л. И. Надирадзе, один из авторов главы VII, попытался научно обосновать «феодалную теорию» происхождения ислама. Но в своей статье «К вопросу о рабстве в Аравии в VII в.» он невольно доказал, что в этой стране в то время существовали рабовладельческие отношения, а о феодализме говорить нет оснований¹⁸.

Наши крупные востоковеды проф. А. Ю. Якубовский и проф. И. П. Петрушевский, изучавшие проблему происхождения ислама на основании восточных первоисточников, не разделяют взглядов сторонников «феодалной теории» и обращают должное внимание на зарождение и развитие рабовладельческих отношений в Аравии.

При отсутствии марксистских монографий, посвященных проблеме происхождения ислама, наиболее правильными, состоятельными и убедительными можно признать концепции, изложенные в большой коллективной работе советских историков — «Всемирная история» (т. III).

Попутно следует упомянуть об оказавшихся неудачными попытках отказать Мухаммеду в историческом существовании, представив его в мифическом образе. С такими попытками выступали Н. А. Морозов, Л. И. Климович и С. П. Толстов. Первый из этих авторов изложил свои взгляды в весьма объемистом сумбурном антиисторическом сочинении «Христос» (т. V). Не говоря уже об антинаучной порочности общих концепций автора, его главы об исламе совершенно беспомощны, поскольку сведения об этой религии взяты из случайно попавших под руку книг и дополнены ничем не сдерживаемой фантазией.

Выступивший после Н. А. Морозова Л. И. Климович¹⁹ частично пользовался той же литературой, что и его предшественник. Обращая особое внимание на устаревший труд Шпренгера, он прошел мимо сочинений арабских историков. Став на зыбкий путь нигилистического отрицания показаний источников и научной литературы, Л. И. Климович не дал ничего позитивного в смысле доказательств зарождения и развития предполагаемого мифа о Мухаммеде.

Мекка в начале VII в. Ислам зародился в Мекке,

¹⁸ "Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока" сб. статей, М., 1960, с.

самом крупном населенном пункте Хиджаза. Ее окрестности были бесплодны и пустынно; очень скудный травяной покров и чахлый кустарник могли служить кормом только для небольших стад верблюдов и маленьких отар овец. Подпочвенная вода залегала на большой глубине, колодцы встречались редко; часто вода в них сохранялась только на самом дне. Следовательно, жители Мекки не имели возможности заниматься ни скотоводством, ни земледелием.

Можно полагать, что Мекка возникла как остановочный пункт на древнем караванном «пути благовоний», у источника Земзем. Нет возможности установить, даже приблизительно, когда у этого источника обосновались первые оседлые жители. Некоторые историки считают возможным упоминаемую Геродотом (V в. до н. э.) Макарабу отождествлять с Меккой.

Этот пункт, разросшийся в большой, по аравийским масштабам, город, еще в древности приобретал все возрастающее религиозное значение. Вода Земзема стала считаться священной, возможно, вследствие того, что она действовала на желудок как слабительное. Издревле высившийся у источника храм Кааба стал объектом паломничества хиджазских бедуинских племен; вероятно, уже в древности в сезон паломничества происходил торговый обмен между мекканцами и бедуинами. По мусульманскому преданию (не имеющему, конечно, никакого исторического значения), Кааба была воздвигнута библейским Авраамом (Ибрахимом) и его сыном Исмаилом, мифическим родоначальником северных арабов.

Мекка расположена в котловине, «в долине, не имеющей злаков» (Коран, XIV, 40); она окружена голыми высокими холмами, которые мекканцы называли «горами» (джибал), а проходы между ними — «ущельями» (шиаб). В случаях выпадения дождя в окрестностях по котловине стремительно несся поток—сейл. Несколько раз в Мекке бывало такое сильное наводнение, что вода подмывала фундамент и размывала стены Каабы, сделанные из местного грубого камня.

Город был расположен вокруг этого древнего святилища, которое еще до возникновения ислама называли «домом Аллаха», а мекканцы с гордостью именовали себя «соседями Аллаха». Голландский ориенталист К. Х. Снук Хюргронье писал: «Аллах не даровал своим

соседям" ничего, кроме горькой воды Земзема, камней, песка и нестерпимой жары»²⁰.

Значение Мекки как религиозного центра языческих племен Хиджаза и Западного Неджда сочеталось с ее положением важного торгового пункта. Мекканцы принимали активное участие в международной транзитной торговле и вели торговый обмен с хиджазскими бедуинами. Мекка была выгодно расположена на перекрестке караванных путей, шедших из Йемена в Сирию, Палестину, Ирак и Египет; по Красному морю она была связана с Восточной Африкой. Из Йемена вывозились не только товары местного происхождения, но и предметы торгового обмена, поступавшие морским путем из Индии, Китая и Африки. Торговое мореплавание по Индийскому океану и Красному морю значительно оживилось в эпоху эллинизма. Летом, пользуясь попутными юго-западными муссонами, мореплаватели отправлялись в Индию и возвращались оттуда зимой, когда эти ветры дули в северо-восточном направлении. Однако развитие непосредственных сношении по морю между Индией и красноморскими гаванями Египта не прекратило движение караванов по древнему «пути благовоний», на котором находилась Мекка.

О крупных размерах меккаиской караванной торговли можно судить по скудным, но вполне определенным сведениям, содержащимся в надежных арабских источниках. Так, Табари сообщает о караване в 2500 верблюдов²¹. Мекканский караван, ставший причиной сражения при Бедре в 624 г., состоял из тысячи верблюдов.

На основании суры 106 Корана можно полагать, что мекканцы снаряжали ежегодно по две большие торговые экспедиции (рихла) — зимой и летом. Как известно из других источников, первая из них отправлялась в Йемен, а другая — на север, т. е. в Палестину, Сирию и Египет, иногда в Ирак. Организацией экспедиций ведала богатая верхушка проживавшего в Мекке племени курейш, участником же их мог быть любой мекканец, даже располагавший весьма ограниченными средствами.

²⁰ K. Ch. Snouck Hurgronje, *Mekka in the latter part of the 19th century...*, London, 1931, p. 18.

²¹ «Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Diarir at-Ta-oan cum aliis ed. M. J. de Goeje», *Lugduni Batavorum*, vol. I, 1879, P-1271 (далее — Табари).

Конечно, руководящими участниками этих крупных предприятий могли быть только мекканские богачи, господствовавшие в экономической жизни своего города. Стоимость товаров, перевозившихся караваном, попытки разграбления которого привели к сражению при Бедре, определялась в 50 тыс. золотых монет. Члены курейшитского рода омейя вложили в этот караван около 5 тыс. золотых монет, а отдельные богатые купцы — по одной и две тысячи. Во главе большого каравана всегда стоял кто-либо из наиболее влиятельных богачей Мекки; в период возникновения ислама начальником каравана обычно был член господствовавшего тогда рода омейя.

Большие мекканские караваны имели проводников и вооруженный конвой. Верблюдов, погонщиков и грузчиков набирали за плату среди окрестных бедуинов. Опытные проводники хорошо знали не только пути и перепутья, но и местонахождение водопоев и пастбищ для верблюдов. Начальник каравана, находившегося в пути, поддерживал связь с Меккой, время от времени посылая в нее гонца на быстроходном верблюде. Были установлены «священные» месяцы, в которые хиджазцы и недждийцы совершали паломничество к Каабе и запрещалось кровопролитие, сведение кровных счетов. Мекка и ее окрестности были объявлены территорией «харам», т. е. священной областью, в которой нельзя было совершать убийства и насилия. На это содержится намек в Коране, в котором от имени Аллаха говорится: «Разве они не видели, что мы устроили харам безопасным, а люди кругом их выхватываются?» (XXIX, 67), т. е. подвергаются грабительским нападениям и теряют имущество и свободу.

Торговля была основным занятием жителей Мекки. В этом городе, к

²² Н. Lammens, *La Mecque a la veille de l'hegire*, Beyrouth, 1924, p. 174.

²³ «History of Muhammad's campaigns by Aboo Abdallah Muhammad Ibn Omar al-Wakidy», ed. by A. Kremer, Calcutta, 1856, p. 196 (далее — Вакиды).

В период джахилийи, перед возникновением ислама, такие будущие известные мусульманские деятели, как Абу Бекр, Аббас, Омар, Осман, Талха, названы в источниках «купцами» или «торговыми людьми». Хадиджа, первая жена Мухаммеда, до выхода замуж за него, будучи вдовой, самостоятельно вела караванную торговлю. Аиша, дочь Абу Бекра, ставшая женой Мухаммеда после смерти Хадиджи, принимала участие в работоторговле. Абу Джахл нажил большие деньги на торговле благовониями.

В доисламской Мекке не было монетного двора, не чеканилась своя монета. В обращении находились византийские золотые монеты, сасанидское серебро и йеменские (химьярские) деньги. Расчеты производились также золотым песком, поступавшим из Африки и из Йемена, где он добывался в руслах рек. Серебряные слитки тоже являлись меновой ценностью. Не только эти слитки и золотой песок, но и истертые, пробитые и обрубленные монеты принимались на вес. Это получило ясное отражение в языке: арабский глагол «уазана лаху» — «отвесить ему» имел значение «уплатить ему». Конечно, при расплатах нередко были случаи обсчета и обвеса. В Коране такие нечестные приемы (которые, вероятно, были очень распространены) подвергаются решительному осуждению: «Горе обвешивающим, которые, когда отмеривают себе у людей, берут полностью, а когда мерят им или вешают, сбавляют» (LXXXIII, 1—3).

Наряду с торговлей в Мекке получило широкое развитие ростовщичество (по-арабски — риб). Желание принять участие в прибыльной караванной торговле побуждало многих мекканцев среднего и малого достатка обращаться за ссудами к ростовщикам. Несмотря на высокие проценты, мекканцы могли надеяться, что они после благополучного возвращения каравана не только погасят долг ростовщику, но и попользуются торговым барышом. Богатые купцы совмещали занятие торговлей с ростовщичеством. Так, Аббас «имел много денег, розданных людям его племени»²⁴. Один из сподвижников Мухаммеда, находясь в Медине, беспокоился о своих деньгах, которые он отдал в рост мекканским купцам²⁵.

²⁴ Табари, стр. 1339.

²⁵ Там же, стр. 1586.

Заимодавцы обычно давали динар за динар, дирхем за дирхем, т. е. за ссуду взимали 100 процентов. В Коране (111,125) Аллах, обращаясь к верующим, предписывает: «Не пожирайте роста, удвоенного вдвойне». Это можно понимать, так, что за ссуду брали 200 и даже 400 процентов. В сети мекканских ростовщиков попадали не только их сограждане и соплеменники, но и члены хиджазских бедуинских племен, принимавшие участие в мекканской торговле. Как в свое время в древних Афинах, в Мекке «основным средством для подавления народной свободы служили... деньги и ростовщичество»²⁶.

Постоянными крупными участниками мекканской караванной торговли были жители Таифа, по крайней мере верхушка проживавшего в нем племени сакиф. Экономические связи Мекки и Таифа были настолько тесными, что эти города называли «Маккатани», т. е. две или обе Мекки.

Жители Таифа и его окрестностей снабжали не имевших ни садов, ни огородов мекканцев фруктами и овощами. В Таифе и его окрестностях находились дачи богатых мекканцев, где они спасались от летней жары.

В Мекке торговля и ростовщичество ускорили процесс разложения первобытнообщинных отношений. В этом городе и его районе (подобно тому как это происходило в античной Греции доклассового периода) денежные отношения воздействовали на родовой строй как разъедающая кислота, так как этот строй «абсолютно несовместим с денежным хозяйством...»²⁷.

В населявшем Мекку племени курейш его верхушка в своем экономическом и социальном развитии значительно опередила верхние слои других племен. Из десяти родов, составлявших племя курейш, господствующее положение занял род омейя. К этому роду принадлежало большинство наиболее богатых купцов и ростовщиков, которые выделяли из своей среды начальников больших торговых караванов и пользовались преобладающим влиянием и реальной властью среди своих сограждан и тех хиджазских племен, которые экономически зависели

²⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 111.

²⁷ Там же.

от Мекки. Эти богатые и влиятельные мекканцы жили в домах, расположенных вокруг Каабы, в центре города, в той его части, которая называлась ал-Батха, что значит равнина, площадь; поэтому их выделяли из общей массы городского населения под почетным названием — «курейшиты центра».

Курейшитская верхушка обладала не только деньгами и товарами, но и владела обрабатываемыми землями, рабами и скотом. Так, членам рода омейя принадлежали химы в Северном Хиджазе. В этих химах находились искусственно орошаемые нивы и рощи финиковых пальм. Орошением и возделыванием этих культурных площадей были заняты рабы. В некоторых химах занимались разведением породистых лошадей.

Помимо рядовых членов племени курейш, подпавших под господство верхушки этого племени, в Мекке проживали еще ахлаф — «союзники». Это были пришельцы из других племен, поселившиеся в большом торговом городе на положении покровительствуемых союзников, своего рода побратимов коренного населения. Они принимали участие в торговой деятельности курейшитов и обладали вполне достаточными средствами существования. Такая же категория населения и под тем же названием «ахлаф» была известна в Таифе. Наименее обеспеченной частью населения Мекки были жители окраин (завахир). Это — преимущественно бедуины, бежавшие из своих племен; среди них, вероятно, встречалось немало салуков и таридов. Их привлек большой город, в котором можно было заработать, обслуживая караванную торговлю в качестве упаковщиков вьюков, грузчиков, неквалифицированных ремесленников, самоучек-ветеринаров, пастухов, а иногда и погонщиков. Это был очень беспокойный, а частью и преступный люд. Кроме того, в Мекке проживало немало иностранцев, прибывших из соседних стран, — бродячих торговцев, ремесленников, держателей питейных заведений. Будучи христианами, иудеями или зороастрийцами, они оказывали некоторое идеологическое влияние на мекканцев и окрестных бедуинов.

Мекканское племя курейш имело такую же родоплеменную организацию, как и все племена в Аравии, по поскольку в Мекке процесс разложения первобытно-общинных отношений зашел гораздо дальше, чем в дру-

гих племенах, в ней обнаруживались признаки начавшегося превращения племенной верхушки в господствующий класс и наблюдалось зарождение государственных учреждений. Крупные купцы, ростовщики и рабовладельцы составляли особую группировку, известную под названием «мала». Была сформирована полиция из рабов — «ахабиш», функционировал «дом собрания» и совет старейшин.

Слово «мала» значит сонм, знать. Например, по понятиям арабов, ангелы составляли «ал-мала ал-ала» — высший сонм. В Коране «мала» имеет значение «знать» или «начальники племени» (XXIII, 34); этим словом обозначаются также вельможи древнеегипетского фараона (XXIII, 48; XXVI, 33). Эта курейшитская «знать» собиралась у стены Каабы, когда надо было обсудить обстоятельства, связанные с отправкой или прибытием торговой экспедиции, и другие общественные дела. Это собрание мекканской «знати» можно уподобить древнеафинскому ареопагу при зарождении этого учреждения.

Основателем «дома собрания» (дар ан-надва) предание считало легендарного Кусайя ибн Килаба. Как сообщает Табари, Кусайя устроил у себя дом собраний и обратил его дверь в сторону храма Каабы. Тот же историк пишет: «Как женщина, так и мужчина из племени курейш заключают брак только в доме Кусайя ибн Килаба, и (курейшиты) совещаются между собой о деле, которое представится им, только в его доме и привязывают знамя войны с другим племенем»²⁸.

Курейшитская знать считала, что свои обязанности и привилегии она получила якобы по наследству от легендарного Кусайя. Как сообщает Табари, «жители Мекки вручили власть Кусайю... и он обладал властью, которой подчинялось его племя, и были у него хиджаба, сикая, рифада, надва и лива»²⁹. Хиджаба — это хранение ключей Каабы. Сикая — обязанность снабжать водой паломников, приходивших к этому храму для совершения религиозных обрядов. Рифада — сбор средств, дававшихся курейшитами на кормление неимущих паломников. Лива (знамя) — кусок белой материи, кото-

²⁸ Табари, стр. 1097, 1098.

²⁹ Там же, стр. 1097.

рый в случае начала войны с каким-либо племенем привязывали на конец копья, после чего его вручали военачальнику — раису.

В изучаемый нами период все это было привилегией верхушки рода омейя. Эти привилегии давали ей возможность постоянно оказывать влияние на паломников, приходивших из бедуинских кочевий и приносявших продукты скотоводства и охоты для обмена на изделия городских ремесел и на товары, привезенные из зарубежных стран.

Интересное и весьма показательное явление представляли собой «ахабиш». А. Ламменс в исследовании³⁰, основанном на обильных источниках, убедительно показал, что это были африканские рабы, принадлежавшие богатым курейшитам, составлявшим мала. Последние использовали их как вооруженный конвой при караванах и как полицейскую силу в Мекке для охраны Каабы (где хранилась курейшитская казна) и своих жилищ, которым могли угрожать беспокойные и недовольные жители мекканских окраин и неимущие паломники. Мнение, что «ахабиш» были каким-то объединением людей, не принадлежавшим ни к каким племенам, совершенно неубедительно.

Следует также обратить внимание на слово «иляф» в Коране (CVI, 1—2). Г. С. Саблуков переводит его устаревшим русским словом «соглас», а И. Ю. Крачковский придает ему широкое значение слова «союз». По нашему мнению, этому арабскому слову более всего соответствует значение «содружество» в смысле способности курейшитов к совместным действиям, необходимым при организации крупных торговых экспедиций. На основании арабских источников возможно предположение, что под этим словом понимались торгово-дипломатические договоры, заключавшиеся курейшитами с иностранными государями и правителями.

Ханифизм и ислам. Ханифизм, вполне оформившийся как религиозно-моральное учение в земледельческой Йемене, получил распространение и в Западной Аравии. В этой стране идея единобожия и аскетическая практика не представляли собой ничего необычного, так как

³⁰ H. Lammens, *Les «Ahabis» et l'organisatin militaire de la Mecque au siecle de l'hegire*, — «*Journale Asiatique*», t. VIII, Paris, 1916.

сравнительно многие жители уже испытали на себе влияние монотеистических религий — христианства и иудаизма, а некоторые и восприняли одну из этих религий. Но в Мекке, являвшейся одним из важных центров арабского политеизма, распространению ханифизма препятствовал хорошо организованный культ Каабы. Этот культ, выражавшийся в поклонении идолам, был тесно связан с экономической деятельностью курейшитов и освящал их влияние на бедуинские племена. Поэтому курейшитская знать вела упорную борьбу за сохранение многобожия и идолопоклонства.

Но эпоха политеизма в Аравии приближалась к концу. В разлагавшемся первобытнообщинном обществе уже появились элементы новых классовых отношений, а это должно было привести к существенным идеологическим изменениям: монотеизм должен был прийти на смену политеизму. В частности, образование союзов племен выражало стремление к объединению Аравии, возникновению центральной власти, отражением и освящением которой мог быть только монотеизм.

Ханифизм, как арабская форма монотеизма, вступил в борьбу с политеизмом. Прежде всего ханифы боролись против его наиболее грубого проявления в виде идолопоклонства. Противопоставляя племенным и местным божествам своего единого рахмана, они выражали идею всеарабской религии. В Мекке ханифам предстояло вести особенно упорную борьбу, так как здесь политеистическое вероучение имело наиболее солидный базис по сравнению с другими племенами, а культ был гораздо лучше организован.

«Сира» вполне определенно представляет Мухаммеда в начале его религиозной деятельности как типичного ханифа. Вероучение мекканских ханифов изложено в «рахманских» сурах Корана. В более ранних материалах этого сборника, которые европейские исследователи группируют под названием «поэтические» суры, содержатся фантастические представления о скором наступлении конца света, о страшном суде и о загробном существовании людей. В этих материалах идея единобожия является господствующей и проповедуется особенно настоятельно. Содержание «поэтических» сур (если отбросить шаманские заклинания, относящиеся к периоду политеизма) ни в чем не расходится с учением ханифов;

только в этих сурах в большей мере, чем в ханифизме, проявилось влияние иудейского и христианского сектантства, приверженцев которого можно было в немалом числе встретить в доисламской Мекке среди посещавших ее и проживавших в ней иностранцев.

Уже в наиболее ранних сурах проявляется весьма интересная и существенная деталь. Единый бог выступает под именем «Аллах», т. е. носит имя племенного божества курейшитов, и сохраняется культ Каабы как «дома Аллаха»; предписывается соблюдение некоторых обрядов, установившихся в прежние времена.

Ханифизм в его мекканской форме, создание которой мусульманское историческое предание и европейское буржуазное исламоведение приписывают Мухаммеду, не мог получить широкого распространения в Мекке. Причину этого явления следует искать не только в противодействии, оказанном новому учению курейшитской господствующей верхушки. Гораздо важнее были социальные причины, ограничивавшие распространение ханифизма в Мекке. Социально-экономические противоречия в этом городе достигли значительно большего развития, чем в племенах. Мекканцы, несомненно, стремились избавиться от засилья господствующей верхушки и от ростовщической кабалы, а рабы, конечно, стремились освободиться из рабства. Мекканский же ханифизм не мог привлечь и удовлетворить угнетенных и обездоленных. Он давал далеко не заманчивую перспективу гибели мира и обращал взоры верующих к загробному миру, обещая только после смерти лучшее существование. Устрашение грядущей катастрофой светопреставления и мучениями в геенне не могло оказать желаемого воздействия на арабов того времени. Это следует объяснить не только широко распространенным неверием в загробный мир, но и деловой практичностью мекканцев.

В такой обстановке, под влиянием социальных потребностей населения, мекканский ханифизм перешел в следующий этап развития, который уже можно рассматривать как возникновение новой религии, получившей название «ислам». Вероучение времени зарождения этой религии получило свое выражение в мекканских «пророческих» сурах. В них наряду с единством Аллаха выдвигается другой, не менее важный догмат о «посланнике Аллаха» (расул аллах), который претендует на по-

ложение единственного посредника между верховным существом и людьми.

В «пророческих» сурах обращено гораздо большее внимание на некоторые земные, реальные явления. Прежде всего осуждается и безоговорочно запрещается ростовщичество, являвшееся очень болезненной язвой мекканской экономической жизни. От непомерного хищничества и алчности мекканских ростовщиков сильно страдали население Мекки и окрестные бедуинские племена.

«То, что вы даете в рост, чтобы оно возросло от имущества других людей, не возрастет перед Аллахом» (XXX, 38).

В отличие от ростовщичества торговля считается вполне допустимым и даже похвальным занятием. Аллах-рабовладелец наделен типичными чертами купца; в его образе отразилась торговая обстановка Мекки. Из «Сиры» видно, что Мухаммед, выступая вероучителем, продолжал заниматься торговыми делами. Курейшиты, подвергая сомнению его пророческую миссию, с насмешкой говорили ему: «Какой же ты пророк! Ты ходишь по рынкам, как самый последний из нас». Как полагают, ответом на это является стих Корана, в котором Аллах говорит: «И до тебя мы не посылали посланников, которые бы не ели пищи и не ходили по рынкам» (XXV, 22).

В «пророческих» сурах встречаются особенно настоятельные призывы соблюдать правильность в мере и весе, т. е. быть честным при торговых и ростовщических сделках и расчетах. «И будьте верны в мере, когда отмериваете, и взвешивайте правильными весами» (XVII, 37). Наряду с запрещением растрачивать имущество сирот предписывается: «Выполняйте меру и вес по справедливости» (VI, 153). Мифический древнеарабский пророк Шу'айб, обращаясь к мадайанитам, убеждает их поклоняться только единому Аллаху и «не убавлять меры и веса». «О народ мой! — повторяет он. — Полностью соблюдайте верность в мере и весе» (XI, 85—86). В качестве неоспоримого аргумента приводится отдельный целеустремленный творческий акт Аллаха: «И небо Он воздвиг и установил весы, чтобы вы не нарушали весов. И устанавливайте все справедливо и не уменьшайте весов» (LV, 6—8). По представлению Корана, в день страшного суда будут приведены в действие «весы вер-

ные», на которых будут взвешены дела людей; при этом от имени Аллаха говорится: «Достаточны Мы как счетчики» (XXI, 48).

В этих и им подобных призывах и предписаниях получили выражение кровные интересы мекканского торгового люда, постоянно страдавшего от отсутствия коммерческой честности у заправил караванной торговли и у ростовщиков. Выше мы уже видели, как осуждает Коран «обвешивающих» (LXXXIII, 1—3).

Согласно историческому преданию, Мухаммед и почти все его мекканские последователи были выходцами из средних и малоимущих слоев населения, испытывавших на себе суровую и жестокую власть «курейшитов центра». Мухаммед принадлежал к роду хашим, который не владел богатством и не пользовался влиянием. Следовательно, он и его ближайшее окружение вполне могли проникнуться интересами и нуждами среднего и мелкого мекканского торгового люда.

Деятельность первых мусульман в Мекке завершилась полным провалом. Нет оснований полагать, что они создали в своем городе какую-либо организацию. Наряду с верой в религиозные догматы в Коране им предписаны две практические обязанности — «салат» и «закят», т. е. совершать молитву и уплачивать «очистительный» налог. Не всегда мог Мухаммед выступать публично со своими проповедями; для слушания их и для молитвы его приверженцам приходилось собираться тайно где-нибудь в пригородах и даже в «ущельях» из боязни преследований. Согласно «Сире», мусульмане оказались в таком стесненном и опасном положении, что Мухаммед был вынужден часть их отправить в Эфиопию под покровительство христианского негуса. Оставшиеся же в Мекке во главе с Мухаммедом подверглись бойкоту: мекканцы отказались заключать с ними брачные союзы и вести торговые дела. Интересно, что их сородичи не могли оказывать им никакой помощи и защиты. Это показывает, что экономическая зависимость мекканцев от «курейшитов центра» была сильнее кровных связей.

Основная причина неудачи ислама в Мекке крылась в социальном содержании этого вероучения. Имущественное и социальное неравенство представлено в Коране как порядок, установленный Аллахом. Следовательно, он не подлежал ни отмене, ни изменению. Рабство

тоже представлено как неотъемлемый социальный институт. Расправа с богатыми и власть имущими перенесена в фантастический загробный мир только после смерти; попав в райский сад, праведники избавятся от житейских тягот и материальных нужд. Но чтобы стать прапедником в земной жизни и небожителем после смерти, необходимо неизменно проявлять «покорность» и «терпение». Эти добродетели, по Корану, столь же необходимы, как вера в Аллаха и его посланника.

В ранних сурах Корана сохранились стихи, содержащие осуждение богатства и богачей, для которых характерны алчность, скупость и жестокость и которые «пожирают» имущество сирот и с руганью прогоняют нищего. Такой протест против имущественного неравенства привлек к новому вероучению некоторое число работ и неимущих свободных. Но их ждало разочарование, так как проповедник новой религии, как это видно из Корана, не выдвигал требования о каком-либо переустройстве социально-экономических отношений, обещая своим последователям улучшение их существования только в потустороннем мире. Существующее неравенство и произвол оправдывались в Коране, в котором от имени Аллаха говорится: «И так мы в каждом селении сделали вельмож грешниками его, чтобы они ухищрялись там» (VI, 123).

Ислам в Мекке не обрел социальной опоры; он не получил поддержки как со стороны населения города, так и бедуинов прилегающих к нему районов. К тому же «курейшиты центра» оказывали новой религии решительное противодействие, а ее последователей подвергли гонению.

По преданию, Мухаммед выступил в роли проповедника в 610 г., но лишь через 12 лет окончательно убедился в полной невозможности достичь успеха в своем родном городе. Попытка найти последователей в соседнем Таифе также не удалась: он был встречен жителями градом камней. По преданию, возвращаясь в Мекку, он для самоуспокоения выступил с проповедью перед толпой джиннов.

Выход из создавшегося положения первые мусульмане нашли в решении переселиться в Йасриб-Медину. Это переселение (по-арабски — хиджра) произошло осенью 622 г.

Мусульманская община верующих в Медине

Насриб (который еще до хиджры, вероятно, уже назывался также Мединой) представлял собой обширный оазис, культурная площадь которого ограничивалась харраμισ востока и запада и отрогами горной цепи — с севера и юга. На равнине оазиса были разбросаны поселения местных племен и «дары» (дар — это совокупность жилищ, населенных членами отдельного рода). Населенные пункты отделялись один от другого возделанными полями, садами, огородами и пальмовыми рощами. Основное население Мединского оазиса составляли три так называемых еврейских племени — кеннука, курейза и надир, и два арабских — аус и хазрадж кроме этих племен на территории оазиса жили мелкие племена и роды, находившиеся на положении, сходном с положением мекканских и таифских ахлаф. Достоверность старого предания, что мединские «евреи» были прямыми потомками переселенцев из Палестины, покинувших свою страну в I в. н. э., после Иудейской войны, подвергается сомнению. Мединские «евреи» (по крайней мере большинство из них) были коренными арабами, исповедовавшими иудейскую религию. Они говорили на арабском языке, возможно, на местном диалекте, в котором встречались древнееврейские слова и выражения — они были ценителями доисламской арабской поэзии и из их среды вышли некоторые арабские поэты. Их родо-племенная организация ничем не отличалась от арабской.

Мединские «еврейские» племена считались наиболее древними поселенцами йасриба. Арабские племена аус и хазрадж, генеалогически связанные с южноарабскими племенами, появились в оазисе позднее, когда значительная (и, возможно, лучшая) часть его уже была занята «евреями». Последние занимались земледелием. Среди них были и ремесленники; особенно славилась качеством своих изделий ювелиры, изготовлявшие женские украшения, а также оружейники, продукцию которых охотно покупали бедуины. По некоторым данным, «евреи» сравнительно с арабами обладали более совершенными навыками и приемами обработки и орошения полей и садов, отличались большим трудолюбием и достигли более-высокого материального уровня.

Можно полагать, что аус и хазрадж, тоже занимавшиеся земледелием, ощущали недостаток в земельных площадях. Однако прямыми данными, показывающими, что они страдали от малоземелья, мы не располагаем. В собственно оазисе и на участках между харрами имелось достаточно пригодной для обработки земли, но на ее возделывание, а главное, на орошение приходилось затрачивать много труда. Между ауситами и хазраджитами нередко происходили столкновения, иногда переходившие в длительную вооруженную борьбу. Успех этой борьбы часто зависел от того, на чью сторону становилось то или иное «еврейское» племя.

В военном отношении мединские «евреи» были слабее арабов. Поэтому они мирились с положением людей, находившихся под покровительством и защитой то ауситов, то хазраджитов. Но, как и все исповедующие иудейскую веру, они связывали с грядущим пришествием мессии надежды на возрождение своего могущества и господства в недалеком будущем. Эти надежды «евреев» мединские арабы якобы воспринимали как угрозу. Поэтому-то, как полагают, они и приняли мекканца Мухаммеда в качестве своего пророка, который мог сыграть роль арабского мессии. Такое представление едва ли соответствует исторической действительности и является не более чем концепцией европейских ученых.

Суть дела заключается в том, что в арабских племенах Медины еще до возникновения ислама получило распространение христианство в форме одного из сектантских учений. Известно, что в этих племенах были монахи; некоторые из них принимали очень активное участие в вооруженных столкновениях между ауситами и хазраджитами. Самое название «ансар», как стали называться мединские последователи Мухаммеда, происходит от корня «н-с-р», как и «насара» — христиане.

Даже согласно мусульманскому преданию, ансары действовали в Медине за несколько лет до хиджры. Они, как христианские сектанты, не признававшие божественности Христа и считавшие его выдающимся пророком, вполне могли воспринять ислам с его догматами о едином боге и страшном суде. Переговоры между Мухаммедом и представителями мединских ансаров начались за два-три года до хиджры.

Мединские арабы были враждебно настроены к господствующей верхушке мекканских курейшитов. Основной причиной враждебности могло служить то, что хищные щупальца мекканских ростовщиков уже дотянулись до Медины. Поэтому мединские арабы были готовы принять в свою среду проповедника единобожия, который враждовал с правителями Мекки. Немаловажное значение могло иметь и то, что Амина, мать Мухаммеда, была родом из Медины.

Предприняв переселение в Медину к далеко не дружественным племенам, мекканские мусульмане порывали всякие связи со своими соплеменниками и сородичами и становились их врагами. Чтобы не оказаться в Медине в незавидном положении таридов, мекканские переселенцы выполнили формальной акт добровольного расторжения родственных, связей со своими соплеменниками. Этот акт «Сира» представляет как разрешение, данное Мухаммеду его дядей Аббасом. В Медине мекканские переселенцы стали называться «мухаджирами», т. е. людьми, совершившими хиджру, а мединцы, признавшие религиозный авторитет Мухаммеда, сохранили свое название — «апсары».

В Медине мухаджиры и апсары образовали особую организацию — «общину верующих» (умма). Она отличалась от существовавших в Аравии объединений людей прежде всего тем, что ее основой служила принадлежность ее членов к одному вероучению. Во главе ее стал человек, пользовавшийся авторитетом вероучителя, находившегося, по мнению его последователей, в постоянных сношениях с Аллахом. Это были надродовая и надплеменная организация, вступление в которую было открыто для всех, кто признавал ее вероучение.

Мусульманская умма, в которой объединялись единоверцы, была теократической организацией: входившие в нее верующие были убеждены, что ими правит Аллах через своего посланника. Последний уверял, что он получает от Аллаха приказы и распоряжения не только по политическим и общественным делам, но и по его личным (например, отношения с женами).

Согласно «Сире» Мухаммед прибыл в Медину по приглашению представителей племени хазрадж и стал гостем этого племени. Но он не оказался в зависимом положении дахилия, состоящего под покровительством

чужого племени, а сразу же занял независимое положение. Предание объясняет это тем, что он как глава мухаджиров и первых ансаров заключил договор с мединскими «евреями» и арабскими племенами, которые еще не были подчинены его власти.

Через несколько лет после хиджры все арабское население Медины уже вошло в состав мусульманской общины, а «еврейские» племена были выселены и частично истреблены. Как вероучитель, находившийся в постоянном общении с Аллахом, Мухаммед выполнял функции правителя Медины, судьи и военачальника.

Мусульманская община (умма) объединяла «верующих» — муминун. Ее верхний слой составляли мухаджиры; из их среды вышли руководители общины; ансары, составлявшие большинство, находились в подчиненном положении. В Коране «верующим» — муминун противопоставляются «муслимуп», т. е. покорные, подчиняющиеся. Они политически зависели от общины, выполняли распоряжения ее руководства и платили закят в казну общины.

В Коране обращается серьезное внимание еще на одну категорию людей, которая, по-видимому, играла немаловажную роль в политической жизни Медины. Эти люди названы «мунафикун», что обычно переводят словом «лицемеры». Оно может иметь также значение «колеблющиеся», «сомневающиеся». В Коране о них говорится с явной неприязнью и раздражением. «Лицемеры и лицемерки — одни от других: они внушают неодобряемое и удерживают от признаваемого и зажимают свои руки. Забыли они Аллаха, и забыл Аллах про них. Поистине, лицемеры — они распутники. Обещал Аллах лицемерам, и лицемеркам, и неверным огонь геенны — на вечное пребывание там... И проклял их Аллах» (IX, 68—69). Разоблачению «лицемеров» и предостережению членов общины от их козней посвящена целиком сура LXIII, носящая заглавие «Лицемеры». Из этой суры видно, что «мунафикун» представляли оппозицию, выступавшую против руководства уммы. Они подвергали сомнению подлинность пророческой миссии Мухаммеда и были против снабжения его самого и его окружения материальными средствами; они состояли в умме, а потом вышли из нее — «они уверовали, потом стали неверными» (LXIII, 3),

В мединских сурах особое внимание обращено на регламентацию собственнических отношений, на охрану прав собственника. За покушение на права собственника установлено строгое наказание: «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха» (V, 42). Детально разработаны права наследников на имущество, оставшееся после смерти его владельца. В правилах раздела наследства предусмотрены все степени родства и свойства, точно установлены доли наследуемого имущества, которые имеет право получить каждый родственник и свойственник (например, IV, 8—15). В этой же суре проявлена забота об имущественных интересах малолетних сирот: их опекунам запрещается, под страхом адских мучений, присваивать имущество сирот или растрачивать его, или заменять в нем «добротное негодным» (IV, 2). Опекунам малолетних и слабоумных предписано предоставлять опекаемым пищу и одежду и обращаться с ними приветливо («говорите им слово благое», IV, 4).

В области семейных отношений Коран освящает господствующее положение мужчин. Женщина не является совершенно бесправной, но подчинена мужчине и зависима от него. «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества» (IV, 38). «Мужчины выше их [женщин] степенью» (II, 228).

В Коране нет и следа каких-либо пережитков матриархата и полиандрии; семья в нем всегда патрилокальна. Но Коран освящает и законодательно закрепляет твердо установившийся обычай многоженства. Следует обратить внимание на то, что разрешение многоженства в Коране связано с опекой сирот женского пола. «А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах, — и двух, и трех, и четырех. А если боитесь, что не будете справедливы, то — на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы» (IV, 3). Этот не вполне ясный стих Корана предоставлял возможность для самых широких толкований. Но следует отметить, что в данном стихе Корана выражено одобрение моногамии. Это вполне отвечало имущественным отношениям и интересам «верующих».

Коран освящает и другой широко распространенный обычай - сожитительство с рабынями. Такая связь даже

предпочитается брачным узам с иноверкой: «Верующая рабыня лучше многобожницы» (II, 220). Ребенок от рабыни, признаваемый его отцом, пользуется теми же правами, что и дети от законных жен.

За нарушение супружеской верности Коран предписывает телесное наказание: «Прелюбодейку и прелюбодейя — побивайте каждого из них сотней ударов» (XXIV, 2). Виновные в таком нарушении брачного права могут вступать в брак только с подобными им правонарушителями или с многобожниками и многобожницами. Но обвинение в акте прелюбодейания должно быть подтверждено четырьмя свидетелями-очевидцами. По мнению зарубежных биографов Мухаммеда, в подобных случаях могут выступать только лжесвидетели. Те же, «которые бросают обвинение в целомудренных» и не могут привести четырех свидетелей, считаются клеветниками и получают по 80 ударов плети. Если муж обвиняет свою жену в неверности и не может выставить четырех свидетелей, то обязан четырежды призвать Аллаха в свидетели и заявить, что па нем проклятие Аллаха, если он лжет. Однако обвиняемая им жена освобождается от обвинения и наказания, если она четырежды призовет Аллаха в свидетели своей невиновности и тоже заявит, что на ней будет тяготеть проклятие Аллаха, если она лжет (XXIV, 3—9). Появление суры XXIV — «Свет» — и содержащихся в ней предписаний о поведении женщин мусульманское предание объясняет загадочным приключением Аиши. Эта молодая жена уже постаревшего Мухаммеда, сопровождавшая его в одном походе, исчезла незамеченной, когда отряд снялся с привала и продолжал путь. Она вернулась в Медину только на другой день в сопровождении молодого араба, который, как они оба уверяли, подобрал ее на дороге и посадил на своего верблюда. Чтобы положить конец пересудам и сплетням, Мухаммед вызвал соответствующее откровение Аллаха, вошедшее в данную суру.

Некоторые зарубежные ориенталисты замечают, что Коран смотрит на женщину глазами ревнивого мужа. Враждебно настроенные к исламу авторы (и прежде всего христианские миссионеры) объясняют предписания Корана о браке и семье преимущественно и даже исключительно чувственностью Мухаммеда, которая, по их представлениям, к концу его жизни приняла патологи-

ческий характер. На самом же деле, как это видно из исторического предания, большинство браков Мухаммеда имело политическую подоплеку. Наибольшим влиянием пользовались его жены, бывшие дочерьми его двух наиболее близких и деятельных соратников — Абу Бекра и Омара; к этой же категории следует отнести и Зейнаб, разведенную жену его приемного сына Зейда. Другие жены Мухаммеда были взяты из племен, с которыми он вступал в союзнические отношения или подчинял своей власти. В Медине Мухаммед одновременно состоял в браке с девятью женщинами³¹. Возможно, что многоженство Мухаммеда было вызвано его положением правителя большого города — Медины.

В разводе Коран предоставляет преимущественное право мужу; расторжение брака происходит по его инициативе. Жена не имеет ни права, ни возможности прогнать неугодного ей мужа, а может только жаловаться на него. Коран, в котором на защиту имущества обращается гораздо больше внимания, чем па защиту личности, проявляет некоторую заботу об имущественных интересах разведенной жены, например: «И давайте женам их вено в дар». Однако, если жена предоставит из него что-либо мужу, он не должен отказываться (IV, 3). Этот стих впоследствии послужил многим мужьям основанием для вымогательства имущества и денег у своих жен. Коран не разрешает мужьям брать что-либо из того, что они отдали своим женам. Но тотчас же делается оговорка со ссылкой на «ограничения Аллаха», позволяющая мужу брать выкуп с жены за развод (II, 229). Так же относительно и условно предписание Корана не удерживать насильно жену, получившую развод (11,231).

Исключительное внимание уделяется в Коране точному установлению отцовства. Этим вызваны тщательно разработанные правила о выдерживании сроков, до истечения которых разведенной жене запрещается вступать в новый брак. Женщин, получивших развод, Коран ставит в такое положение, в котором они лишены возможности «скрывать то, что сотворил Аллах в их утробах» (II, 228). Соблюдение сроков, в течение которых разведенные жены и вдовы обязаны находиться в небрачном состоянии, служил надежной гарантией для

³¹ M. Gaudefroy-Demombynes, Mahomet, pp. 242—253.

точного определения, от кого происходят их дети. А это обеспечивает достоверное определение наследников, имеющих право на получение имущества после смерти его владельца.

Законодательство Корана предоставляет и обеспечивает мужчинам господствующее положение в семье и обществе. Для обуздания и вразумления непокорных, строптивых жен мужу не только разрешается, но и предписывается ругать их, бить и лишать супружеской взаимности: «Тех [жен], непокорности которых вы боитесь, увещайте, и покидайте их на ложах, и ударяйте их» (IV, 38).

Неверных жен («тех из ваших женщин, которые совершат мерзость») Коран предписывает, если их неверность будет доказана четырьмя свидетелями: «держите их в домах, пока не успокоит их смерть или Аллах устроит для них путь» (IV, 19).

По Корану препятствием для вступления в брак служит не только кровное, но и молочное родство: запрещается жениться не только на своих матерях, сестрах и дочерях, но и на кормилицах и их дочерях, а также одновременно состоять в браке с двумя сестрами (IV, 26-27). Это тоже отвечало интересам собственников, так как кровосмесительные браки создавали осложнения при разделе наследства. Кроме того, арабы, конечно, заметили, что кровосмесительство приводит к вырождению.

Политика мединской общины. Во главе мединской «общины верующих» стоял «посланник Аллаха». Он пользовался непререкаемым авторитетом, как единственный представитель Аллаха на Земле, передававший людям не только божественную религиозную истину, но и распоряжения и предписания Аллаха, вызывавшиеся политическими и общественными событиями и даже личными делами отдельных верующих. Арабо-мусульманские толкователи (муфассирун) Корана связывали отдельные суры и стихи этой книги с определенными историческими событиями, и их толкования воспринимали европейские биографы Мухаммеда и историки ислама. Эти толкования субъективны, так как в Коране нет ясного изложения событий, а имеются только намеки (иногда очень смутные) на них. Но вполне можно признать, что некоторые божественные откровения Корана являлись точным выражением мыслей и намерений ру-

ководителей общины. Среди этих руководителей мусульманское предание на первое место выдвигает двух ближайших соратников Мухаммеда — Лбу Бекра и Омара. Их воздействие на Мухаммеда — представлено настолько активным и эффективным, что востоковед А. Шпрепгер считал возможным признать Омара подлинным «основателем ислама». Во всяком случае руководящий триумvirат в составе Мухаммеда, Абу Бекра и Омара пользовался наибольшей властью и влиянием в мединской общине.

Основным проявлением внешней политики этой общины была борьба с Меккой за обладание ее святилищем и господство в Западной Аравии. По сведениям «Сиры»³², Мухаммед уже в первом году своего пребывания в Медине посылал своих последователей на торговые пути с предписанием нападать на мекканские караваны. Первое время такие предприятия, возможно, имели главной целью захват добычи, которая могла бы послужить средством существования для неимущих и бездомных мухаджиров. Но уже в следующем году руководство общины начало экономическую войну с Меккой. Нападения на мекканские караваны обещали не только богатую добычу, но и нарушали нормальную торговую деятельность мекканцев, для большинства которых она была основным источником существования. Скоро мекканцы стали жаловаться, что «Мухаммед и его сподвижники сделали нашу торговлю одноглазой»³³, т. е. вдвое сократили ее.

В 624 г. мединские «верующие» тщательно подготовили нападение на большой мекканский караван, следовавший из Сирии. Но опытный и предусмотрительный начальник каравана — Абу Суфиан заблаговременно сумел разгадать намерение мединцев и через гонца известил мекканцев об опасности, угрожавшей каравану. Мекканцы, заинтересованные в спасении своих товаров, спешно выступили для защиты каравана. У колодцев Бедра они встретили отряд Мухаммеда, от которого караван Абу Суфиана спасся, пройдя по дорогам красно-

³² «Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishak bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hisch3m». Aus den Handschriften zu Berlin, Leipzig, Gothe und Leyden herausgegeben von Dr. Ferdinand Wuslenfeld, Bd 1—2, Gottingen, 1858—1860, pp. 416—432 (далее — Ибн-Исхак).

³³ Вакиды, стр. 196.

морского побережья в Мекку. Между тем у Бедра завязалось сражение, в котором мекканцы потерпели поражение.

В следующем году мекканские курейшиты совместно с союзными бедуинами выступили против Медины. В то время в «общине верующих» наблюдалось несогласие и оживилась деятельность «лицемеров»; часть войска Мухаммеда покинула его на походе, после выступления из Медины. Сражение при горе Оход (Ухуд) завершилось разгромом мединского войска.

В 626 г. курейшиты проявили стремление использовать последствия этой победы и свое численное превосходство, чтобы нанести решительный удар общине верующих. Совместно со своими бедуинскими союзниками они предприняли второй поход на Медину. Опасаясь вторичного разгрома, мединские арабы не вышли в поле, а предпочли применить оборонительную тактику. Арабское историческое предание придает исключительное значение новому тактическому приему мединцев: следуя совету перса Сальмаи ал-Фариси, бывшего раба, ставшего мусульманином, они вырыли окоп, в котором засели их стрелки-лучники. Такой невиданный в Аравии способ обороны лишил курейшитов возможности ввести в дело бедуинскую конницу.

Осада Медины затянулась. Зимние дожди и суровый северный ветер, как гласит предание, причиняли осаждающим много неприятностей и вызвали раздражение мекканцев, особенно бедуинов. Но главное заключалось в том, что эмиссарам мединских верующих удалось использовать старое недовольство бедуинских союзников Мекки их зависимым положением от курейшитов, которое привело их к участию в тяжелой и бесполезной для них осаде Медины. Тайные переговоры представителей Мухаммеда с командирами отрядов сильного племени гатафан привели к уходу бедуинов из лагеря осаждающих. Мекканцы, оставшиеся в небольшом числе, были вынуждены снять осаду.

После этой неудачи мекканцев руководители «общины верующих» усилили свою деятельность в бедуинских племенах, привлекая их на сторону Медины.

В то же время в господствующей верхушке мекканских курейшитов (по крайней мере среди ее наиболее дальновидных и реально мыслящих деятелей) создава-

лось правильное представление о действительном соотношении сил и о возможностях, которыми обладала та и другая сторона. Трезвая оценка положения должна была вызвать у курейшитов стремление к соглашению с общиной верующих в лице Мухаммеда.

В 628 г. мединские верующие совершили очень важный акт, имевший, большие политические последствия. В сезон паломничества они отправились в хадж и тем самым показали, что Кааба признается ими как наиболее почитаемое святилище и что они считают для себя обязательным выполнение традиционных религиозных обрядов. Следовательно, исповедники новой религии и члены новой религиозной организации не покушались на умаление значения Мекки как религиозного центра. Это могло устранить беспокойство курейшитов за свои материальные интересы.

В долине Худейбии, недалеко от Мекки, вооруженный отряд курейшитов преградил путь мединским паломникам. Возможно, курейшитская верхушка опасалась возбуждения населения Мекки и опасных для нее беспорядков при появлении неожиданных паломников в этом городе. В Худейбии без особых трудностей было заключено письменное соглашение, по которому мединским верующим предоставлялось право в следующем году совершить хадж в Мекку; мекканцы обязались покинуть этот город на время пребывания в нем мединских паломников.

Это соглашение, или «перемирие» (как его иногда называют), в Худейбии мусульманское предание расценивает как выдающуюся дипломатическую победу Мухаммеда. Важно было то, что господствующая верхушка Мекки признала «общину верующих» как равноправную сторону, как де-факто и де-юре существующую организацию.

Ко времени заключения Худейбийского соглашения «община верующих» уже владела всей территорией Мединского оазиса. Мухаджиры, составлявшие верхний, наиболее влиятельный слой общины, получили земли, жилища и имущество, отобранное у трех «еврейских» племен. Мусульманская феодальная историческая литература обращает большое внимание на религиозные разногласия между мединскими раввинами и Мухаммедом. Раввины обвиняли арабского вероучителя в незнании Торы; его проповеди на библейские темы нередко вызы-

пали их насмешки, издевательство и злорадство. Мухаммед находил выход из затруднительного положения, обвиняя иудейских книжников в фальсификации священного писания, в замене его различными вымышленными текстами. В Коране сохранились явные следы религиозных препирательств, которые свойственны представителям конкурирующих религий. «Среди них есть простецы, которые не знают писания, а только мечты. Они только думают. Горе же тем, которые пишут писание своими руками, а потом говорят: „Это от Аллаха" (II, 73).

Но религиозные споры и пререкания, которые, конечно, усиливали взаимную неприязнь, не могли служить ни единственной, ни основной причиной выселения и частичного истребления «еврейских» племен в Мединском оазисе. Основной причиной враждебной политики руководства общины верующих по отношению к мединским «евреям» являлось то, что последние владели хорошо возделанными землями, укрепленными поселениями и ценным имуществом, в то время как многие мухаджире все еще оставались неимущими, продолжали жить в домах своих мединских побратимов, не имели оружия. Кроме того, между верующими и «евреями» наблюдалась не только религиозная рознь, но и политическая вражда. Мединские «евреи» не принимали участия в походах и сражениях верующих, но сочувствовали мекканским курейшитам и поддерживали с ними тайные дружественные отношения.

Первым объектом нападения верующих в Медине явилось «еврейское» племя кейнука. После битвы при Бедре, в обстановке подъема и уверенности в своих силах, Мухаммед обвинил это племя в нарушении договора, заключенного в году хиджры. Это нарушение выразилось в ведении тайных переговоров с Абу Суфианом, главой мекканских курейшитов. Племя кейнука не оказало вооруженного сопротивления верующим и выселилось к своим единоверцам в Вади-л-Кура, а затем переселилось в Адри'а, в Сирии. Жилища и возделанные земли выселенного племени были переданы во владение нуждавшимся мухаджиров. В качестве движимой добычи верующие захватили много мечей, копий, щитов и кольчуг, изготовленных ремесленниками изгнанного племени. Последствием их выселения оказалась нехват-

ка нового Оружия в Медине. Попытка обучить рабов изготовлению оружия не увенчалась успехом.

Второй жертвой той же политики стало «еврейское» племя надир, которое было выселено из Медины через полгода после битвы у горы Оход. Ему было предъявлено такое же обвинение, как и его ранее выселенным единосверцам. Но пострадало оно в большей степени, так как было вынуждено оставить верующим не только свою недвижимость, но и почти все движимое имущество. Оно переселилось в Хейбар, а возможно, в Адри'а, где уже обосновалось племя кейнука. Жилища и земли племени надир поступили во владение все еще имевшихся неимущих мухаджиров. После этого раздела захваченной недвижимости неимущих среди мухаджиров не осталось.

Третье мединское «еврейское» племя — курайза постигла трагическая участь. После осады Медины оно было обвинено в предательстве, выражавшемся в тайных сношениях с врагом, и подверглось очень жестокой расправе. После 15-дневной осады его укрепленного поселения курайза сдались на милость победителя. Мужчины племени были казнены, а женщины и дети обращены в рабство. Их продали или обменяли на оружие у педждийских бедуинов. Вся собственность этого племени поступила в распоряжение руководства общины верующих.

Община верующих стала самой многочисленной и сильной организацией в Мединском оазисе. Значение «лицемеров» как политической оппозиции значительно уменьшилось после выселения «еврейских» племен. В Худейбии Мухаммед противстоял мекканским курейшитами как глава организации, с военной силой и политическим влиянием которой они были вынуждены считаться.

Менее чем за два года — после Худейбийского соглашения и до сдачи Мекки мусульманам — войско мединской общины предприняло 17 военных экспедиций. Подробности военных действий, связанных с большинством этих экспедиций, не сохранились в мусульманском предании, а число участников в каждой из них не превышало нескольких сот бойцов.

Весной 628 г. был предпринят поход на Хейбар, в котором жили «еврей»-земледельцы, давшие приют племени надир, изгнанному из Медины. Этот поход являлся

военным набегом с целью захвата добычи. Хейбар был земледельческим оазисом в 150 км к северо-востоку от Медины. Его население обитало в семи бурджах, каждый из которых представлял собой отдельную группу укрепленных жилищ. Эти бурджи один за другим были взяты мединским войском после непродолжительной осады. Согласно другой версии предания, хейбарцы быстро пришли к соглашению с Мухаммедом. Они обязались предоставлять ему ежегодно половину урожая со своих возделанных полей и пальмовых рощ, за что он сохранил им жизнь и свободу, а также принадлежавшие им земли и жилища.

О разделе земель Хейбара между участниками похода не было и речи. Равным образом никто из членов мединской общины не выразил желания поселиться в Хейбаре и заниматься земледелием. Этот хорошо возделанный оазис рассматривался как добыча всех верующих, а поступающие с него натуральные доходы глава общины распределял так же, как распределялись закят и садака; при этом, конечно, не забывались ни жены, ни приближенные пророка.

Земледельцы оазиса Фадак (которых, по необоснованной традиции, тоже относят к числу аравийских «евреев»), не ожидая нападения, сами предложили Мухаммеду заключить с ними такое же соглашение, какое он заключил с хейбарцами. Натуральные поступления с Фадака стали личной собственностью Мухаммеда, так как считалось, что жители Фадака подчинились лично ему, а не были покорены «с помощью лошадей и верблюдов»³⁴.

Некоторые современные мусульманские историки полагают, что Мухаммед разработал вполне определенную концепцию «северной политики», которая выражалась в завоевательных планах в отношении Сирии и Палестины, и придерживался ее в своих практических действиях. Действительно, вскоре после неудачной осады Медины мекканцами мелкие военные экспедиции стали предприниматься из Медины в северном, сирийско-палестинском, направлении. Но нет основания считать, что это являлось осуществлением преднамеренного плана завоеваний вне пределов Аравийского полуострова.

³⁴ Ибн-Исхак, стр. 776—777.

Гораздо более важными следует признать военные предприятия, направленные против большого племени хавазин, кочевья которого раскинулись в районе Таифа. Для обеспечения успеха в предстоявшей решительной борьбе с Меккой важно было установить влияние мединской общины верующих в этом племени и использовать политическую ситуацию в Таифе. В племени сакиф, составлявшем население этого города, наблюдалась борьба двух группировок—бену малик и ахлаф. Первая из них твердо стояла на позиции экономического и политического сотрудничества с мекканцами. Ахлаф же были противниками мекканской ориентации, вследствие чего могли рассматриваться как потенциальные сторонники Медины³⁵. Стремление руководителей мединской общины подчинить своему влиянию и власти племени Северо-Западной Аравии, хавазин и Таиф можно рассматривать как проявление политики окружения Мекки. Таковую же цель преследовало оживление сношений с Йемамой, где находился ханифский пророк Мусейлима.

Через два года после Худейбии многие бывшие бедуинские союзники Мекки оказались в зависимости от мединской общины. С некоторых из этих племен представители общины взимали налог закят, а в случае столкновения с мекканцами эти племена должны были выступить как союзники мединцев.

В Коране этим новым союзникам предоставлена определенно подчиненная роль в развивавшихся тогда военно-политических событиях. «Сказали бедуины: „Мы уверовали!“ Скажи: „Вы не уверовали, но говорите: Мы покорились“, ибо еще не вошла вера в ваши сердца. А если вы будете повиноваться Аллаху и его посланнику, Аллах ни в чем не умалит ваших дел» (XLIX, 14). В данном стихе точно определяется различие между «верой» (иман) и «покорностью» или «подчинением» (ислам). Носителями первой из них были «муминун» - «верующие», члены мединской общины, а второй — «муслимун», т. е. покорившиеся или подчинившиеся, обязавшиеся повиноваться руководству мединской общины. В то время еще далеко не все «муслимун» обратились в новую религию; многие из них только подчинились руководству мединской «общины верующих».

³⁵ Н. Lammens, *La cite arabe de Taif a la veille de l'hegire*, ch. VIII, Beyrouth, 1922.

После Худейбии перевес сил все определенное оказывался на стороне мединской общины. Мекка же утрачивала свое влияние на хиджазские племена. При таком положении трезво мыслящие мекканские курейшиты стали переходить на сторону мединцев. Как сообщает историческое предание, на следующий год после Худейбии, когда мухаджиры и ансары совершили хадж в Мекку, в их общину тайно вступили некоторые видные мекканцы. В числе их упоминается Халид ибн ал-Валид, командовавший курейшитской конницей в сражении при Оходе, а впоследствии ставший одним из наиболее выдающихся военачальников в период арабских завоеваний. Вместе с ним в общину вступил Амр ибн ал-Ас, впоследствии тоже ставший знаменитым военачальником и политическим деятелем.

В то время правящая верхушка Мекки, правильно оценив создавшееся положение, пошла на окончательные переговоры и соглашение с руководством мединской общины. Абу Суфиан посетил Мухаммеда в Медине и заключил с ним соглашение (пока еще секретное) о сдаче Мекки при условии, что она останется религиозным центром новой религии. В ознаменование удачно завершённых переговоров Мухаммед взял в жены дочь Абу Суфиана. Этот брак, по обычаям того времени, являлся внешним выражением политического союза, заключенного двумя договорившимися сторонами.

Предпринятый в 630 г. поход мединских «муминун» и сопровождавших их бедуинских «муслимун» на Мекку и «завоевание» ими этого города были только демонстрацией вооруженных сил общины верующих, своего рода парадным шествием, которому никто не собирался оказывать сопротивления.

Как сообщается в «Сире», рано утром, когда мединское войско расположилось на ближайших подступах к Мекке, Абу Суфиан явился в палатку Мухаммеда, чтобы подтвердить условия ранее заключенного соглашения. Конечно, «Сира», написанная по заказу багдадского халифа, приписывает Аббасу, дяде Мухаммеда, необоснованно важную роль посредника и покровителя Абу Суфиана, с которым Омар и другие влиятельные мухаджиры будто бы хотели жестоко расправиться.

Показателен тот политический цинизм, который, согласно «Сире», проявлял предводитель мекканских ку-

рейшитов не только до, но и после окончательного соглашения с Мухаммедом под Меккой. Абу Суфиан охотно принял догмат о единстве Аллаха; ведь под таким именем был известен и до ислама бог племени курейшитов. Но к догмату о божественном посланничестве Мухаммеда, о его пророческой миссии этот многоопытный глава и представитель Мекки относился с явной иронией.

Сдача Мекки представителем господствовавшей в ней группы курейшитов вовсе не являлась безоговорочной капитуляцией этого города. По тщательно обдуманному соглашению с главой общины религиозное значение Мекки не только сохранялось, но и, как можно было надеяться, усиливалось и расширялось: она превращалась в религиозный центр быстро распространявшейся веры. Кааба становилась главным святилищем новой религии, а паломничество (хадж) к нему признавалось одной из основных обязанностей ее приверженцев. Все это сулило мекканцам новые и более высокие доходы от многочисленных посетителей их города. Идолы, стоявшие вокруг Каабы, были объявлены не имеющими значения и низвергнуты. Правда, некоторые европейские исследователи полагают, что их там не было; во всяком случае число идолов не равнялось числу дней целого года, как это утверждает малодостоверное предание. Но и после низвержения идолов предметом почитания и культа остался знаменитый фетиш — «черный камень».

Главным же и наиболее существенным пунктом соглашения следует признать включение мекканцев в общину верующих в качестве «муминун», т. е. равноправных с мухаджирами и ансарами членов этой организации. Как гласит мусульманское предание, Мухаммед стал оказывать этим неофитам явное предпочтение при разделе военной добычи. В ответ на недовольство своих меккских соратников Мухаммед объяснял такое предпочтение стремлением «привлечь их сердца» к новой вере.

Арабо-мусульманские феодальные историки явно упрощают и ускоряют ход событий, представляя дело так, что почти все аравийские племена обратились в ислам в течение одного «года делегаций». Согласно этому представлению, после «завоевания» Мекки делегации ближних и дальних племен со всех концов Аравии устре-

мились в Медину, чтобы заявить об обращении в ислам своих племен. Мухаммед направлял в эти племена своих уполномоченных, которым поручал разъяснять основы нового вероучения и собирать налог закят в казну общины верующих. Такое упрощенное представление не согласуется с конкретными историческими фактами, сообщаемыми теми же арабо-мусульманскими историками. Это представление было вызвано тем, что Мухаммед считался «пророком арабов». Поэтому все население Аравии (если не в действительности, то в воображении последующих поколений) должно было находиться под его властью.

После сдачи Мекки власть мекканской общины очень быстро распространилась на окрестные племена, затем на район Таифа и на самый этот город. Племя сакиф, населявшее Таиф, выступило совместно с племенем хавазин и расположилось в долине Хунейн. Чтобы поднять невысокий дух своего войска, ране племени хавазин приказал поместить жен, детей и домашний скот своих воинов позади рядов сражающихся. Среди них было немало противников сопротивления Мухаммеду. Его сторонниками оказались таифские ахлаф, которые обратились в бегство в самом начале сражения. Бену малик тоже скоро отступили, чтобы укрыться за стенами своего города. Женщины, дети и скот стали добычей победителей.

В сражении в долине Хунейн против сакиф и хавазин выступило, по преданию, около 20 тыс. бедуинов, подчинившихся руководству меккано-мединской общины. Это сражение считается первым крупным выступлением бедуинов на стороне общины. Вскоре после сражения был взят Таиф, выдержавший непродолжительную осаду; святилище местной богини ал-Лат было разрушено.

После этого на севере было совершено несколько мелких походов. По преданию, Мухаммед заключал соглашения с жителями населенных пунктов. Условия этих соглашений совпадают с обязательствами, которые брало на себя население в завоеванных арабами странах в правление «справедных» халифов. Вполне возможно, что подобные соглашения являются более поздним измышлением, чтобы оправдать авторитетом пророка податную политику, проводившуюся при первых халифах.

По сведениям Белазури, Мухаммед в последние два года своей жизни заключил соглашения с жителями Табука, Айлы, Макны, Азруха и ал-Джербы. Жители этих населенных пунктов обязались платить поголовную подать. Жители Макны, которые были «евреями», получили от Мухаммеда грамоту, в которой, между прочим, говорилось, что ему принадлежат наряды, рабы, лошади и кольчуги жителей, за исключением того, что он оставит им во владение. «Кроме того, — как было написано в грамоте, — вы должны выдавать четверть урожая ваших пальм, четверть вашего рыбного улова и четверть того, что выпрядут ваши женщины»³⁶. Подлинность этой грамоты, которая не сохранилась даже в копии, более чем сомнительна.

Так в Аравии возник ислам, новая идеология, отразившая существенные изменения в арабском обществе, а именно: имущественное неравенство, рабство и развитие обмена. Появление новой идеологии было вызвано образованием рабовладельческого уклада в разлагавшемся первобытнообщинном строе.

Одновременно с появлением новой идеологии возникла новая организация в виде «общины верующих», принципиально отличавшаяся от родовых организаций. Эта община стала организационной основой арабского государства. Она являлась ясным подтверждением того положения, что «первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей...»³⁷. Главная цель образовавшегося арабского государства заключалась в том, чтобы обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое подчинение трудящегося большинства состоятельному меньшинству³⁸.

³⁶ Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам, т. II, — «Православный Палестинский сборник», т. XVI, вып. 2, СПб., 1897—1903, стр. 40—41.

³⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 111.

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 36, стр. 9.

ОБРАЗОВАНИЕ ХАЛИФАТА

Обширное государство, ставшее известным в Европе под названием «Халифат», образовалось в VII в. и значительно расширилось в VIII в. в ходе арабских завоеваний, когда арабы подчинили своему господству народы цивилизованных стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки.

Источники. Основными источниками сведений по изучаемому нами периоду являются труды ат-Табари (ум. в 923 г.) и Белазури (ум. в 892 г.). Первый из них в своем сочинении «История пророков и царей»¹ изложил «всеобщую историю», как ее понимали представители арабо-мусульманской историографии. Они начинали ее от «сотворения мира» и излагали мифы, связанные в арабо-мусульманских преданиях с именами библейских патриархов и пророков. Затем они приводили легендарные и исторические сведения о царях древнего Ирана и о сасанидских шахиншахах, почерпнутые из иранских источников. После всего этого они переходили к истории арабов и возникновению ислама. Как уже говорилось выше, изложение событий, связанных с деятельностью Мухаммеда, засорено многими мифами и сказочными повествованиями о чудесах. Лишь в событиях, происшедших после смерти Мухаммеда, изложение становится свободно от суеверного представления о постоянном вмешательстве сверхъестественных сил в людские дела. Начиная с года хиджры «всеобщая история» ат-Табари приобретает форму летописи, где военные и политические события располагаются по годам мусульманской эры. Стре-

¹ «Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje», Lugduni Batavorum, 1879—1901.

мясь собрать как можно больше сведений, он, не стесняясь, включил в свое произведение несовместимые и часто взаимоисключающие друг друга сообщения об одном и том же событии. В таких случаях он предоставлял Аллаху разбираться, какое сообщение является подлинным, отделяваясь сакраментальной фразой: «Аллах знает лучше всех». Ат-Табари точно указывает источники своих сведений, приводя иснады, т. е. перечисление имен людей, передавших сообщение о том или ином событии, иногда на протяжении нескольких поколений, начиная со свидетельства участника или современника события.

Помимо собранных им самим материалов ат-Табари добросовестно использовал своды исторических преданий, составленные более ранними компиляторами (Абу Михпафом и др.). По обилию материалов труд ат-Табари занимает первое место среди источников по истории Халифата VII—IX вв. К сожалению, это сырые материалы, собиратели которых не имели намерения подвергать их критике или хотя бы обобщению. Многотомное произведение ат-Табари служило основным источником для европейских историков-арабистов XIX в. Своего исключительного важного значения оно не утратило и в наше время.

Белазури — старший современник ат-Табари, в отличие от него не простой компилятор, а историк, критически подходящий к собираемым им материалам и делающий из них выводы. Для нас особенно важно, что в своем труде «Футух ал-булдан» («Завоевания стран»)², специально посвященном истории арабских завоеваний, Белазури собрал не только факты военно-политической истории, но и обратил серьезное внимание на очень ценные материалы, дающие представление об экономическом и социальном состоянии завоеванных арабами стран.

Помимо трудов этих двух наиболее выдающихся представителей арабоязычной мусульманской историографии раннего средневековья заслуживают внимания исторические компиляции двух современников ат-Табари

²liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahia ibn Djabir ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavoruin, 1866 (далее — Белазури).

ри, написанные тоже в форме мусульманских «всеобщих историй». Это «Китаб ал-ахбар ат-тывал» («Книга длинных известий») Абу Ханифы ад-Динавери (ум. в 895 г.) и «История» ал-Иакубн (ум. в 897 г.)³. В этих произведениях встречаются упоминания о таких событиях и явлениях, которые отсутствуют в более обширных исторических трудах.

Замечательными источниками являются также произведения ал-Масуди, выдающегося историка, географа и путешественника (ум. в 956 г.). В его дошедших до нас сочинениях «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джавахир» («Промывальни золота и рудники самоцветов»⁴) и «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга предупреждения и пересмотра») собрано много разносторонних сведений о культуре, быте и верованиях различных народов Халифата и стран, находившихся в экономических и политических отношениях с этим государством.

Все эти исторические произведения относятся к разряду нарративных (повествовательных) источников. Европейские востоковеды не раз отмечали, что обилие материалов в источниках этого типа не возмещает почти полного отсутствия исторических документов. Счастливое исключение из всех арабских стран представляет Египет, в котором сохранились официальные и деловые документы, относящиеся к изучаемому нами периоду, в виде значительного количества папирусов. Правда, большинство до сих пор обнаруженных документов на папиресе происходит из Верхнего Египта, очень мало из них относится к Дельте и нет ни одного, происходящего из Александрии.

Средневековые исторические сочинения, написанные хронистами в завоеванных и сопредельных странах, могут быть привлечены в дополнение к произведениям арабских историков, хотя они и значительно уступают этим последним по количеству и ценности исторических сведений. Прежде всего достойны внимания хроники на греческом, сирийском и армянском языках.

Литература. Специальной работой, посвященной исто-

³ Abo Hanifa ad-Dinaweri, Kitab al ahbar el-tiwal, publie par V. Guirgass, Leide, 1888; Ibn Wadhuh qui dicitur al-Ja'qubf, Historiae, ed. M. Th. Houtsma, pars 1—2, Lugduni Batavorum, 1883.

⁴ Заглавие этого сочинения ранее неправильно переводилось как «Золотые луга».

пии арабских завоеваний и образования Халифата, является весьма содержательная монография Денетта⁵, в которой тщательно использованы арабоязычные источники. Немного монографий, каждая из которых посвящена завоеванию той или другой арабской страны. Одной из наиболее обстоятельных по заключающимся в ней фактическим материалам является книга Батлера о завоевании Египта⁶.

Проблеме арабских завоеваний и образования Халифата уделяли много внимания авторы трудов по истории арабов и ислама. Внешняя, военно-политическая история периода правления четырех «праведных» халифов изложена в книгах Густава Вейля «История халифов»⁷, Уильяма Мюира «Халифат, его возникновение, упадок и падение»⁸, Августа Мюллера «Ислам на Востоке и Западе»⁹ (русский перевод «История ислама», СПб., 1895), Клемена Юара «История арабов»¹⁰, Филиппа Хитти «История арабов»¹¹.

Большим сводом фактических материалов, взятых из произведений арабоязычных историков, являются «Летописи ислама» (*Annali dell'islam*) Леоне Каэтани в десяти томах, в которых охватывается период с 622 до 661 г. Сведения, взятые из арабоязычных источников и представленные в переводе на итальянский язык, автор этого обширного труда сопоставляет между собой и критически анализирует. Он привлекает также труды европейских востоковедов, своих предшественников, занимавшихся исследованием истории начального ислама и периода четырех «праведных» халифов. Эти произведения он подвергает строгой критике и признает достойными внимания только очень немногие. На социально-экономические явления Л. Каэтани, как историк-идеалист, особого внимания не обращает.

⁵ D. C. Dennett, *Conversion and the poll tax in early islam*, Cambridge (Mass.), 1950.

⁶ A. Butler, *The arab conquest of Egypt and the last thirty years of the roman dominion*, Oxford, 1902.

⁷ G. Weil, *Geschichte der Chalifen*, Bd I—V, Stuttgart, 1846—1862.

⁸ W. Muir, *The caliphate' its rise' decline and fall*, Edinburgh,

⁹ A. Müller, *Der Islam im Moreen und Abendland*, Bd I—II Berlin, 1887.

Cl. Huart, *Histoire des Arabes*, t. I—II, Paris, 1912—1913.

Ph. Hitti, *History of the Arabs*, 5th ed., London, 1953.

Другим крупным сводом материалов, извлеченных из арабоязычных источников и данных в переводе на русский язык, является выдающийся труд Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам». Своду материалов, содержащихся в сочинениях арабоязычных историков и географов, предшествует весьма обстоятельное исследование, включающее критический обзор источников и сопоставление имеющихся в них сведений об отдельных исторических событиях. В этом объемистом труде содержатся исчерпывающие извлечения из всех произведений средневековой арабоязычной исторической и географической литературы, изданных в Европе и на Востоке к концу XIX в. В частности, Н. А. Медников собрал сведения, даваемые средневековыми авторами по истории Сирии, Ливана, Палестины и отчасти Египта в период арабских завоеваний и образования Халифата.

Не утратила своего познавательного значения для наших читателей научно-популярная работа В. В. Бартольда «Мусульманский мир» (Пг., 1922). В этой работе приведены конкретные данные о средневековой арабоязычной историографии и основных трудах западноевропейских историков-ориенталистов. Автор стоит на традиционных позициях европейского буржуазного востоковедения.

Ар-рида. Мухаммед умер в Медине в 632 г., в месяце раби ал-авваль¹² (число неизвестно). Получив известие о смерти пророка, один из кланов мединских ансаров собрался в сакифе бену сайда и проявил готовность принести присягу верности своему предводителю. Можно полагать, что этот клан наиболее активно выражал недовольство ансаров благожелательной политикой Мухаммеда по отношению к новообращенным мекканским курейшитам.

На этом собрании ансаров было выставлено требование о предоставлении им равных прав и одинаковой власти с курейшитами. Они настаивали на том, чтобы во главе общины стояли два эмира — один от ансаров, другой от курейшитов. Мухаджиры, желая оставить ансаров в их подчиненном положении, не соглашались на большую уступку, чем предоставить ансарам

¹²Раби ал-авваль 11 года = 27 мая — 25 июня 632 г.

избрать из своей среды везира, т. е. помощника, который будет состоять при эмире, избранном руководителями общины. Но когда среди ансаров проявилось старое межклановое соперничество, мухаджиры тотчас же отказались сделать и эту уступку.

Главой общины был провозглашен Абу Бекр, ближайший соратник Мухаммеда. Он принял титул «халифа», что значит «преемник», «заместитель». Положение в Аравии было очень смутным и тревожным. В ряде районов выступили локальные пророки и одна пророчица. Это были выразители сепаратизма отдельных племен, не желавших признавать верховенство Медины.

Последующие мусульманские писатели присвоили этому движению племен название «ар-рида», придав самому слову специфическое значение — «отпадение» от ислама, «вероотступничество». На самом деле обращенные в ислам племена составляли меньшинство среди них; другие племена признавали политическую власть или находились под влиянием мединской общины, но продолжали придерживаться своих старых верований (многобожие, ханифизм или христианство) и отправлять соответствующие им религиозные культы. В некоторых племенах образовались группировки, склонные подчиниться влиянию Медины и принять ислам. Но были и такие племена, которые, не испытав влияния мединской общины, не имели представления об исламе.

Л. Каэтани разделяет племена Аравии в смысле их отношения к общине верующих на четыре категории. Первую категорию составляли племена, находившиеся в прямом подчинении руководству медино-мекканской общины верующих и обращенные в ислам. Это были племена, жившие в районах Медины и Мекки и на территории между этими городами, — джухейна, музейна, бали, асджа, аслам, хузейл, хуза и другие более мелкие. В состав второй категории входили племена Центральной Аравии — хавазин, амир ибн-сасаа, тай, сулейм. Эти племена находились под сильным политическим влиянием общины верующих, но в них проявляли активность значительные группировки, противившиеся подчинению Медине. К третьей категории следует отнести племена, в которых влияние общины верующих еще только устанавливалось; мусульмане (муслимун) составляли в них незначительное меньшинство. Это были асад, га-

тафап и тамим. Четвертую категорию составляли племена, сохранявшие свою политическую и идеологическую независимость. Это были ханифа в ал-Йемаме, абд ал-кайс, азд и большинство племен в Йемене и Хадрамауте. Кроме того, не подвергались никакому влиянию общины верующих арабские племена, в которых широкое распространение получило христианство. Это были келб, кудаа, бахра, гассан, бекр ибн-ваил, таиух, таглиб, а также некоторые политеистические племена в Махре, Хадрамауте и Йемене; в последней из этих стран наблюдалось значительное влияние иудейства.

Выразителями не только политической, но и идеологической независимости отдельных племен выступали местные пророки. Некоторые из них начали свою деятельность еще при жизни Мухаммеда. Самое упорное противодействие политике, проводившейся руководством общины верующих, было оказано в ал-Йемаме, где развернул свою проповедническую и организаторскую деятельность местный вероучитель Мусейлима. Как мы видели, он был наиболее последовательным поборником арабийского единобожия — хаиифизма. Даже мусульманское предание не могло скрыть его влияния на Мухаммеда в мекканский период. Во время своего пребывания в Медине Мухаммед поддерживал с ним дружественные отношения, как с одним из своих единомышленников. Мусейлима оказал существенную помощь Мухаммеду, когда мединское войско готовилось к походу на Мекку. Используя свой религиозный авторитет, он задержал в ал-Йемаме караван, который должен был доставить большой груз пшеницы в Мекку. Но, будучи идеологическим союзником Медины, он выступил решительным противником подчинения ал-Йемамы руководству мединской общины верующих.

Союзницей Мусейлимы выступила Саджах, претендовавшая на положение пророчицы и прорицательницы. Правда, о содержании ее проповедей ничего достоверного не известно. По отцу она принадлежала к племени тамим, а ее мать была из племени таглиб. Возможно, она была христианкой. Во всяком случае она была знакома с христианским вероучением, широко распространенным в этих племенах. Прибыв с вооруженным отрядом из Месопотамии, Саджах вмешалась в междоусобную борьбу неждийских племен, и ее приверженцы по-

терпели двукратное военное поражение. После этих неудач она пыталась вступить в военный союз с Мусейлимой. Последующее мусульманское предание, в котором образ этого йемамского вероучителя подвергнут грубому искажению, представило этот союз в скабрешном виде.

Противником политики руководителей мединской общины в Йемене выступил еще при жизни Мухаммеда местный деятель Айхала, или Абхала, известный под прозвищем ал-Асвад (что значит «черный»); его называли также Зу-л-химар — «человек под покрывалом». Он был представителем местного ханифизма, и его иногда называли «йеменским рахманом», подобно тому как Мусейлиму называли «йемамским рахманом». Он возглавил восстание против иранского господства в Йемене. Повстанцы быстро взяли Неджран, затем Сану. Находившиеся в этой стране агенты мединской общины бежали частью в Медину, частью в Хадрамаут. Вскоре после этого ал-Асвад был убит (возможно, сторонниками иранского господства).

В племени асад, в Центральной Аравии, в качестве военачальника и предсказателя выступал некто Тулейха. Он, видимо, не претендовал на выполнение пророческих функций. Свою военно-политическую деятельность, направленную против медино-мекканской общины, он начал еще при жизни Мухаммеда. После его смерти он получил поддержку племени фазара и части племени тай. Войско Халида ибн ал-Валида, нанеся поражение приверженцам Тулейхи, учинило над ними жестокую расправу. Многие приверженцы Тулейхи, отказавшиеся принять ислам, были заживо сожжены. Самому Тулейхе удалось спастись бегством. Вскоре он принял ислам и активно участвовал в арабских завоевательных походах.

Таким образом, «ар-ридда» вовсе не являлась религиозным «отступничеством», так как большинство населения Аравии при жизни Мухаммеда не только не было обращено в новую религию, но и не признавало политической власти мединской общины верующих. «Ар-ридда» представляла собой подчинение аравийских племен власти медино-мекканской общины, а затем использование их в завоевательных войнах. Подчинение, или «объединение», всех племен Аравии было завершено в правление второго «праведного» халифа — Омара ибн ал-Хаттаба (634—644).

Арабские завоевания. Еще до окончательного подчинения Аравии вооруженные силы медино-мекканской общины и примкнувшие к ним бедуинские племена начали вторжение в соседние цивилизованные страны. Арабские завоевания, в результате которых в VII и VIII вв. было установлено арабское господство на обширных территориях в Азии, Африке и Европе, совершались в несколько этапов. Первый этап проходил в правление первых трех «праведных» халифов — Абу Бекра (632—634), Омара (634—644) и Османа (644—656).

Осенью 633 г. (или весной 634 г.) три арабских отряда (по 7500 воинов в каждом) вторглись через Сирийскую пустыню (Бадийат аш-шам) в Палестину и Сирию. По мере дальнейшего подчинения аравийских племен мединскому халифу эти отряды получали свежие подкрепления. Первые столкновения с византийскими вооруженными силами произошли в Вади-л-Арабе, к югу от Мертвого моря, и в районе Газзы. Слабые византийские гарнизоны, расположенные в некоторых населенных пунктах, и спешно набранные ополчения из местных жителей не могли оказать арабам действенного сопротивления. Уже летом 634 г. арабы взяли Буеру и нанесли поражения византийским войскам при Аджнадине (или Аджнадейне) и при Фихле. Жители палестинских и сирийских укрепленных населенных пунктов очень неохотно принимали участие в их обороне против арабских отрядов, не обладавших ни осадной, ни штурмовой техникой. Они предпочитали вступать в переговоры с арабскими военачальниками и сдавали арабам укрепленные пункты «с условием сохранить свою жизнь, свое имущество и своих детей и с условием уплачивать поголовную подать»¹³. Византийские войска по своей боеспособности явно уступали арабам, неизменно терпели поражения в сражениях с ними, после чего укрывались за стенами больших городов. Исключением можно было бы признать стойкость византийского войска в сражении при Марджас-Суффаре в феврале 635 г., если бы подробности этого сражения не являлись очевидным порождением фантазии. По сообщению ал-Белазури, византийцы «вступили

¹³ Цит. по: Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам, т. II, — «Православный Палестинский сборник», т. XVI, вып. 2, СПб., 1897—1903, стр. 47.

в такой ожесточенный бой, что кровь потекла в воду и мельница была приведена кровью в движение»¹⁴.

Вторжение арабов в Южный Ирак, в пограничную область Хиры, началось еще до войны в ал-Йемаме и имело характер набегов. После подавления сопротивления йемамских ханифов Халид ибн ал-Валид, под командованием которого осталось около 500 мединцев и мекканцев, привлек на свою сторону племя бекр ибн ваил и с его помощью взял Хиру.

Бекр ибн ваил было многочисленным и могущественным племенем, кочевья которого простирались в Центральной Аравии от ал-Йемамы до северо-западного побережья Персидского залива. Значительную часть этого племени составляли христиане несторианского вероисповедания. Следовательно, мусульманское вероучение не могло служить для них побудительной причиной завоевательного похода. Но это племя имело длительный опыт стремительных вторжений в Южный Ирак, куда его подвижные отряды еще до возникновения ислама предпринимали набеги в поисках добычи. В 610 г. такие отряды оказались в состоянии нанести поражение иранскому войску в сражении при Зу-Каре.

В марте 634 г. Халид во главе конного отряда из 500-800 всадников по приказу из Медины был переброшен под Дамаск, совершив переход через пустыню. Арабские отряды заняли Гуту, район садов под Дамаском, и беспомощно стали под его стенами, не имея ни технических средств, ни опыта брать укрепленные города. После шестимесячной осады комендант и местный епископ под давлением городских низов в сентябре 635 г. сдали Дамаск арабам. В лагере осаждавших не нашлось ни одной лестницы, чтобы взобраться на городскую стену, так как крепостные ворота были завалены с внутренней стороны камнями и бревнами. Победителям пришлось позаимствовать лестницу в одном из монастырей Гуты.

Поняв, что вторжение арабов обернулось крупным завоеванием, византийское военное командование во главе с императором Ираклием сосредоточило большую армию в Северной Сирии. Помимо греков (румов) в ее состав вошли отряды сирийцев, жителей ал-Джезиры и Армении. Численность византийских войск, по несомнен-

¹⁴ Там же, стр. 54.

но преувеличенным подсчетам арабских историков, достигала 200 тыс. Общая же численность бойцов в арабских отрядах, по явно преуменьшенным сведениям тех же историков, не превышала 24 тыс. При приближении византийцев арабы, оставив Дамаск и другие города, отошли к р. Иармук (Ярмук), восточному притоку Иордана. Здесь 20 августа 636 г. произошло генеральное сражение, в котором византийцы потерпели сокрушительное поражение, потеряв 70 тыс. убитыми. На боеспособности византийских войск отрицательно сказался разлад между греческими и армянскими частями, которые еще накануне сражения вступили в вооруженную драку между собой. Сирийские же арабы под командованием гассанидского царя (малика) Джебела ибн ал-Айхама во время сражения перешли на сторону арабов¹⁵.

После разгрома византийцев на Йармуке арабские завоеватели стали полными господами в Сирии. По преданию, император Ираклий, навсегда покидая эту страну, воскликнул в пограничном ущелье: «Прощай, Сирия! Какая это прекрасная страна для нашего врага!»

Арабы снова заняли Дамаск, а затем подчинили Северную Сирию. В 638 г., после двухлетней осады, им сдался Иерусалим, а в 640 г., после семилетней осады, — Кайсария (Цезария). Такая продолжительная осада объяснялась не столько военно-техническим убожеством арабов, сколько постоянной помощью, получаемой гарнизоном этого портового города из Византии по морю. Никакими средствами борьбы с византийским морским флотом арабы в то время еще не располагали.

В Ираке после взятия Хиры арабы потерпели несколько поражений в битвах с сасанидскими войсками и были вынуждены уйти из этого города и его области. Потрясающее впечатление производили на бедуинов иранские боевые слоны, являвшиеся для них невиданными страшными животными. Но с конца 635 г. победителями стали арабы, которые нанесли поражение иранским войскам при Бувейбе, на Евфрате, вновь взяли Хиру, а затем 31 мая или 1 июня 637 г. одержали победу над большим иранским войском в битве при Кадисии. Через две-три недели после этого крупного сражения они

¹⁵ Н. Lammens, *La Syrie. Precis historique*, t. I, Beyrouth, 1921, p. 56.

вступили в столицу Сасапидов Ктесифон, который у арабов был известен под названием Мадаии. Его жители открыли арабам городские ворота, после того как шахиншах Йездигерд III и его придворные бежали.

Перемирие, заключенное арабскими военачальниками с иранским военным командованием, вскоре, как утверждали арабы, было им нарушено. Тогда арабское войско, продвинувшись на север, в 641 г. взяло Мосул и нанесло иранцам поражение в большом сражении при Нехавенде, под Хамаданом. В 644—645 гг. арабские отряды проникли через Белуджистан к границам Индии, в 649 г. взяли Истахр (древний Персеполь). Год смерти Йездигерда III, который был убит под Мервом в 651 г., считается конечной датой завоевания Ирака арабами. В этом году они дошли до Аму-Дарьи.

Еще ранее, после завоевания Сирии, арабы в 640 г. вторглись в Армению и взяли ее столицу г. Двин; в 654 г. они дошли до Тбилиси.

К завоеваниям в Африке арабы приступили после того, когда определились успехи арабского оружия в Сирии. Первое вторжение в Египет небольшой арабский отряд под командованием Амра ибн ал-Аса совершил в декабре 639 г. Старая версия, согласно которой этот военачальник самовольно предпринял поход в долину Нила, будучи недоволен своим подчиненным положением в сирийском войске, должна быть отброшена как совершенно несостоятельная. На самом деле этот поход был вызван неотложной необходимостью доставлять в Хиджаз зерно и другие виды продовольствия из плодородного Египта. Потребительские запросы Мекки сильно возросли после объединения Аравии, когда стало быстро увеличиваться число мусульманских паломников. Наблюдался также рост населения Медины, ставшей столицей арабских халифов.

В январе 640 г. отряд Амра взял Фараму (Пелусий), после чего вышел к Нилу и, форсировав его, совершил набег на Файюм. В июне, когда прибыло подкрепление, арабы нанесли поражение под Гелиополем византийцам. Затем, в сентябре 640 г., они осадили Вавилон; эта крепость сдалась им в апреле 641 г. После этого арабы, двинувшись вниз по Нилу, приступили к осаде Александрии. В ноябре 641 г. местный патриарх Кир (ал-Мукавкис) заключил с Амром соглашение о сдаче этой непри-

ступной для арабов крепости. По соглашению египетская Столица переходила в руки арабов после 11-месячного перемирия, которое было необходимо для эвакуации знатных и богатых греков, живших в этом городе. В сентябре 642 г., по завершении эвакуации, арабское войско вступило в Александрию. К этому времени арабские отряды уже проникли в Верхний Египет. В 645 г. византийский флот ворвался в гавань Александрии и высадил десант, вытеснивший арабов из города. Арабы вторично осадили его и летом 646 г. взяли штурмом.

Из Египта арабские отряды предприняли набеги на соседнюю с ним Ливию. Не встретив сопротивления местных берберских племен и нанеся поражение византийским гарнизонам, они осенью 642 г. взяли г. Барку и подчинили область Кирепанку. Из этой области они проникли на юг до Феззана и на запад до г. Триполи, который взяли в 643 г. В 647 г. арабское войско под командованием Абдаллаха ибн Сада, наместника Египта, вторглось в Ифрикию (современный Тунис) и разбило византийцев под крепостью Сбейтлой.

Таким образом, арабы в течение двух десятилетий завоевали обширные территории, входившие в состав Византийской империи в Азии и Африке, и покорили все Иранское царство, положив конец самостоятельному политическому существованию этой недавно могущественной державы. Выяснением причин относительной быстроты и легкости арабских завоеваний занимались европейские историки, разрабатывавшие историю арабских стран или попутно касавшиеся ее событий в своих трудах.

Основными причинами военных успехов, одержанных арабами, следует признать экономическое истощение Византии и сасанидского Ирана, а главное, резкое обострение социальных противоречий в этих государствах. В условиях усилившегося гнета и эксплуатации трудящегося населения стран и областей, в которых появились арабы-завоеватели, склонно было смотреть на них как на избавителей от тяжелого ига своих правителей. К тому же арабы предлагали гораздо более сносные условия существования в случае подчинения их господству. Вследствие этого большинство населения завоевываемых арабами стран не только не оказывало им сопротивления, но подчас выступало их союзниками.

Сокращение материальных ресурсов породило воен-

ную слабость Византии и сасанидского Ирана, выражавшуюся в малочисленности и низкой боеспособности их вооруженных сил, запущенности многих оборонительных сооружений.

Старое объяснение военных успехов арабов пресловутым религиозным фанатизмом, якобы обуревавшим завоевателей, теперь окончательно отброшено как совершенно несостоятельное. Известно, что бедуины, представлявшие основную часть арабского войска, не знали и не могли знать нового вероучения. Ведь составление Корана, первого произведения мусульманской религиозной литературы, началось в середине VII в., когда завершался первый этап арабских завоеваний.

Управление завоеванными территориями. В завоеванных ими странах арабы обнаружили такие социально-экономические отношения и такие формы собственности, которые не были еще известны в Аравии и являлись непонятными для завоевателей. Там, где господствовали раннефеодальные отношения, арабы не проявляли интереса к земле как средству производства. Все возделанные земли, оказавшиеся под их господством, они рассматривали как собственность мусульманской общины верующих. Завоеватели были заняты захватом добычи (в том числе пленных и заложников, которых они обращали в рабство) и взиманием дани и контрибуций. Поэтому они не могли и не стали вмешиваться в общественное производство покоренного населения, не пытались изменить существовавший строй. Земли остались во владении местных феодалов, духовенства и других землевладельцев. К тому же прежние эксплуататоры сохранили все свои права и привилегии по отношению к крестьянам, обрабатывавшим эти земли. Землевладельцы обязывались лишь вносить поземельную подать в казну мусульманской общины. Земельные владения византийского императора и столичной греческой знати, сасанидского шахиншаха и иранского царского рода, а также земли феодалов, павших в сражениях или бежавших из своих владений, становились собственностью мусульманской общины и поступали в непосредственное ведение бейт ал-мал. Сидевшие на них крестьяне обязывались вносить подать непосредственно в казну.

Находясь на более низком уровне общественного развития сравнительно с покоренными цивилизованными

народами, арабы не могли сразу овладеть сложным аппаратом управления и эксплуатации. Да они и не видели надобности в этом, вполне удовлетворяя свои интересы посредством захвата добычи и сбора дани с покоренного населения. Завоеватели оставили нетронутыми как социально-экономические отношения, так и административно-фискальный аппарат в завоеванных странах и заняли положение верхнего господствующего слоя, ставшего над местным феодальным обществом.

Халифат, т. е. обширные территории, завоеванные арабами в Азии и Африке, в правление первых четырех «праведных» халифов представлял собой конгломерат областей с различными системами землевладения и эксплуатации покоренного населения. В Севаде (Южном Ираке) после покорения его арабами под их властью оказались четыре категории земель. Первую категорию составляли владения местных феодалов-дехкан. С трудящегося населения своих поместий и деревень дехкане получали ренту и взимали государственные налоги; кроме того, они выполняли некоторые административные и судебные функции. Завоеватели оставили эти земли во владении дехкан и сохранили их права и привилегии. Все осталось по-прежнему. Единственное различие состояло в том, что отныне подати поступали не в сасанидскую казну, а в мусульманский бейт ал-мал. Арабы задались целью получать с Севада ту же сумму податей, какую население этой области платило Сасанидам. Для определения этой суммы были использованы старые сасапидские кадастры, причем местные дехкане оказали им активное содействие.

Вторую категорию земель составляли владения шахиншаха (царский домен), его родственников и придворной знати, а также поместья дехкан, убитых в сражениях или покинувших свои владения. Эти земли (савафи), оставшиеся бесхозными, поступили в распоряжение халифа как главы мусульманской общины. Земледельцы, обрабатывавшие эти земли, были обязаны платить налоги непосредственно в бейт ал-мал.

Третью категорию составляли земли, непригодные для обработки (например, болота и солончаки) или не обрабатывавшиеся вследствие неисправности оросительных сооружений. При последних Сасанидах, в условиях непрерывных византийских нашествий и дворцовых пе-

реворотов, правительство ослабило заботы о воспроизводстве. Вследствие этого происходили прорывы плотин и разрушение дамб, приводившие к заболачиванию целых земледельческих районов. Такие необрабатываемые земли в мусульманском праве стали называться «мертвыми землями». Землевладельцы и правительство стремились «оживить» их, т. е. восстановить или вновь создать оросительные сооружения, после чего эти земли становились пригодными для обработки.

Четвертую категорию составляли земли, принадлежавшие городскому населению. Примером могут служить земли вокруг Хиры, Уллаиса и многих других иракских городов. Их жители договорились с арабами об уплате им определенной ежегодной подати. За это завоеватели гарантировали им неприкосновенность жизни и имущества. Жители таких городов сохранили право распоряжения своей собственностью: принадлежавшие им земли они могли свободно продавать, закладывать или завещать.

Земледельческое и городское население, подпавшее под власть завоевателей, платило подушную и поземельную подати — джизью и харадж. Эти термины, непосредственно позаимствованные из иранской фискальной терминологии, в первом столетии существования Халифата чаще всего употреблялись как синонимы, имея значение просто «подать», хотя уже в то время каждое из этих слов иногда приобретало свой особый смысл.

Следует иметь в виду, что непосредственно после арабского завоевания в Севаде наблюдалась полная неразбериха в податном обложении населения. На практике отсутствовала единая система податей и их взимания. Это вызывалось не только неумением арабов разобраться в сасанидской налоговой системе и наличием особых соглашений с городами и сельскими местностями, но и ловкими действиями иранских депиров и дехкан, охотно взявших на себя фискальные функции. Соблюдая свои интересы, они иногда утаивали от арабов существенные объекты податного обложения. Например, арабский военачальник Мугира в 22 г. хиджры (642/43 г. н. э.) обнаружил, что помимо площадей, засеянных пшеницей и ячменем, с которых поступали подати, имеется много земель под другими сельскохозяйственными культурами, с которых никаких налогов не взима-

лось. Только после такого «открытия», более чем через десять лет после завоевания Севада, в бейт ал-мал стали поступать подати с этих земель.

В Сирии (в состав которой тогда включали также Палестину и Ливан) арабы-завоеватели проводили ту же податную политику. Арабские военачальники охотно заключали соглашения с подчинявшимся им населением, от лица которого обычно выступало местное христианское духовенство. Основным пунктом каждого такого договора являлось обязательство покорившегося населения исправно вносить подати деньгами и натурой. При соблюдении этого условия арабы обязывались перед местными жителями сохранять их жизнь и свободу (т. е. не обращать их в рабство), не превращать их имущество в добычу своих воинов, не разрушать их зданий религиозного культа и не превращать их в мечети, не препятствовать совершению богослужения и отправлению религиозных обрядов. Податное население завоеванных арабами районов Сирии рассматривалось как находящееся под покровительством завоевателей. Поэтому, как рассказывают, арабы, вынужденные отступить из Дамаска и Химса при приближении армии Ираклия, вернули жителям этих городов и их окрестностей недавно полученные с них подати. Такой невиданный и невероятный, по понятиям сирийцев, поступок арабы простодушно объясняли тем, что они лишены возможности защищать людей, уплативших им подати.

Земельные владения византийского императора и столичной знати, а также земли, покинутые своими владельцами, составили земельный фонд, поступивший в распоряжение арабских властей.

В средневековой арабской историографии и правоведении образование Халифата, т. е. превращение завоеванных территорий в якобы централизованное государство, приписывается «праведному» халифу Омару. Он представлен в образе выдающегося государственного деятеля, обладавшего исключительной политической мудростью, непреклонной волей и неистощимой энергией. Но особенно привлекательными чертами в характере этого правителя, ставшего предметом идеализации многих последующих поколений мусульман, были его скромность, мудрость, отвращение к роскоши, пренебрежение комфортом, соединенные с высоким сознанием

долга и бескорыстным служением интересам ислама и мусульман. Даже в нашем столетии восточные историки и публицисты, придерживающиеся традиционных мусульманских взглядов и понятий, представляют этого халифа как «демократического правителя», достойного быть образцом для подражания во всех странах распространения ислама.

На самом деле халиф Омар выступает на исторической сцене как последовательный выразитель интересов верхнего, руководящего слоя медино-мекканской общины верующих. Интересы «сподвижников» Мухаммеда — мухаджиров и ансаров — совпадали со стремлениями господствующей верхушки бедуинских племен, подчиненных руководству мусульманской общины и составлявших основную массу завоевателей.

Конечно, нет никаких оснований предполагать, что первые халифы и подчинявшиеся им арабские военачальники руководствовались какими-либо заранее разработанными стратегическими планами завоеваний. Их военные успехи иногда представлялись им такими же неожиданными, как и покоренным народам. Инициатива заключения соглашений с завоевателями и их условия в большинстве случаев принадлежали представителям населения стран, подвергшихся нашествию арабов. Например, «жители Фихля засели в укреплениях; мусульмане осадили их; тогда они просили амана (пощады), предлагая платить поголовную подать и харадж со своей земли. И мусульмане даровали им аман с условием не трогать ни их самих, ни имущества их и не разрушать стен их»¹⁶. Когда арабское войско под командованием Абу Убейды проходило мимо Баальбека, жители этого города «просили пощады и мира». Арабский военачальник «заключил с ними мир с условием пощадить их жизнь, их имущество и их церкви»¹⁷. Когда войско того же военачальника подошло к Химсу, «химские жители заключили с ним мир с условием, что им оставят их жизнь, имущество, стену их города, их церкви и мельницы»¹⁸.

Ставки денежных и натуральных податей, способы и сроки их уплаты, согласно заключенным соглашениям,

¹⁶ Цит. по: Н. А. Медников, Палестина..., т. II, стр. 50.

¹⁷ Там же, стр. 68.

¹⁸ Там же, стр. 70.

были настолько разнообразны, что не представлялось возможным учесть их общую сумму и производить их распределение. Стремление ввести хотя бы относительный порядок во взаимоотношениях с покоренным населением вызвало поездку халифа Омара из Медины в Джабию (Южная Палестина). В этом пункте халиф провел совещание с арабскими военачальниками и предводителями племен, действовавших в Сирии. Тенденциозное представление, что основной причиной поездки Омара в Палестину являлось подписание соглашения об условиях сдачи Иерусалима, следует рассматривать как более позднее измышление.

На основании показаний арабских историков, дающих наиболее подробные сведения о ходе завоеваний (главным образом Белазури и ат-Табари), невозможно точно установить последовательность податной политики, проводившейся руководством мусульманской общины. Но вполне ясна ее основная тенденция к повышению податных сборов и к увеличению повинностей, возлагавшихся на покоренное население. Так, по сведениям Белазури, «сначала поголовная подать в Сирии взималась в размере одного джериба и одного динара с каждой головы. Затем Омар ибн ал-Хаттаб положил взимать поголовную подать с владевших золотом — в размерах четырех динаров, а с владевших серебряными деньгами — в размере сорока дирхемов и разделил ее на разряды, приуроченные к богатству богатого, к недостатку недостаточного и к достатку достаточного человека». Некоторые передатчики исторических преданий сообщали, что по соглашению, заключенному Халидом ибн ал-Валидом с жителями Дамаска, «каждый человек будет обязан вносить по одному динару поголовной подати и по джерибу пшеницы, уксус и оливковое масло для удовольствия мусульман». Затем Омар предписал обложить всех возмужалых («на всех тех, по которым прошла бритва») податью — в 40 дирхемов или в 4 динара с каждого. Кроме того, они были обязаны ежемесячно поставлять каждому арабскому воину, находящемуся в Сирии и в ал-Джезире, по два муда пшеницы и по три киста оливкового масла, а также некоторое количество жира и меда¹⁹. Воины же, находившиеся в Египте,

¹⁹ Мудья — мера сыпучих тел = 19 са, а са - немногим более 2 кг.; кис т=0,5 са.

получили право ежемесячно требовать от местных жителей трехдневного поста, а также по ирдаббу и по одежде.

Сведения источников о размерах и номенклатуре податей, взимаемых арабскими завоевателями с населения Египта, менее определены по сравнению с тем, что нам известно о податном обложении покоренного арабами населения Сирии и Ирака. Можно признать вполне установленным, что первоначально арабы взимали с каждого взрослого египтянина по два динара подати в год. Женщины, дети и нетрудоспособные старики были освобождены от уплаты этой подати.

Можно предположить, что монахи, жившие в монастырях своим трудом, и часть белого духовенства тоже не платили подати. Только позднее, когда арабские власти убедились, что монахи ведут бездеятельную и сытую жизнь за счет труда зависимых от них крестьян, а также на приношения многочисленных богомольцев, население монашеских обителей (обладавшее к тому же крупными денежными накоплениями и большими материальными ценностями) тоже было обложено податями.

Сверх поголовной подати египетские землевладельцы вносили натуральную подать с каждого феддана посевов. Эта подать шла на кормление арабских воинов, стоявших в Египте. Кроме того, местные жители обязывались ежегодно поставлять им определенное количество одежды и обуви. С этой целью была проведена перепись, выяснившая число арабов, находившихся в Египте.

Не вполне ясно, были ли землевладельцы помимо поголовной и натуральной поземельной податей обложены еще денежным поземельным налогом. Имеются сведения, что с каждого джериба возделанной земли помимо подати натурой взимался один динар деньгами.

Кроме того, при завоевании Египта арабы брали контрибуцию с населения некоторых городов. Так, например, патриарх Кир был вынужден единовременно заплатить завоевателям 13 тыс. динаров.

Земельные владения византийского императора и знати стали (подобно савафи в Севаде) собственностью общины верующих, т. е. государственными землями, с которых земледельцы платили подати казенным сборщикам налогов.

Во всех завоеванных странах от уплаты подати были

освобождены женщины, несовершеннолетние, нищие, умалишенные, паралитики и монахи, жившие трудом рук своих. Первоначально подати взимались в зависимости от количества взрослого мужского населения, так как площадь возделываемых земель не была еще выявлена. Обором налогов ведали местные землевладельцы, муниципальные власти и духовенство. Они служили гарантами за исправную уплату податей и несение повинностей, возложенных на население.

Не вмешиваясь в общественное производство, арабы оставили нетронутыми и органы местного управления, в том числе судебные учреждения и полицию. Они предоставили населению заботы о благоустройстве населенных пунктов, об исправном состоянии дорог, мостов и колодцев.

Составление списков податного населения и учет податей, поступавших в бейт ал-мал, были поручены прежним служащим фискального ведомства. Они не только регистрировали податные поступления, но и распределяли их среди арабов. Делопроизводство, как и до завоеваний, велось на персидском языке в Севаде, на греческом — в Сирии и на коптском (наряду с греческим) — в Египте.

В правление Омара был составлен диван. Это слово персидского происхождения в то время означало список, или реестр. В него вносились отдельные лица и племена, за которыми было признано право на получение денежных средств, взимавшихся с покоренного населения. Первое поколение мусульман полагало, что все получавшееся с податного населения целиком принадлежит завоевателям. В смысле обладания денежными и материальными средствами, в деле их присвоения они не проводили различия между добычей, захваченной после победного завершения сражений, и плодами податной эксплуатации покоренного населения. К завоеванным землям, которые обрабатывало покоренное податное население, равно как и к взимавшимся с него податям, применяли термин «фей» и понимали его как синоним слов «ганима» (добыча) и «харадж» (поземельная подать). Поэтому, по представлению мусульман, все полученное с покоренного населения должно было быть распределено среди мусульман.

Первые строки дивана были заполнены именами вдов

пророка во главе с Аишей, которой впоследствии присвоили почетное прозвище «мать верующих». Каждая из этих женщин ежегодно получала из казны по несколько десятков тысяч дирхемов. За именами вдов в диване следовали имена «сподвижников пророка» (асхаб, или сахаба), сначала — мухаджиров, затем — ансаров. После них в списке стояли названия племен, принимавших участие в завоеваниях и находившихся на покоренных территориях.

В мединское казначейство и в провинциальные бейт ал-мал поступали одна пятая часть учтенной добычи, контрибуции и подати. Значительная часть этих сумм и средств присваивалась наместниками, военачальниками и предводителями племен, которые благодаря этому быстро богатели и приобретали вкус к роскоши и расточительству. В виде добычи и сверх ее арабская родовая аристократия захватывала много пленных воинов и мирных жителей, которых она обращала в рабство.

Другим видом живой добычи являлись по сути дела неомусульмане, ставшие известными под названием «маула», или «мавла» (множественное число — мавали). Это были люди из коренного населения, обратившиеся в ислам. Но принятие ислама, религии завоевателей, не ставило их в равноправное положение с арабами-мусульманами. Последние, поселяясь в завоеванных странах или продолжая вести завоевательные войны, сохраняли свою родо-племенную организацию и не забывали своих старых межплеменных счетов. Местный житель, ставший мусульманином, выпадал из своей общины, но, не будучи арабом и не состоя в кровном родстве с завоевателями, он не мог стать полноправным членом какого-либо арабского рода или племени. Согласно старорабским порядкам и обычаям, сохранявшимся при наличии родо-племенной организации, он мог вступить в нее только в качестве человека, ищущего защиты и покровительства. Обычно неомусульманин-неараб поступал под покровительство какого-либо влиятельного члена того или иного арабского племени, становился его маула, как называли раба, получившего освобождение от рабства, но продолжавшего находиться под покровительством своего бывшего господина или членов его семьи. Слово «маула» применительно к такому человеку имело значение «вольнотпущенник» или «клиент» (термины,

взятые из древнеримского рабовладельческого права). Маула был обязан периодически подносить подарки своему господину или обслуживать его в соответствии с тем ремеслом, которым он занимался. Представители арабской родовой аристократии обычно выступали в поход, сопровождаемые толпой своих мавали, которые всесторонне обслуживали их. Эта толпа мавали состояла из ремесленников самых разнообразных специальностей и из людей «свободных» профессий, в том числе врачей, писцов-секретарей, астрологов и даже поэтов. Арабские правители и военачальники рассматривали всех этих людей как часть добычи, дарованной им Аллахом.

Военное дело, службу в войске арабы считали своим исключительным правом и обязанностью. «Воинство ислама» состояло из ополчений арабских племен. Средствами существования арабских воинов служили помимо добычи натуральные подати, доставлявшиеся местным населением в арабские военные лагеря, и денежные выдачи, поступавшие из бейт ал-мал. Существовая за счет покоренного населения, большинство арабов, поселившихся в завоеванных странах, не занималось никаким производительным трудом. К занятию земледелием арабы приступали крайне неохотно. Арабские поселенцы-земледельцы в завоеванных странах являлись очень редким исключением.

Арабская родо-племенная организация предохраняла завоевателей от смешения с покоренным населением; иначе они растворились бы в его массе. Арабы предпочитали селиться в своих военных лагерях. Каждый такой лагерь представлял собой площадь в виде круга, обнесенную земляным валом. Внутри лагеря можно было проникнуть через одни из четырех ворот, обычно расположенных по странам света. От ворот к центру лагеря шли прямые дороги, выходившие на площадь. В секторах, образованных дорогами, стояли палатки, в которых жили члены отдельных родов или мелких племен. Как и в бедуинском становище, соседство обуславливалось родством. Земляной вал являлся нововведением, позаимствованным у арабских племен, ранее находившихся на иранской и византийской службе. Так возникли Басра (в 637 или 638 г.) и Куфа (в 636 г.) в Ираке, Фустат (в 640 г.) в Египте, Кайруан (в 670 г.) в Тунисе.

Антисанитарные условия в военных лагерях, где араб-

ские воины жили со своими семьями и скотом, превращали эти поселения в очаги повальных болезней. Так, например, чума причиняла арабам гораздо больший урон, чем самые кровопролитные сражения. Жуткую известность получила эпидемия этой болезни, вспыхнувшая в 639 г. в лагере Амвас, между Яффой и Иерусалимом. От этой «амвасской чумы» погибло не менее 20 тыс. арабов.

Около арабских военных лагерей, с внешней стороны вала, стали селиться некоторые местные жители. Их привлекала возможность легкой наживы на обслуживании арабов, располагавших огромной добычей и большими денежными средствами. Около лагерей быстро возникали слободы, населенные ремесленниками, лавочниками, менялами и люмпен-пролетариями, среди которых встречалось немало жуликов, воров и проституток. В дальнейшем на месте вала строились кирпичные стены с оборонительными сооружениями, а за ними вместо палаток возникали постоянные жилые и общественные здания. Торгово-ремесленные слободы превращались в окраины этих быстро разраставшихся населенных пунктов. Так создавались новые города, становившиеся важными экономическими, политическими и культурными центрами. Эти новые города обладали особенно притягательной силой для иеомусульман, покидавших свои общины в сельских местностях.

В старых городах, сдавшихся арабам или взятых силой оружия, завоеватели селились в отдельных кварталах, покинутых местными жителями. Иногда арабы переселяли горожан, чтобы предоставить жилища своим воинам.

В состав своих вооруженных сил арабы обычно не допускали выходцев из покоренного населения, в том числе и принявших ислам. Но арабские племена, выселившиеся за пределы Аравии еще в доисламские времена и обратившиеся в христианство под влиянием своих новых соседей, сразу же включились в военные предприятия завоевателей, прибывших из Аравии. Особенно значительную военно-политическую роль играли христианские арабские племена Сирии и Иордании в первом веке мусульманской эры. Завоеватели-мусульмане проявляли широкую веротерпимость не только к христианам и иудеям, которые в Коране названы «людьми (обладате-

лями) писания», т. е. божественного откровения, но и к зороастрийцам, манихеям, сабиям и другим «многобожникам». Эта веротерпимость имела реальное основание: принявшие ислам первое время иногда освобождались от подушной подати, что приводило к уменьшению податных поступлений в казну.

Однако прежнее представление о массовом обращении покоренного населения в ислам уже при первых халифах следует признать преувеличенным. На самом деле исламизация иноверческого населения в Халифате была длительным процессом, который в ряде стран Арабского Востока не завершился и поныне. Так, например, в IX в. в Египте подавляющее большинство населения составляли местные христиане (копты). Мусульмане стали численно преобладать не ранее XIII в. Но и в дальнейшем в Египте оставалось значительное христианское (коптское) меньшинство, которое существует и в наше время.

В Иордании тоже имеется христианское меньшинство, причем христианство здесь исповедуют не только оседлые земледельцы и горожане, но и некоторые местные кочевые племена. Это прямые потомки тех арабов, которые обратились в христианство еще до возникновения ислама. В современном Ливане не менее половины населения является христианами, принадлежащими к различным церквям. В странах Арабского Востока различные христианские вероисповедания и церкви существуют с доисламских времен. В этих ранее христианских странах в средние века (уже после завершения арабских завоеваний) большинство коренного населения перешло в ислам. Но никогда не наблюдалось случаев принятия христианства мусульманами (за самым редким исключением).

Арабские завоевания и установление власти арабов в цивилизованных странах ускорили и осложнили процесс экономического и социального развития в арабском обществе. Верхний слой этого общества, обладавший военной и политической властью, присваивал непропорционально большую часть добычи и податей, в то время как на долю многих рядовых воинов оставались лишь трудности и лишения в походах. Еще при халифе Омаре один арабский поэт сказал: «Мы участвуем в одних и тех же походах и возвращаемся из них; почему же те живут в изобилии, а мы остаемся в нищете?»²⁰.

²⁰ Цит. по: «Всемирная история», т. III, М., 1957, стр. 112.

Огромные суммы, поступавшие из завоеванных стран в виде податей и добычи, иногда вызывали удивление у халифа Омара, который сам никогда не располагал большими средствами. Так, когда его наместник в Бахрейне вернулся в Медину и заявил, что привез 500 тыс. дирхемов, халиф спросил его: «Понимаешь ли ты, что говоришь?». Тот ответил: «Да, пять раз по сто тысяч». Значительная часть добычи и податных поступлений попадала в сундуки и мошны наместников и военачальников. Вскоре после завоевания Египта халиф Омар писал Амру ибн ал-Асу, своему наместнику в этой богатой стране: «Распространились слухи, что ты владеешь продуктами, рабами, посудой и скотом, которых не было у тебя, когда ты был назначен на пост правителя Египта». Податные поступления с населения Египта в то время исчислялись суммой в 2 млн. динаров, а затем возросли до 4 млн. При Османе, преемнике Омара, в 27 г. х. (647/48 г. и. э.) из Африки поступило податей на 2,5 млн. динаров. При Омаре из Севада поступало 80 млн. дирхемов в год. Этот халиф предписал взимать с жителей Куфы и Басры (?) ежегодно от 20 до 30 млн. дирхемов.

Обращение пленных в рабство также являлось одним из средств обогащения арабской родовой аристократии. Увеличение числа рабов за счет коренных жителей населенных пунктов (особенно тех, которые оказывали вооруженное сопротивление завоевателям) было одним из наиболее распространенных методов установления арабского господства. Типичный представитель арабской аристократии военачальник Халид ибн ал-Валид, как мы видели, применил этот общепринятый метод при подавлении сопротивления йемамских ханифов. При завоевании Южного Ирака, взяв силой оружия Айн ат-Тамр, он приказал перебить часть его жителей, а часть продал в рабство. Белазури сообщает, что «число взятых в плен в Кайсарии дошло до четырех тысяч человек. И когда Муавия прислал их Омару ибн ал-Хаттабу, то он приказал поместить их в ал-Джурфе, а затем роздал их сиротам ансаров, некоторых же назначил писцами и поместил их в мусульманские податные учреждения на пользу мусульманам»²¹. Нуба сдалась осадившим ее арабам,

²¹ Цит. по: Н. А. Медников, Палестина..., т. II, стр. 82.

обязавшись поставлять им по 400 рабов ежегодно. Поставка рабов являлась одним из видов податей, уплачивавшихся населением некоторых завоеванных областей. Рабы в то время (особенно в бывших византийских провинциях) играли очень важную роль в общественном производстве.

Особенную активность в приобретении богатства и власти проявляли члены мекканского рода омейя, которые в свое время вели упорную борьбу против мединской общины верующих, а затем вступили в нее на выгодных условиях. Они приобрели сильное влияние среди руководства мусульманской общины еще при жизни Мухаммеда, а после его смерти приняли деятельное участие в завоевательных походах.

При Омаре представители рода омейя получили в свое владение Сирию, Йазид, сын Абу Суфиана, занял положение ведущего военачальника в этой стране. После его смерти во время амвасской чумы наместником Сирии стал его брат Муавия.

В 644 г., после убийства Омара, павшего от руки иранского раба, халифом стал Осман ибн ал-Аффан, тоже принадлежавший к роду омейя. В свои молодые годы, еще до возникновения ислама, Осман был очень богатым человеком, получавшим крупные денежные средства от выгодных ростовщических операций. Среди мекканцев он был известен как большой любитель благовоний, породистых лошадей и молодых рабынь. Он стал одним из ранних последователей Мухаммеда, будучи, как гласит предание, увлечен одной из его дочерей, на которой затем женился, а после ее ранней смерти взял в жены другую дочь пророка. Поэтому он получил почетное в глазах мусульман прозвище — «дважды зять посланника Аллаха».

Его приобретательские склонности и способности получили особенно благоприятную возможность для проявления, когда он стал халифом. Он построил себе в Медине каменный дом с дверями, сделанными из редких пород дерева, приобрел в том же городе много недвижимого имущества, в том числе сады и водные источники. Большие доходы приносили его имения с плодовыми деревьями в Вади-л-Кура, Хунейне и других местах; они оценивались в 100 тыс. динаров, не считая имевшихся в них больших табунов лошадей и верблюжьих стад.

В день смерти Османа в его личной казне насчитали 150 тыс. динаров и 1 млн. дирхемов²².

Приумножая свои богатства за счет мусульманской казны, Осман предоставлял возможность пользоваться ею и некоторым ближайшим «сподвижникам» Мухаммеда. Делая соучастниками своих хищений этих наиболее заслуженных и авторитетных мусульман, он, несомненно, стремился оправдать свои незаконные действия. Эти «сподвижники» прославляли халифа Османа за его щедрость и благородство, и недаром: прославление имело солидную материальную основу. Так, аз-Зубейр ибн Аввам, один из наиболее известных «сподвижников» пророка, построил доходные дома в Куфе, Басре, Фустате и Александрии. Его имущество оценивалось в 50 тыс. динаров. Кроме того, он имел тысячу лошадей и столько же рабов. Другой «сподвижник», Талха ибн Убейдаллах, построил большой доходный дом в Куфе и приобрел земельные владения в Ираке, с которых ежегодно получал 1 тыс. динаров дохода. Он тоже построил в Медине роскошный дом из кирпича и ценного дерева. Еще один видный «сподвижник» — Абдаррахман ибн Ауф построил себе обширное и богатое жилище. В его конюшнях насчитывалось до сотни лошадей, а на пастбищах — тысяча верблюдов и 10 тыс. овец. Одна четверть оставшегося после него наследства равнялась 84 тыс. динаров. Такое стяжательство было широко распространено среди «сподвижников» пророка и приближенных халифа Османа²³.

Видимо, быстро накопленные богатства уже в то время порождали сильно преувеличенные слухи об их размерах. Так, некоторые утверждали, что наследство аз-Зубейра оценивалось в 35 млн. дирхемов, а другие уверяли, что оно достигало 52 млн.²⁴

Открытое расхищение мусульманской казны вызывало протест со стороны тех немногих «сподвижников» пророка, которые полагали, что все поступающие в нее средства принадлежат мусульманам и должны равномерно распределяться среди них. Из таких противников иму-

²² Ma'oudi, Les prairies d'or. Texte arabe et trad, par C. Barbier de Meynard et A. Pavet de V. Gourteille, t. IV, Paris 1865 p. 263

²³ Ibid, pp. 253—255.

²⁴ «طه حسين الفتنة الكبرى»

шественного неравенства особенно выделялся Абу Зарр ал-Гифари. В период завоеваний этот старый «сподвижник» Мухаммеда, которого, по преданию, пророк ставил в пример другим мусульманам, отправился в Сирию. Там он публично осуждал наместника и военачальников за присвоение добычи и податей, являвшихся, по его мнению, «имуществом Аллаха», принадлежавшим всем мусульманам. Муавия попросил халифа Османа убрать из Сирии этого опасного агитатора, который приобретал все большую популярность среди рядовых мусульман. Отозванный Османом, Абу Зарр поселился в Медине. Но здесь он стал выступать с резкой критикой деятельности халифа, когда узнал, что тот щедро одарил своего племянника Мервана ибн ал-Хакама из средств мусульманской казны, его брату ал-Харису ибн ал-Хакаму выдал оттуда же 300 тыс. дирхемов, а Зейду ибн Сабиту—100 тыс. дирхемов. За получение такого рода незаконных дотаций Абу Зарр, ссылаясь на Коран, обещал им всем пребывание в адском пламени. Углубляя содержание своей критики, этот непримиримый и неподкупный агитатор заявлял, что богачи приумножают свои богатства путем обирания бедняков. Халиф Осман приказал выслать «смутьяна» в захолустное место, где тот и умер в крайней бедности. Его вдова не имела даже незначительных средств на его скромные похороны.

В правление халифа Османа (644—656) его родственники, представители мекканской рабовладельческой родовой аристократии, стали захватывать правительственные посты и земельные владения в завоеванных странах. Историческое предание особенно отрицательную роль отводит его племяннику Мервану. Пользуясь старческой слабостью и слабоволием своего дяди (который стал халифом в возрасте около 70 лет), он захватил бразды правления в Медине и всячески потворствовал самовольным действиям жадных и хищных родственников. Эти халифские родственники из рода омейя, получившие от Османа назначения на посты наместников и военачальников, прежде всего приступили к присвоению земель, считавшихся собственностью мусульманской общины и находившихся в распоряжении халифа. В Севаде они обратили в свои владения часть савафи и быстро освоили ранее практиковавшиеся на них способы феодальной эксплуатации. В Сирии они захватывали госу-

дарственные земли и обрабатывали их путем применения рабского труда.

Такие земельные захваты наряду с хищениями, вымогательствами и насилиями, чинимыми этими правителями, вызывали все возраставшее недовольство. Его решительно выражали те сподвижники Омара, которые были смещены с влиятельных и доходных постов. Их недовольство разделяли арабские племена (главным образом в Ираке), которые материально страдали от произвольного расходования государственных средств ставленниками Османа.

Сам халиф Осман подавал дурной пример произвольного расходования государственных средств в интересах своей семьи. Так, когда его дочь вышла замуж за Абдаллаха ибн Халида, он предписал выдать новобрачным 600 тыс. дирхемов из басрийского бейт ал-мал. Абдаллах ибн Абу Сарх прислал из Ифрикии 3 тыс. кантаров золота, и Осман приказал отдать это золото семье ал-Хакама.

Недовольство проявилось в активном протесте, который выразили Осману представители мусульман из Куфы, Басры и Египта, прибывшие в Медину под видом паломников. При поддержке жителей этого города протест перерос в открытое восстание. Восставшие блокировали халифа в его доме, а затем убили его.

Халифом стал Али, двоюродный брат и зять Мухаммеда, муж его дочери Фатимы. Но этот халиф, провозглашенный повстанцами, встретил противодействие со стороны влиятельной группировки разбогатевших «сподвижников» и, конечно, со стороны родственников убитого халифа. К первой группировке, во главе которой стояли «сподвижники» Талха и аз-Зубейр, примкнула Аиша, вдова Мухаммеда. Так началась острая борьба за власть, принявшая вооруженный характер. Али сравнительно легко подавил сопротивление этой группировки, не располагавшей значительными силами и не имевшей солидной социальной опоры. Войско Талхи и аз-Зубейра было разбито в 656 г. при Хурейбе, под Басрой. Оба «сподвижника» были убиты, а Аиша попала в плен. Это сражение стали называть «верблюжьим», так как Аиша, присутствовавшая при нем, сидела в паланкине на верблюде.

Гораздо серьезнее было сопротивление аристократии

рода омейя, которая пришла к власти и овладела обильными источниками обогащения при Османе. Борьбу этой аристократии, защищавшей свою власть и доходы против сторонников Али, возглавил Муавия, наместник богатой цивилизованной Сирии, располагавший очень большими силами и средствами.

Для борьбы с могущественным противником Али мог рассчитывать на арабские племена в Ираке, которые выступали носителями общинно-демократических представлений и порядков, отождествлявшихся с личностью и деятельностью халифа Омара. Став халифом, Али заявил о своем намерении править в духе политики Омара. Он стал смещать наместников, поставленных при Османе, отбирал земельные владения, захваченные при его предшественнике. Не находя в Аравии достаточных сил и средств для борьбы и надеясь обрести надежную военную и социальную опору в Ираке, Али перенес свою резиденцию в Куфу.

В 657 г. при Сиффине, в ал-Джазире, на правом берегу Евфрата, произошло крупное сражение между сирийскими войсками Муавии и иракскими войсками Али. В этом сражении ни та, ни другая сторона не достигла решительного успеха. Арабские историки сообщают, что хитрость и коварство Амра ибн ал-Аса, находившегося в войске Муавии, лишили воинов Али возможности одержать решительную победу. Видя, что сирийскому войску грозит неминуемое поражение, этот «завоеватель Египта» предложил воинам Муавии поднять на копьях и мечах листы рукописей Корана и призвал противников прекратить кровопролитие, а спор предводителей разрешить мирным путем на основании предписаний священной книги. Уступая настоятельному требованию влиятельных приверженцев, Али принял это предложение. Имеются основания для сомнений в возможности подобного происшествия. Некоторые военные историки считают просто невозможным самый факт обращения к противнику (да еще с листами Корана, вывешенными на оружии) в ходе развернувшегося сражения²⁵.

Вскоре после битвы при Сиффине в лагере Али выступили хариджиты, которых принято считать первой,

²⁵ Ганс Дельбрюк, История военного искусства..., т. III, М. 1938, стр. 158.

наиболее ранней сектой, возникшей в среде мусульман. Традиционное мусульманское представление о причинах возникновения этой секты весьма наивно. Арабские историки изображали первое поколение хариджитов как наиболее ревностных мусульман, последовательных поборников пресловутого «равенства», якобы существовавшего в общине верующих при жизни Мухаммеда и сохранявшегося при его первых двух преемниках. Они называли себя «людьми поста и молитвы», строго соблюдавшими предписания Корана. Они полагали, что Али нарушил одно из основных предписаний этой книги, «слова божия», согласившись предоставить третьей стороне судить вопрос о своем праве на сан и должность халифа. Они выбросили лозунг «ля хукма илля ли-ллах» (судить может только Аллах). Поэтому они присвоили себе название «мухаккима», т. е. те, кто произносит этот лозунг.

Эти решительные противники уступчивой политики Али, которую они считали соглашательской, покинули военный лагерь халифа под Куфой и направились к Багдаду, небольшому населенному пункту на левом берегу Тигра. Их было около 12 тыс. Уход этих отрядов, не желавших более подчиняться Али, послужил основанием для объяснения широко распространенного, но несостоятельного значения названия «хариджиты» (по-арабски — хаваридж). Многие историки до сих пор полагают, что это название происходит от арабского глагола «хараджа», что значит «вышел», «ушел». На самом деле это название, данное хариджитами их противниками, происходит от того же глагола, но со следующим за ним предлогом «'аля», придающим этому глаголу значение «вышел на кого-либо», «выступил против кого-либо», «восстал», «возмутился». Следовательно, подлинное значение слова «хариджит» соответствует русскому слову «повстанец».

Возникновение движения хариджитов явилось выражением развития противоречий в арабском обществе. Имущественное и социальное положение рядовых членов арабских племен, составлявших вооруженные силы Халифата, неизменно и быстро ухудшалось в связи с умножением богатств и усилением власти арабской родовой аристократии. При господстве этой аристократии ухудшению положения масс арабских завоевателей способст-

вовал такой фактор, как военная дисциплина. Арабские племена не имели о ней почти никакого представления в своих родных кочевьях в Аравии. Как бы слаба и относительна она ни была, в обстановке походов и сражений дисциплина давала командной верхушке племен дополнительную возможность давления на своих соплеменников в целях их подчинения и ограбления.

«Сподвижники» пророка, представители самого старшего поколения мусульман (вроде халифа Омара), проявляли стремление проводить политику, соответствовавшую интересам родовой демократии. Но после Османа, в правление которого арабская родовая аристократия заняла крепкие позиции, другие «сподвижники» (вроде Али), вынужденные считаться с реальным соотношением сил и сами разбогатевшие, проявляли готовность пойти на соглашение с аристократией. Все это неизбежно вызывало недовольство и протест как в арабских массах, так и в трудящихся массах покоренного населения.

Движение хариджитов при его возникновении было непосредственным продолжением восстания, которое привело к смерти халифа Османа. Среди первых хариджитов было немало находившихся в войске Али «чтецов Корана», т. е. пропагандистов раннего ислама, для которых молитва, пост и религиозная проповедь были профессиональными занятиями. Но эти «чтецы» вовсе не составляли (как иногда полагают) основного ядра хариджитского войска. Посланец халифа Али, отправленный в лагерь хариджитов в Нахраване, так описывал этих сектантов: «Я видел среди них людей, у которых лбы были покрыты ссадинами и язвами от продолжительных земных поклонов, а руки напоминали ремни верблюжьей сбруи; на них были чисто выстиранные рубахи, и все они как будто куда-то спешили»²⁶.

Но не молитвы и посты привлекали трудящиеся массы к хариджитам, а их демократические принципы, за осуществление которых они боролись с оружием в руках. Первым пунктом их политической программы было провозглашение суверенитета общины верующих, т. е. совокупности всех мусульман. Халиф получает верховную власть от общины, обязательно выборным путем. Если он не отвечает своему назначению, проводит политику,

²⁶ أحمد أمين «فجر الإسلام»

не соответствующую интересам общины, то представители последней имеют право не только низложить его, но и убить. Вовсе не обязательно для халифа происходить из племени курейш, к которому принадлежал Мухаммед. По мнению хариджитов, на высокий пост халифа может быть избран и курейшит, и араб из другого племени, и неараб, и даже «раб-эфиоп» (как они говорили), если он известен как благочестивый мусульманин.

Угроза со стороны хариджитов лишала Али возможности возобновить военные действия против Муавии, когда в 658 г. третейское разбирательство не дало никаких результатов. В том же году Али двинулся с войском к Нахравану, чтобы ликвидировать хариджитскую угрозу. Его призыв прекратить вооруженное сопротивление и объявленная им амнистия всем хариджитам вызвали колебание в их рядах. Многие из них (возможно, большинство) покинули военный лагерь своего эмира Ибн Вахба. Часть их присоединилась к войску Али, часть вернулась в Куфу, другие ушли в Иран, а некоторые отправились в Мекку. Под знаменем Ибн Вахба осталось только 2800 наиболее упорных и непримиримых хариджитов. Дав друг другу обещание «встретиться в раю», они ринулись на войско Али и почти все были уничтожены в разгоревшемся упорном сражении. Однако и после поражения при Нахраване движение хариджитов не прекратилось. Вскоре хариджиты, вернувшиеся в Куфу, ушли из нее и совместно с хариджитскими отрядами, действовавшими в Ираке и Иране, возобновили борьбу с приверженцами Али.

По преданию, хариджиты, оказавшиеся в Мекке, решили убить Али, Муавию и Амра ибн ал-Аса, чтобы освободить место для своего ставленника. В 661 г. Али умер от ран, нанесенных ему хариджитом отравленным кинжалом при входе в мечеть в Куфе. Покушения на двух других приговоренных хариджитами к смерти не удалось.

Хариджитские идеологи сформулировали некоторые положения своего вероучения, оправдывавшие нетерпимость и фанатизм. Важным пунктом, получившим большое практическое значение, стал хариджитский религиозный догмат о спасении. Согласно этому догмату, вера в Аллаха и выполнение религиозных обрядов не гарантируют верующему спасения, т. е. не обеспечивают

ему райских наслаждений после смерти. Для обеспечения спасения вера обязательно должна сопровождаться делами и сочетаться с ними. Делами же хариджиты считали осуществление принципов их учения путем непрестанной вооруженной борьбы против халифа и поставленных им властей.

Всех мусульман, не признававших этого догмата, хариджиты отлучали от общины верующих, считали кафирами, против которых необходимо вести джихад (священную войну). При такой прямолинейной установке жертвами хариджитского фанатизма иногда становились мирные трудящиеся. Тем не менее социально-политические принципы хариджитов, выражавшие стремление трудящихся масс к освобождению от гнета, эксплуатации, насилий и произвола местных феодалов и арабских властей, вызывали сочувствие к этим неутомимым борцам и поддержку их со стороны угнетенного сельского и городского населения. Социальная база хариджитского движения значительно расширилась при господстве Омейядов, когда участники этого движения проявили исключительную военно-политическую активность почти во всех странах Халифата.

ХАЛИФАТ ОМЕЙЯДОВ

Источники. При характеристике источников, которыми пользуются при изучении истории арабских стран периода господства Омейядов (660—750), прежде всего следует иметь в виду, что арабоязычная историография создалась в IX—X вв., в правление династии Аббасидов. Особые религиозно-политические претензии этой династии получили свое выражение и в трудах арабоязычных историков. Последние проявляли предвзятое, тенденциозное отношение к Омейядам, как к светским государям, охранявшим и поддерживавшим традиции джахилии, и противопоставляли им Аббасидов как «богом благословенную династию». Интересующие нас историки жили и писали свои труды в Ираке и оказывали предпочтение материалам проаббасидского (и, следовательно, антиомейядского) исторического предания.

Наиболее обильные и разнообразные сведения содержатся в «Истории» ат-Табари двух сочинениях ал-Белазури — «Футух ал-булдан» («Завоевание стран») и «Ансаб ал-ашраф» («Родословия знатных»). В дополнение к ним следует привлекать сообщения, содержащиеся в сочинениях ал-Масуди.

Большое значение как исторический источник имеют произведения арабоязычной географической литературы. Особую ценность эта литература приобретает благодаря содержащимся в ней материалам по экономической истории арабских стран в эпоху средневековья. Исчерпывающие сведения об этой литературе содержатся в труде И. Ю. Крачковского «Арабская географическая литература»¹

¹ И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.

Очень большой (но не исчерпывающий) материал из арабоязычных источников собран Л. Каэтани в переводе на итальянский язык в «Летописи ислама»². Этот материал расположен по годам мусульманской эры и снабжен ценными библиографическими и историческими примечаниями.

Для изучения периода Омейядов большое значение сохраняет труд Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам». В нем в русском переводе даны относящиеся к Сирии, Ливану и Палестине (Израилю и Иордании) сообщения арабоязычных историков и географов. Переводам предшествует обстоятельное и ценное источниковедческое исследование.

Сравнительно с арабоязычными источниками о периоде Омейядов исторические произведения на других языках представляют гораздо меньший и сравнительно незначительный интерес. Византийские, армянские, сирийские и западноевропейские писатели дают об этом периоде скудные и далеко не всегда достоверные сведения.

Литература. Специально периоду Омейядов (во всем хронологическом объеме этого периода) посвящены исследования Ю. Вельхаузена и А. Ламменса. Первый из этих крупных историков-востоковедов является автором монографии «Арабское государство и его падение»³. До недавнего времени эта монография признавалась лучшим, классическим трудом по истории Омейядского халифата. Но в последние два-три десятилетия некоторые существенные констатации и выводы Ю. Вельхаузена (в частности, относящиеся к экономической истории) были признаны несостоятельными (см. работу Денетта и др.). Тем не менее эта монография не утратила своего научного значения в зарубежном востоковедении; не можем и мы оставить ее без внимания благодаря содержащимся в ней конкретным материалам, взятым из арабоязычных источников.

Работы А. Ламменса страдают недостатками, характерными для этого католического ученого-миссионера. Кроме того, к сирийским Омейядам он относится с осо-

² L. Caetani, *Annali dell' islam*, I—VI, Milano, 1905—1913.

³ J. Wellhausen, *Das Arabische Reich and sein Sturz*, Berlin, 1902; английский перевод: «The Arab kingdom and its fall».

бой симпатией как к династии, отец основателя которой — Абу Суфиан и его родственники упорно боролись против «основателя ислама». Но несомненную ценность трудам А. Ламменса придает незаурядная эрудиция этого автора, исчерпывающее использование им арабоязычных и иных источников, а также западноевропейской востоковедной литературы. Нас привлекает исключительно богатый и разнообразный конкретный материал, содержащийся в его многочисленных работах. Специально Омейядам посвящены исследования этого автора: «Очерки о царствовании омейядского халифа Муавии I и «Очерки о веке Омейядов», а также несколько статей в «Энциклопедии ислама». Большое и благожелательно пристрастное внимание периоду Омейядов уделил А. Ламмепс и в своей общей истории Сирии.

Конечно, в каждой западноевропейской «истории арабов» имеется глава, посвященная периоду сирийских Омейядов; эти главы, как правило, не имеют исследовательского характера. Из специальных монографий следует указать работу Ф. Габриэли о правлении халифа Хишама и ценные исследования Карла Беккера по социально-экономической истории Египта в правление Омейядов.

Из работ на русском языке, относящихся к истории Омейядов, заслуживают внимания исследовательские статьи В. В. Бартольда — «Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности» («Христианский Восток» т. VI, вып. 3, 1922) и «Эпоха Омейядов по новейшим исследованиям» («Новый Восток», № 2); общая характеристика династии сирийских Омейядов дана этим ученым в статье «Халиф и султан» (журн. «Мир ислама», т. I, СПб., 1912, № 2). Еще большее внимание следует обратить на работу А. Ю. Якубовского «Ирак на грани VIII века» («Труды Первой сессии арабистов», Л., 1937). Глава о халифате Омейядов в «Истории арабов и арабской литературы» А. Е. Крымского теперь уже устарела и производит поверхностное впечатление.

Печатные работы историков арабских стран нашего столетия не заслуживают такого внимания, какое мы уделяем историческим трудам европейских востоковедов. Сведения о периоде Омейядов, содержащиеся в этих работах, основаны не столько на арабоязычных источниках, сколько на трудах европейских ученых, причем эти труды использованы только частично. Кроме того, методологической основой работ арабских историков XX в. служит арабо-мусульманская традиция, что снижает их научное значение.

Из обзорных сочинений по истории средневековых арабов и ислама можно назвать «Политическую историю ислама» Хасана Ибрахима Хасана⁶ и «Всеобщую мусульманскую историю» д-ра Али Ибрахима Хасана⁷. Эти и подобные им работы не представляют никакого интереса для читателей, имеющих возможность познакомиться с трудами западноевропейских историков-востоковедов. В содержание понятия «ислам» современные арабские историки вкладывают не только религию, но и государство и культуру мусульманского феодального Востока. Из небольшого числа арабских книг, посвященных специально периоду сирийских Омейядов, заслуживают упоминания «Ирак под властью Омейядов» Харбутли и «Реформы Абдал-Мелика».

Образование Омейядского халифата. Девяностолетнее господство династии Омейядов (660—750) вполне можно выделить в особый исторический период. Такое выделение основывается не только на том политическом факте, что (как полагал Ю. Вельхаузен) Омейяды олицетворяли господство арабов в завоеванных ими странах, составивших обширный Халифат, и что с падением этой династии прекратилась арабская гегемония над различными покоренными народами в Азии, Африке и Европе. Гораздо важнее те социально-экономические изменения, которые происходили в Халифате в период господства Омейядов и привели к торжеству феодальных отношений у всех народов Халифата, в том числе и у арабов. В течение этого периода под влиянием феодальных отношений в завоеванных странах происходил про-

⁶ حسن إبراهيم حسن «تاريخ الاسلام السياسي»، القاهرة، ١٩٣٥

⁷ علي إبراهيم حسن «التاريخ الاسلامي العام»، القاهرة، ١٩٥٣

цесс превращения рабовладельческой арабской родовой аристократии в господствующий класс феодалов в Халифате. Таким образом, время военно-политического господства Омейядов мы имеем основания рассматривать как переходный период в истории многонационального общества средневековых арабских стран.

Собственно говоря, первым Омейядом был халиф Осман, а его преемником стал Муавия ибн Абу Суфиан, который в 660 г. в Иерусалиме был провозглашен халифом преданными ему сиро-арабскими племенами. Следовательно, 660 годом и надлежит датировать начало династии Омейядов. Более года в Халифате шла борьба за верховную власть двух халифов — Али и Муавии. Если не делать уступки мусульманской правоверной традиции, нет никаких исторических оснований считать начальной датой династии Омейядов 661 год, в котором был, убит четвертый «праведный» халиф Али.

Омейядский халиф Муавия по сравнению со своими политическими противниками располагал гораздо более солидной экономической базой и более надежными военными силами. Еще в правление халифа Омара он стал полновластным и несменяемым наместником богатой и цивилизованной Сирии. Более 20 лет находясь на этом важном посту, он стал признанным главой арабской родовой аристократии в Сирии, сумел наладить хорошие отношения с ее населением и обеспечить себе его поддержку.

Положение Сирии при Суфианидах. Омейядских халифов обычно разделяют на две родственные ветви. Одну из них составляли Суфианиды, называвшиеся так по кунье отца Муавии I. Это Муавия (660—680), его сын Иазид I (680—683) и его внук Муавия II, умерший от чумы в 683 г., через несколько месяцев после вступления на престол. Вторая ветвь, сменившая Суфианидов на халифском престоле, известна как Мерваниды, по имени Мервапа, четвертого халифа династии Омейядов.

Муавия еще в бытность наместником Сирии обеспечил себе, своим родственникам и соратникам солидную материальную базу. Путем земельных захватов он стал крупнейшим землевладельцем. Ко времени арабских завоеваний в Сирии — этой стране развитого ирригационного земледелия — наблюдалось сокращение культурных площадей и частичный упадок сельскохозяйствен-

ного производства как вследствие разрушительных ирано-византийских войн, так и вследствие фискальной политики императора Ираклия. Частичное разрушение государственной и общинных систем искусственного орошения, бегство и гибель земледельцев в ряде районов сократили численность сельских жителей. Возделанные земли, на которые перестала регулярно поступать питавшая их влага, превратились в пустоши. Эти бесхозные земли сделались первым объектом захватов, проводившихся арабской родовой аристократией в завоеванной Сирии. Новые владельцы направляли на захваченные ими земли многие тысячи рабов, т. е. пленников и заложников, обращенных в рабство в ходе завоеваний за пределами Сирии. С помощью и под руководством сирийских инженеров, мелиораторов, гидрологов и агрономов заброшенные земли снова превращались в нивы, сады, огороды и виноградники.

Земельные владения византийского императора и его сановников, ставшие бесхозными после арабского завоевания, также сделались объектом захватнических поползновений новых господ Сирии. Таким способом Муавия создал себе весьма обширный домен и стал одним из крупнейших землевладельцев и рабовладельцев в Халифате. У него остались также фамильные земельные владения в Хиджазе. В этих владениях насчитывалось (по неполным данным) 4 тыс. рабов.

Об основном источнике рабовладения арабской родовой аристократии того времени можно судить по следующему показательному примеру. Когда в 70-х годах VII в. (т. е. в правление халифа Муавии I) арабы взяли г. Бухару, их военачальник Сайд ибн Осман, эмир Хорасана, присвоил себе много пленных и несколько заложников из местных землевладельцев. Эту живую добычу он приказал отправить в Хорасан, а оттуда — под Медину, где ему принадлежали земельные владения. Далее, как сообщает Нершахи (историк Бухары, X в.), по прибытии в Медину Сайд приказал своим гулямам отобрать у богатых заложников находившиеся при них золото, серебро, дорогие одежды и оружие, выдать им одежду из грубой ткани и заставить их обрабатывать землю. Эти бухарские землевладельцы жаловались, что завоеватели обратили их в рабство и поручили им очень тяжелую работу.

Вооруженной опорой династии Омейядов служили сиро-арабские племена, являвшиеся лучшими контингентами их военных сил. Согласно принятым у них родословиям, это были племена южноаравийского происхождения, переселившиеся в IV—V вв. в Сирию, Палестину, Занорданье и Ирак. В этих странах за два-три столетия, предшествовавших возникновению ислама, они установили постоянные контакты с византийской и иранской администрацией и военным командованием и вошли в состав вспомогательных вооруженных сил Ирана и Византии. Под влиянием местного арамейского населения они восприняли некоторые элементы культуры и обратились в христианство.

Сиро-арабские племена принадлежали к одной из двух основных групп арабских племен — к кельбитам (по-арабски — бену-кельб), или йеменитам. Другую группу составляли кайситы (бену-кайс), или низариты. Между этими двумя группами шла еще со времен джахилии почти непрерывная борьба за политическое преобладание, иногда выражавшаяся в кровавых междоусобных столкновениях.

Во всех провинциях Халифата эта борьба вызывалась не только старыми, неразрешенными спорами, неудовлетворенными претензиями и кровными счетами, но и различными политическими программами. Кайситы, как носители старых бедуинских традиций и военно-политических навыков, ограничивали цели своего господства захватом добычи и сбором дани с покоренного населения; они не разрушали ни производства, ни культуры этого населения, но относились к нему с полным безразличием. Кельбиты же, не отказываясь ни от добычи, ни от дани, выступали сторонниками сотрудничества с покоренными цивилизованными народами и усвоения их культуры.

Омейяды, как один из родов племени курейш, генеалогически принадлежали к кайситам. Но по политическим соображениям, учитывая реальное соотношение сил в Сирии, они опирались на кельбитов. Чтобы установить с ними родственные отношения, Муавия женился на Меймуне, принадлежавшей к одному из кельбитских племен. Она заняла положение его главной жены и стала матерью йазна, будущего халифа. Йазид впоследствии женился тоже на кельбитке.

Сирийские кельбитские племена являлись гвардией Суфианидов. Муавия приказывал выдавать им повышенное жалованье, не скупился на подарки их предводителям, устраивал им угощения и завещал своему сыну не отягощать их гарнизонной службой, а также предоставлять им отпуска, чтобы они побольше времени проводили в своих кочевьях, со своими женами и способствовали численному росту своего потомства.

Омейяды, как типичные представители арабской родовой аристократии, не вмешивались в общественное производство покоренного населения. Они вполне удовлетворялись поступавшими в их казну податями и таможенными сборами, получая помимо этих поступлений большие доходы от своих земельных владений. Правда, иногда они проявляли интерес к состоянию системы искусственного орошения, но только ради повышения налоговых поступлений в казну. В общем же заботы об общественном производстве и о воспроизводстве они всецело предоставили коренному населению. В распоряжении местного господствующего класса они оставили суд и полицию как орудия подчинения сирийских трудящихся масс. При арабском господстве особенно возросло общественное значение сирийского христианского духовенства. С падением византийского господства в Сирии прекратились преследования ипославных христиан, противников греко-византийского православия, а православное духовенство избавилось от засилья греческих князей церкви. Это, несомненно, улучшило положение различных местных церквей — монофизитов, несториан, маронитов и др. Кроме того, христианское духовенство сохранило судебные функции, выступало сборщиком податей со своей паствы и гарантом ее платежеспособности (а это усиливало его влияние и приносило ему доходы), ведало школами. Монастырям арабо-мусульманские власти предоставляли значительные податные льготы. Поэтому христианское духовенство в Сирии служило опорой господства Омейядов. Следует иметь в виду, что в то время многие христиане считали ислам не особой религией, а одной из христианских сект.

Омейяды пользовались популярностью среди сирийского коренного населения. Это объяснялось тем, что с их приходом к власти стало наблюдаться развитие производства и обмен в Сирии. Уже в правление Муавии,

который избрал Дамаск своей резиденцией и сделал его столицей Халифата. Сирия пользовалась преимуществами престольной провинции. Она была опоясана кордоном таможен, которые охраняли сирийские ремесла от конкуренции ремесленных изделий, ввозимых из других стран Халифата. В то же время продукция развитого сирийского ремесла находила сбыт в Ираке и Иране, доступ в которые не встречал препятствий после ликвидации ирано-византийской границы.

Говоря об экономическом развитии Сирии при Омеядах, следует признать, что оно было довольно относительным. Действительно, культурные площади в этой стране были гораздо более обширными, чем, например, при турецком господстве в XVI—XIX вв. Однако представлять это как всестороннее процветание (см. А. Ламменс) нет никаких оснований. Известно, что уже при Суфианидах сирийское население периодически страдало от голода, который наряду с эпидемиями приводил к массовой гибели населения, особенно в городах. Причины периодически наступавших голодных лет еще не выяснены. Но хорошо известно, что аппарат выкачивания податей действовал бесперебойно, причем ни уровень производства, ни экономическое положение населения в расчет не принимались.

Способы эксплуатации земледельческого населения Сирии при Суфианидах оставались такими же, как и в период завоеваний. Наплыв, рабов, поступавших с театров военных действий, предоставлял дополнительные возможности для обогащения арабской аристократии, но, видимо, не способствовал быстрому развитию сельскохозяйственного производства. К тому же развитие феодальных отношений после арабских завоеваний замедлилось, даже временно приостановилось.

Служба в войске была обязанностью и привилегией арабов, не только мусульман, но и христиан. За эту службу они получали из халифской казны денежное жалованье и материальное довольствие, вполне обеспечивавшие их существование. Для содержания большого войска из кочевых племен и личного состава военно-морского флота на складах собирались обильные запасы, создававшиеся за счет натуральных податей. К ремеслам арабы относились с пренебрежением, считая их занятием рабов. Все отрасли ремесленного производства остава-

лись в руках податного коренного населения, находившегося в положении зиммиев. Оно же занималось торговлей, ростовщичеством и другими денежными операциями, а также поставляло служащих в государственный аппарат и в фискальные учреждения. Делопроизводство по-прежнему велось на греческом языке.

Арабы еще не имели своей интеллигенции. Людьми свободных профессий и интеллектуального труда — архитекторами, врачами, секретарями, специалистами по землепользованию и ирригации — были исключительно выходцы из коренного населения. Наряду с христианами среди них были иудеи, тоже пользовавшиеся свободой вероисповедания. Это были евреи, отдаленные предки которых поселились в Сирии во время диаспоры. Большинство их занималось различными ремеслами, а некоторая часть — торговлей.

Сирийцы, принявшие ислам и оказавшиеся в положении мавали, обслуживали арабскую аристократию. Грамотный маула, пользовавшийся доверием своего патрона, мог не без выгоды служить у него в качестве секретаря, казначея, домоуправителя, управляющего имением.

Большую роль в производстве — и не только в ирригационном земледелии — играли рабы. Много рабов было занято в ремесле. Широкое распространение получило оброчное рабство в условиях которого раб жил и работал вне дома своего владельца и лишь регулярно вносил ему денежный оброк (дарибя).

Положение рабов и крестьян, видимо, не ухудшилось по сравнению с тем, в каком они находились при византийском господстве. Во всяком случае до нас не дошли сведения о каких-либо восстаниях трудящихся масс в Сирии при Суфианидах. В частности, хариджиты, весьма активно действовавшие в то время в Ираке и Иране, не обрели массовой поддержки среди крестьянства и городского плебса в суфианидской Сирии. Халифы чувствовали себя здесь достаточно прочно. Они располагали вполне надежными и боеспособными вооруженными силами, какими были преданные им кельбитские племена. Кроме того, Суфиаидов поддерживали местные землевладельцы, богатое купечество, греко-сирийская интеллигенция, верхний слой ремесленников и христианское духовенство.

Арабо-византийские отношения. При Суфианидах

арабские племена продолжали завоевательные действия в Закавказье, Средней Азии и Восточном Иране. Но они не оказывали непосредственного влияния на положение дел в Сирии. Арабские вооруженные силы, находившиеся в этой стране, были нацелены на борьбу с соседней Византией. Малая Азия превратилась в арену постоянных арабских набегов, имевших грабительский характер. Почти каждое лето арабские подвижные отряды предпринимали более или менее глубокие вторжения в Малую Азию не только в поисках добычи, но и с целью овладеть ближними подступами к Константинополю. Муавия I в качестве основной задачи своей внешней политики ставил захват этого великолепного города. В 668 г. арабы впервые появились на азиатском берегу Босфора. Зимние холода при отсутствии теплой одежды, острый недостаток продовольствия, чума и дизентерия опустошали арабский лагерь. Из Сирии были направлены свежие подкрепления под командованием Иазида, сына халифа. Арабы приступили к осаде византийской столицы. Но взять Константинополь, являвшийся в то время первоклассной крепостью, они, не имея осадной техники, не смогли. Летом 669 г. осада была снята. В 673 г. арабы предприняли второй, гораздо лучше подготовленный поход на Константинополь. На этот раз сухопутное войско сопровождал сирийский военный флот, и византийская столица была блокирована с суши и моря. Осада затянулась на целых пять лет и была снята после разгрома арабского флота греками.

Сирийско-арабский флот был создан Муавией, который ясно понимал необходимость его постройки для обороны побережья. При полном господстве византийского флота в восточном Средиземноморье оно находилось под постоянной угрозой с моря. Кроме того, создание (вернее, восстановление) сирийского флота отвечало интересам влиятельной группировки местного купечества, занимавшегося морской торговлей с Западной Европой. Однако строительству флота в Сирии решительно противодействовал халиф Омар, который, как говорили, считал недопустимым доверять души мусульман плавающим мокрым доскам. К постройке флота приступили лишь при халифе Османе, когда Муавия стал безраздельным хозяином Сирии. Кораблестроителями были опытные в этом деле жители ливанского по-

бережья, потомки древних финикийцев. Из них же комплект-овались экипажи, поступавшие под командованием местных капитанов. Ливанский кедр служил великолепным строительным материалом.

Арабский десант, высаженный с сирийских кораблей, захватил Кипр. Во время второго похода на Константинополь сирийскому флоту удалось проникнуть до Босфора и Золотого Рога. В дальнейшем он держал византийские корабли на почтительном удалении от берегов Сирии и Египта.

Отношения Сирии с другими странами Халифата. При Муавии I Халифат не был единым государством с централизованным управлением. Военачальники и наместники областей действовали совершенно бесконтрольно. Правда, эти представители родовой аристократии арабских племен, назначаемые халифом на высокие посты, исправно присылали в Дамаск пятую часть военной добычи и податей. Из оставшихся четырех пятых большую часть они, конечно, присваивали себе. Египет был отдан в полное распоряжение Амра ибн ал-Аса, которому приписывали такое циничное заявление: «Я не намерен держать за рога корову, чтобы ее доил другой». С Ираком дамасскому халифу пришлось вести настоящую войну. Действовавшие там шииты и хариджиты не признавали его власти. Шииты, опиравшиеся на арабские племена, поддерживавшие Али, признавали своим верховным руководителем, имамом, его сына Хасана, мать которого, Фатима, была дочерью пророка Мухаммеда. Муавию они считали узурпатором, преступным захватчиком верховной власти. В свою очередь Муавия не признавал Али халифом и предписал проклинать его в мечетях.

Европейские востоковеды нередко характеризуют шиитов как мусульманских «легитимистов», так как они рассматривали как законных государей только прямых потомков пророка. Муавии без труда удалось устранить с политической арены похотливого ханжу Хасана, который не проявлял ни желаний, ни способностей вести борьбу с халифом. Муавия гарантировал этому шиитскому имаму достаточно большие поступления с савафи в Ираке, и он ушел в «частную жизнь».

Хариджиты нашли широкую социальную базу в Ираке и Иране и вели непримиримую борьбу ради осуще-

ствления своих демократических принципов. Они не признавали авторитета ни дамаского халифа, ни шиитского имама. В своей борьбе они часто применяли террористические методы. Вероятно, по этой причине Муавия за свое 20-летнее халифство ни разу не посетил Ирак. Хариджиты становились особенно опасными, когда их поддерживали не только мусульмане, но и иноверческие трудящиеся массы.

Наместники Муавии в Ираке и Иране проводили такую же политику, какую он проводил в Сирии. Они пытались привлечь на сторону Омейядов коренное население, особенно мавали, и подняли дисциплину в арабских племенах, с помощью которых вели борьбу с хариджитами. Наместником Муавии в Ираке был Зийад ибн-абихи, выходец из таифского племени сакиф, с которым мекканский род омейя еще в доисламские времена состоял в тесных экономических и политических отношениях. Отец Зийада не был точно известен. Поэтому его в насмешку называли Зийад ибн-абихи, что значит Зийад, сын своего отца. Людская молва приписывала его отцовство знаменитому Абу Суфиаиу, отцу Муавии. Оценив выдающиеся ум и характер этого человека, удачно выполнявшего ответственные поручения халифа Али, Муавия официально признал его своим братом. Этим актом он превратил Зийада в одного из своих наиболее преданных и исполнительных сторонников. Он был назначен наместником в Басру, затем под его управление были отданы также Куфа и все восточные страны Халифата. Пользуясь полной самостоятельностью в управлении и безграничным доверием Муавии, он стал фактически соправителем дамаского халифа. Он располагал значительными вооруженными силами арабских племен, обосновавшихся в Иране, умело использовал поддержку мавали и бездеятельность шиитов. Он управлял подвластными ему странами, используя местные силы и средства и не прося военной помощи из Сирии. Впоследствии это вызывало удивление у преемников Муавии.

Скрытая оппозиция Омейядам гнездилась в мусульманских священных городах — в Мекке и особенно в Медине. Эти города стали пристанищем для «сподвижников» Мухаммеда и их ближайшего потомства, которые были оттеснены от участия в политической жизни арабской родовой аристократией. Кроме того, с перемеще-

нем столицы Халифата в Дамаск, при экономическом и политическом преобладании завоеванных стран в этом обширном государстве, Хиджаз сохранил только религиозное значение. Еще оставшиеся в живых мухаджиры и ансары, не имея иных занятий, предавались делам благочестия в надежде на вкушение райских наслаждений. Свой невольный досуг они заполняли выполнением религиозных обрядов, чтением Корана и собиранием материалов о жизни и деятельности пророка. Последнее занятие приобретало большой социально-политический смысл и значение. Наиболее предпочитаемыми поставщиками преданий о жизни Мухаммеда, облакаемых в отдельные рассказы (хадисы), выступали его вдовы, соратники и современники. Первоначально эти предания, впоследствии составившие объемистые сборники сунны, хранились (как в свое время Коран и произведения доисламской поэзии) в памяти людей. Собиратели и знатоки хадисов сообщали их своим ученикам путем устной передачи, и лишь через некоторое время немногие грамотные ученики стали записывать их.

«Сподвижники» пророка и их преемники проявляли определенно выраженную тенденцию выдавать себя за безусловно правоверных мусульман, хранителей истинного вероучения, строго следующих жизненным правилам, установленным пророком. Они противопоставляли себя Омейядам, усвоившим в культурной Сирии такой образ жизни и такие взгляды, которые в глазах мединских правоверов делали их сомнительными мусульманами. Эта неприязнь к Омейядам отразилась, конечно, и в начальной сунне. Ее создатели считали себя людьми незаслуженно обойденными, чем они были очень обижены. Впоследствии представители мединской «школы» священного предания перебрались в Ирак, где и была разработана (уже при Аббасидах) ортодоксальная сунна.

Таким образом, хиджазские правоверы выковывали идеологическое оружие против Омейядов и были готовы применить его при подходящем случае.

Выступление Хусейна и его гибель. После смерти Муавии в 680 г. халифом стал его сын Йазид, который еще при жизни отца был объявлен наследником престола. Чтобы добиться этого, Муавии пришлось пустить в ход угрозы и обещания. Тем не менее мединская оппо-

зия не желала считаться с этим. Она не признавала наследственной передачи власти и факта установления новой династии. Но для сирийских арабов, мнение которых в данном случае было особенно веским, передача верховной власти по наследству не представляла ничего необычного. Ведь до ислама они подчинялись своим малякам из династии Гассанидов.

Халиф Иазид I, будучи питомцем арабо-сирийской культуры, с презрением относился к правоверным жителям мусульманских священных городов и пренебрегал предписаниями Корана. Его воспитателем был ал-Ахтал, выдающийся арабский поэт того времени, происшедший из христианского племени таглиб. Сам Иазид был поэтом, любителем псовой и соколиной охоты, ценителем музыки, пения и танцев. Он пил вино и один и в веселой компании своих многочисленных собутыльников. Он ценил городской комфорт и жил в роскоши, подобно какому-нибудь византийскому вельможе, крупному землевладельцу или наместнику большой провинции. О пустыне и бедуинских кочевьях он, как и все члены его рода, вспоминал только во время очередной эпидемии чумы. Эта повальная болезнь не проникала в становища и на пастбища кочевников. Поэтому в «черные» месяцы и годы омейядские халифы и эмиры покидали Дамаск и искали спасения от смерти в Сирийской пустыне.

Вступление йазидов на халифский престол правоверные жители священных городов встретили глухим недовольством. Конечно, оно было вызвано не нарушением весьма условного принципа выборности халифов. Основная причина заключалась в том, что с установлением наследственной власти Омейядов «сподвижники» пророка и их многочисленные потомки окончательно теряли надежду на получение высоких должностей и крупных доходов. Поэтому из среды этих правоверов вышли претенденты на верховную власть, которой они решили добиться путем восстания и вооруженной борьбы.

Первым выступил Хусейн, второй сын Али и Фатимы, внук Мухаммеда. После смерти своего старшего брата Хасана, умершего в 669 г., в правление Муавии, он, видимо, полагал бессмысленным открыто выражать претензии на верховную власть. Он мирно проживал в Медине, по соседству, как он говорил, с дорогой ему мо-

гилой деда-пророка. Получив известие о смерти Муавии и не желая присягать его преемнику, он переселился в Мекку, под покровительство «дома Аллаха», т. е. Каабы. Там его посетили представители шиитов из Куфы, которые обещали поднять восстание в его пользу, если он прибудет в их город. Родственник Хусейна, посланный им в Куфу для подготовки восстания, получил много обнадеживающих заверений от жителей этого большого города. Однако они оставили его без поддержки, когда на него напал вооруженный отряд, посланный местным омейядским наместником Убейдаллахом, сыном Зийада, нареченного брата Муавии.

Известие об убийстве своего агента Хусейн получил на пути из Мекки в Куфу, куда он направлялся с небольшим отрядом, состоявшим из родственников и личных приверженцев. Численность этого отряда не превышала 300 человек. Против него Убейдаллах ибн Зийад выслал более значительные вооруженные силы, которые окружили отряд Хусейна и истребили его при местечке Кербела в 680 г. В европейской литературе это событие часто называют «трагедией Кербелы». В представлении последующих шиитов, павший в этом безнадежном сражении Хусейн стал их великомучеником, а месяц мухаррам, в котором произошло это сражение, стал ежегодно отмечаться ими как время траура, поста и скорби.

Война в Аравии. Мединские «сподвижники» пророка сочли смерть Муавии весьма подходящим случаем, чтобы освободиться от господства Омейядов. На своем собрании в мединской главной мечети они отказались признать йазидов законным халифом. Последний немедленно направил в Хиджаз сирийские карательные отряды, в составе которых выступило ополчение из племени таглиб. При командире этого ополчения несли хоругвь с изображением св. Сергия, считавшегося патроном племени¹⁰. Мединцы выступили из своего города навстречу приближавшемуся противнику и потерпели поражение в «битве в харре».

Подчинив Медину, сирийское войско двинулось на Мекку, где засел Абдаллах ибн аз-Зубейр, сын того аз-Зубейра, который в свое время совместно с Аишей неудачно выступал против Али, претендуя на обладание

¹⁰ Н. Lammens, *La Syrie...*, vol. I, p. 73.

верховой властью в Халифате. Абдаллах унаследовал претензии своего отца, надеясь на поддержку жителей священной земли ислама. В Мекке он рассчитывал обрести полную безопасность, так как это харам, который, согласно Корану, Аллах сделал безопасным. Но для сирийского войска представления и предписания мусульманской священной книги имели весьма относительное значение. Мекка была окружена сирийцами и подвергнута обстрелу из кампеметательных орудий, установленных на окружавших город холмах (джибал). Священный город и его жители сильно пострадали от камнеметаний и пожаров; огонь не пощадил и Каабу. Но казавшееся неминуемым падение Мекки было отсрочено благодаря событиям в Сирии.

В 683 г. умер халиф Иазид и сирийское войско ушло из-под Мекки, чтобы принять участие в событиях, развертывавшихся в Сирии. В Дамаске после смерти Йазида халифом был провозглашен его сын Муавия, человек молодой (ему едва исполнилось 20 лет), болезненный и нерешительный, проявлявший полную беспомощность в делах государственного управления. Кайситы, дислоцированные в Сирин, отказывались приносить ему присягу и проявляли склонность к признанию Абдаллаха ибн аз-Зубейра, объявившего себя халифом в Мекке. Этого мекканского конкурента дамасского халифа признавали не только в Аравии, но и в Ираке. Арабские племена, находившиеся в Иране, Средней Азии и Закавказье, тоже были готовы признать его. Только сирийские кельбиты полностью связали свою судьбу с династией Омейядов. Кайситы же были крайне недовольны тем предпочтением, которое Муавия I и его преемник оказывали кельбитам, поставив их в привилегированное положение.

В 683 или 684 г. халиф Муавия II, ничем себя не проявивший, умер от чумы. После его смерти сирийское войско, вернувшееся из Аравии, выдвинуло и поддержало кандидатуру Мервана ибн ал-Хакама, который и был провозглашен халифом в Джабии на собрании сторонников Омейядов. Сирийские кельбиты вступили в вооруженную борьбу с кайситами и нанесли им сокрушительное поражение в сражении на равнине Мардж Рахит, к северо-востоку от Дамаска. В результате этой победы кельбиты сохранили за собой прежнее привилегированное положение.

Халиф Мервай, основатель династии Мерваннов, являвшихся младшей линией Омейядов, получил плохую известность еще в правление халифа Османа, при котором он был фактическим правителем государства. При Муавии I и йазиде он занимал положение их наместника в Хиджазе, будучи главой и представителем членов рода омейя в этой стране. Вместе со своими сородичами он бежал из Хиджаза в Сирию, когда в Медине вспыхнуло восстание против Йазида. Став халифом, он женился на одной из вдов йазида, чтобы установить родство со старшей линией династии. Приблизительно через год, по некоторым сведениям, эта новая жена задушила его, когда он отказался объявить ее сына наследником престола; по другим данным, он умер от чумы.

После него правили халифы Абд ал-Мелик (685—705) и Велид I (705—715). При них произошли крупные завоевания и были проведены важные реформы.

Восстановление власти Омейядов в Аравии и Ираке. При вступлении Абд ал-Мелика на халифский престол под властью Омейядов находились только Сирия и Египет. Население Западной и Центральной Аравии, Ирака и зависевших от него восточных областей Халифата подчинялось власти мекканского халифа Абдаллаха ибн аз-Зубейра. В европейской научной литературе его принято называть «антихалифом», но такое название обязательно только для сторонников омейядского легитимизма. На самом деле, как и в последний год правления Али, одновременно правили два халифа (один в Дамаске, другой в Мекке), и их приверженцы вели ожесточенную междоусобную войну.

Стремясь воспользоваться смутным положением в Сирии, военачальники Ибн аз-Зубейра проявили повышенную активность. В Ираке они обратили в бегство войска омейядского наместника Ибн Зийада, который пал в сражении. В Южную Палестину неоднократно вторгались крупные вооруженные отряды, которые посылал сюда мекканский халиф. Войска византийского императора Юстиниана II, действовавшие в Киликии, создавали непосредственную угрозу Северной Сирии. Подстрекаемые византийским военным командованием мардаиты (о них говорится ниже) предприняли набег на Внутреннюю Сирию. В Дамаске вспыхнуло восстание рабов. Они, как пишет Масуди, совместно с «подонками»

местного населения и «злоумышленниками» выступили против столичных жителей, а затем расположились на горе под Дамаском. Заключенные вышли из дамасских тюрем и создали дополнительную угрозу мирным жителям. Конные бедуины из кайситов предпринимали грабительские налеты в районах Химса, Баальбека и Бнкаа.

Враждебные отношения с Византией привязывали лучшие омейядские войска к северной границе. Чтобы избавиться от византийской угрозы и получить свободу рук, Абд ал-Мелик сделал византийскому императору незначительные территориальные уступки и обязался платить ему дань. Улучшение отношений с Византией вызвало ослабление активности мардаитов. Мардаиты - это горцы неизвестного происхождения, которые, будучи христианами, сражались на стороне Византии в период арабских завоеваний в Малой Азии. В 60-х годах VII в. они проникли в наименее доступные районы горного Ливана и поселились там. Арабы называли их джараджима, по названию их города. Мардаиты охотно предоставляли убежище всем тем, кто бежал в ливанские горы от податных тягот и преследований завоевателей из равнинных областей Сирии. Пользуясь содействием византийского военного командования, которое время от времени снабжало их золотом и оружием, а иногда присылало к ним военных инструкторов, мардаиты предпринимали набеги на равнинную Сирию, а временами их подвижные отряды проникали в Палестину.

f При арабо-византийских дипломатических переговорах послы дамасского халифа особенно настойчиво добивались отказа византийского правительства от оказания помощи мардаитам. В то же время халиф Муавия I бывал вынужден платить золото предводителям этих воинственных горцев, чтобы откупиться от их набегов. Такой же тактики придерживался и Абд ал-Мелик. В начале VIII в. часть мардаитов выселилась в византийские пределы, а остальные слились с ливанскими христианами-маронитами.

В Ираке, на обладание которым претендовал мекканский халиф Ибн аз-Зубейр, наместником был его брат Мусаб ибн аз-Зубейр. Однако его власть была весьма относительной. Его наиболее боеспособные части были

целиком поглощены борьбой с хариджитами. Эти непримиримые сектанты продолжали действовать с присущим им упорством и свирепостью. Они не признавали авторитета ни того, ни другого халифа и ни одного из шиитских имамов. Особенно жуткую известность среди мирного населения приобрели своими кровавыми «подвигами» азракиты, составлявшие самую крайнюю подсекту хариджитов. Эти оголтелые фанатики вели «священную» войну против всех, кто не исповедовал их изуверского учения. Всех инаковерующих они считали необходимым не только отлучать от мусульманской общины, но и истреблять. При осуществлении этого жестокого требования они не делали исключения и для детей, утверждая, что плохое дерево не приносит хорошего плода. Азракитские отряды вызывали страх и ненависть в Южном Ираке и в соседнем Хузистане. Напряженная борьба Мусаб с хариджитами облегчила Абд ал-Мелику завоевание Ирака.

Иракские шииты тоже проявляли значительную активность, хотя и не были так непримиримы, как азракиты. Обретя широкую социальную базу в Куфе, они достигли крупного, но преходящего успеха. Сакифиг Мухтар, назначенный мекканским халифом на должность правителя Куфы, объявил себя сторонником Мухаммеда ибн ал-Ханафии, одного из сыновей халифа Али. В то время многолюдная Куфа была местом наибольшего скопления шиитов. Отказав в подчинении Ибн аз-Зубейру, Мухтар обещал многочисленным мавали, т. е. ограниченным в правах неомусульманам, предоставить полное экономическое и общественное равноправие. Благодаря этому его силы настолько возросли, что он смог оттеснить войска наместника мекканского халифа на юг, в район Басры. Он объявил Мухаммеда ибн ал-Ханафию шиитским мессией (махди), который должен был выступить преобразователем существующего строя неравенства и угнетения. Но за время непродолжительной деятельности Мухтара (685—687) никаких заметных изменений в существующем строе не произошло. Это вызвало отход от него мавали. Лишенное их поддержки, движение пошло на убыль. Приверженцы Мухтара были оттеснены Ибн аз-Зубейром в Куфу, где большая часть их была перебита после отчаянного сопротивления.

В 691 г. в Куфу вступило войско Абд ал-Мелика. С этого времени подчинение Ирака Омейядам было завершено. Но оно было также весьма относительным, так как хариджиты продолжали упорно сопротивляться. В следующем году возобновились военные действия в Хиджазе, население которого находилось под властью Ибн аз-Зубейра. Пребывая в Мекке, он и после потери Ирака продолжал считать себя халифом и требовал, чтобы мусульманские паломники по прибытии в «святую землю ислама» приносили ему присягу. Чтобы лишить своего конкурента возможности вести пропаганду среди мусульман вне Аравии, Абд ал-Мелик предписал им совершать паломничество вместо Мекки в Иерусалим.

Против Мекки было направлено войско, набранное из сирийских и египетских арабов, под командованием Хаджжада ибн-Йусуфа. Это войско после пятинедельной осады взяло Мекку штурмом. Ибн аз-Зубейр, видя полную невозможность сопротивления, когда враги ворвались в город, обратился за советом к своей матери. Это была дочь халифа Абу Бекра, сестра Аиши. Несмотря на преклонный возраст (ей уже исполнилось 100 лет), она вполне сохранила умственные способности, у нее были целы все зубы и седина еще не затронула ее волос.

По совету этой старухи мекканский халиф храбро погиб у Каабы, сражаясь с наседавшими на него сирийскими воинами. По приказу Хаджжада голова убитого была послана Абд ал-Мелику в Дамаск, а тело распято.

Правление Хаджжада в Ираке. Для окончательного подчинения Ирака власти омейядского халифа необходимо было искоренить хариджитскую крамолу и подавить шиитскую оппозицию. Эта богатая страна развитого ирригационного земледелия имела для арабской аристократии исключительное экономическое значение как обширная арена податной эксплуатации. Очень выгодным было также ее географическое положение. Через Ирак открывался доступ в Иран и в сопредельные с ним страны, где арабы продолжали вести завоевания и откуда в Сирию поступали обильная добыча и подати. Поэтому халиф Абд ал-Мелик назначил своим наместником Ирака Хаджжада, который был безраздельно предан его династии и в аравийской кампании против

Ибн аз-Зубейра проявил незаурядную энергию при полном пренебрежении к общепринятым предрассудкам и условностям.

Новый наместник прибыл в Ирак в 694 г. и до самой смерти в 714 г. оставался полноправным правителем восточных областей Халифата (подобно Зийаду ибн-абиhi при Муавии I).

Хаджжадж ибн Иусуф был уроженцем Таифа, происходил из племени сакиф. По преданию, в молодости он занимался преподаванием арабской грамматики в своем родном городе, а затем был зачислен в сирийское войско, где сделал блестящую карьеру. Интересы к филологии он не утратил до конца жизни. Уже будучи всесильным наместником Ирака, он в сотрудничестве с таифскими грамотеями занимался редактированием Корана. Ему приписывают проведение важной реформы в арабской письменности — введение диакритических точек и надстрочных и подстрочных знаков (харакат). Он был также большим любителем, ценителем и собирателем арабского фольклора.

Его первое публичное выступление в Куфе многие тогдашние арабы считали выдающимся образцом ораторского искусства. Прибыв в Куфу в сопровождении 2 тыс. сирийских (кельбитских) воинов, он сразу направился в мечеть, где в ожидании нового наместника собрались представители местного населения. Мечети в средние века служили не только местом богослужения, но и своего рода форумом, на которых оглашались распоряжения и предписания властей. Поднявшись на кафедру проповедника (мимбар), он выступил со своеобразной декларацией, пересыпая свою речь стихами, как было принято у арабских ораторов того времени. Он заявил, что жителей Куфы, как нечестивцев и смутьянов, он обдерет как липку, скрутит и будет бить их, как бьют палками ветви салама, пока не осыплются листья, будет ударять по ним, как ударяют по кремню, высекая огонь, будет бить их, как бьют бродячего верблюда, попавшего в чужое стадо. Себя же он определил как мужа, которого не сдавишь, как давят под прессом фиги, и которого не испугаешь, громыхая пустыми бурдюками. Он имел в виду обыкновенные бедуинов подгонять пугливого верблюда, ударяя рукой по высохшему пустому бурдюку.

В ответ на громкий ропот и гневные выкрики своих слушателей он заявил, что заранее видит, как течет кровь по тюрбанам и бородам многих из них.

Правление Хаджжаджа в Ираке было проявлением ничем несдерживаемого кровавого террора. «Хаджжадж—это не случайность,—писал А. Ю. Якубовский,—или Хаджжадж с его суровой, жестокой рукой, или Ирак, который в любой момент может опрокинуть Омейядов с их политикой»¹¹. Иногда казни совершались круглосуточно, так как не хватало палачей, чтобы в течение дня отрубить головы всем приговоренным к смерти. Современники подсчитали, что за 20 лет правления Хаджжаджа от рук палачей погибло не менее 130 тыс. мужчин и женщин. Тюрмы были переполнены, и в день его смерти в них томилось 50 тыс. мужчин и 30 тыс. женщин¹². Особенно сурово расправлялся этот беспощадный правитель с хариджитами, с полным основанием считая их самыми заклятыми врагами Омейядов. Военные экспедиции, снаряжавшиеся против хариджитов (особенно против азракитов), и кровавые расправы с ними вызвали уход этих непримиримых сектантов из Ирака в другие страны — в Иран, Аравию и Северную Африку. Хариджиты, оставшиеся в Ираке (преимущественно это были горожане), временно воздерживались от вооруженных выступлений, ограничив свою деятельность религиозной пропагандой. К концу VII в. азракиты сошли с политической арены. Среди хариджитов образовалась умеренная подсекта ибадитов, приверженцы которой не беспokoили иракского наместника непрерывными восстаниями.

Хаджжадж и его администрация своей основной задачей ставили перекачивание богатых ресурсов Ирака в Сирию. Чтобы держать Ирак на положении оккупированной страны, в него посылались значительные контингенты сирийских войск, которые принимали наиболее активное участие в подавлении восстаний иракского населения. По распоряжению Хаджжаджа в Ираке была построена крепость Васит («Срединный»), где расквартировывались сирийские войска. Такое название крепость получила потому, что она находилась приблизительно на одинаковом расстоянии от Куфы и Басры.

¹¹ См. «Труды Первой сессии арабистов», М.—Л, 1937, стр. 29.

¹² Там же.

Стремление увеличить доходы, поступавшие из Ирака в Сирию, побудило Хаджжаджа позаботиться о воспроизводстве. По его распоряжению в целях расширения посевных площадей крестьяне и рабы прокладывали новые и восстанавливали заброшенные каналы, возводили дамбы и осушали болота. Помимо местной рабочей силы на осушке болот и очистке солончаков стал применяться труд чернокожих рабов — зинджей, ввозившихся работорговцами из Восточной Африки. Чтобы сдерживать приток сельских жителей в города, где они увеличивали численность потенциальных повстанцев, и в целях борьбы с бродяжничеством особые отряды ловили крестьян, покинувших свои деревни, клеймили их и отправляли на место прежнего жительства. Клеймению иногда подвергали также крестьян, проживавших в своих деревнях, чтобы предупредить их возможное бегство. Такие меры проводились в целях обеспечения сельского хозяйства рабочей силой и сохранения наибольшего числа плательщиков податей, выполнявших сверх того трудовые повинности. Земледельцам было запрещено продавать своих буйволов, этот наиболее распространенный живой инвентарь.

Ту же цель — увеличить поступления в халифскую казну — преследовала налоговая политика Хаджжаджа. Согласно приписываемому ему «закону 700 года», иракские мусульмане-неарабы перестали пользоваться освобождением от уплаты подушной подати (джизьи). Это вызвало крайнее недовольство многочисленных мавали, проживавших главным образом в Куфе и Басре. Сельское население этот закон затронул меньше, так как большинство крестьян при Омейядах продолжало исповедовать свои прежние религии (большой частью зороастризм).

Недовольство населения двух крупнейших иракских городов бурно проявилось уже в следующем, 701 году, когда произошло восстание войска Ибн ал-Ашаса. Этот военачальник был послан в Афганистан во главе красиво обмундированного «павлиньего войска». Это войско, сформированное в Куфе и Басре, ответило активным недовольством на требование Хаджжаджа форсировать боевые действия в трудных условиях горной местности. Под командованием ал-Ашаса оно повернуло обратно в Ирак, разбило высланные халифом подкрепления и по-

дошло к Басре, население которой приняло его с распростертыми объятиями. Тем временем в Ирак прибыли новые войска под командованием кельбитского военачальника. Они отбросили мятежников, ряды которых пополнились многими басрийцами, в направлении к Куфе. Над жителями Басры Хаджжадж учинил жестокую расправу. По слухам, он истребил около 11 тыс. человек. Между тем войско ал-Ашаса, к которому опять, примкнули большие отряды басрийцев и куфинцев, возросло до 100 тыс. бойцов. Халиф Абд ал-Мелик предложил прекратить борьбу, обещая помилование всем мятежникам. Но последние решительно стояли за продолжение борьбы против «врага бога и людей», т. е. Хаджжаджа, и его повелителя. На этот раз войско ал-Ашаса, несмотря на отчаянное сопротивление, было дважды разбито и рассеялось.

Мероприятия Абд ал-Мелика и Велида. С именем Абд ал-Мелика обычно связывают проведение «реформ», которые выразились во введении арабского языка в канцелярское делопроизводство и чеканке монет с арабскими надписями. До этих «реформ» делопроизводство в фискально-податных учреждениях велось па местных (греческом, персидском и коптском) языках финансовыми служащими из покоренного населения. При Омейядах управление населением выражалось во взимании податей, пошлин, штрафов и контрибуций, в учете и распределении военной добычи, а также в вооруженном подавлении активного протеста населения. Заботу о воспроизводстве арабские власти иногда проявляли (как, например, в Ираке при Хаджжадже) только ради повышения палогоплатежности трудящегося крестьянства.

Введение арабского языка как орудия административно-финансового управления знаменовало стремление арабской аристократии возглавить аппарат государственного управления. Введение делопроизводства и отчетности на ее родном языке предоставляло ей полную возможность контролировать деятельность финансового ведомства. Это мероприятие было осуществлено в правление Абд ал-Мелика и Велида I. Оно не привело к смене личного состава служащих, так как арабы не стали сидеть в канцеляриях. Но среди ближайших потомков покоренного населения уже имелось немало писцов, вполне освоивших язык и письменность завоевателей. Для си-

рийских арабов этот язык был родным, и уже при Муавии I встречались сирийцы, преподававшие арабский язык и словесность детям арабов-завоевателей.

Другим мероприятием являлось введение единой денежной системы во всем обширном Халифате. Находившиеся в обращении византийские золотые и иранские серебряные монеты были заменены арабскими деньгами-золотыми динарами (около 5 руб. каждый) и серебряными дирхемами (по 25 коп.). На этих монетах после мусульманской формулы веры указывалось, при каком халифе и в каком городе чеканена данная монета. Монетные дворы были не только в столице, но и в других крупных городах, служивших резиденциями арабских наместников.

Введение новой денежной системы свидетельствовало о развитии торгово-экономических отношений между отдельными странами Халифата. В то же время это мероприятие выражало стремление правившей династии к централизации и упорядочению налогово-податного аппарата. Правда, централизация в Омейядском халифате могла быть только весьма относительной. Византийское правительство на введение новой денежной системы реагировало открытием военных действий против Халифата, так как хождение в нем византийского золота могло создавать иллюзию политической зависимости этого государства от Византии.

Завоевания при Мерванидах. В правление Абд ал-Мелика начался второй крупный этап арабских завоеваний. Еще при Суфианидах арабские завоеватели проникли в Тунис (за которым еще сохранялось старое римское название «Африка», принявшее у арабов форму «Ифрикия») и в 670 г. основали укрепленный лагерь Кайруан. Упорно сопротивлявшиеся берберы оттеснили арабов и в 685 г. взяли и разрушили этот важный опорный пункт арабов. Еще ранее, в 683 г., погиб попавший в засаду арабский военачальник Окба ибн Нафи, под командованием которого арабская кавалерия предприняла глубокий рейд в Магрибе. Впрочем, вполне возможно, что этот «поход Окбы» является сказанием, только весьма отдаленно напоминающим историческое событие.

Реальное завоевание Северной Африки происходило в конце VII и начале VIII в., после того как сирийские войска дамасского халифа одержали победу над сторон-

никами Ибн аз-Зубейра и восстановили господство Омейядов в Ираке. Берберы оказывали упорное сопротивление завоевателям. Впоследствии оно было персонифицировано в образе берберской предводительницы Калины. Можно полагать, что эта -представительница родовой знати (возможно, выступавшая в роли ведуньи-предсказательницы, которую арабы называли «кахина» — жрица) возглавила сопротивление берберов-кочевников. По ее распоряжению эти кочевники вытоптали посевы, вырубали древесные насаждения и завалили колодцы, чтобы создать пустынную зону как защиту от арабского нашествия. Возможно, это было сделано по совету византийцев, которые безуспешно пытались применить такой же прием в Северной Сирии. Эта мера не могла остановить арабских бедуинов, давно привыкших преодолевать обширные пустынные пространства. Но она восстановила оседлых берберов против их кочевых соотечественников и окончательно превратила их в союзников завоевателей.

В самом конце VII в. (точную хронологию восстановить невозможно) арабские войска снова появились в Ифрикии (Тунисе), взяли Карфаген и приступили к восстановлению Кайруана. В первые годы VIII в. в Северную Африку прибыл арабский военачальник Муса ибн Нусейр, ставший первым наместником халифа в областях, которые в арабской географии получили название «Магриб», что значит «страны Запада».

Под командованием Мусы ибн Нусейра арабские войска завоевали весь Магриб, выйдя около 709 г. на побережье Атлантического океана. Конечно, это «завоевание» представляло собой ряд крупных набегов, сопровождавшихся непрочным подчинением отдельных берберских племен. Подчиненных берберов арабские завоеватели насильно (а следовательно, только формально) обращали в ислам. Такая политика спешного распространения религии завоевателей вызывалась стремлением использовать новообращенных в качестве вооруженной силы для завоеваний в Европе.

Весной 711 г. Муса ибн Нусейр направил на Пиренейский полуостров своего маула (возможно, бербера по происхождению) Тарика, выделив под его командование 300 арабов и 7 тыс. берберов. Предполагалось, что этот отряд, высадившись на полуострове, произведет глу-

бокую разведку на территории Вестготского (Визиготского) королевства. Но вследствие военной слабости вестготов, межфеодалной борьбы и расшатавших их государство социальных и религиозных противоречий разведка превратилась в крупное завоевание. В следующем году на Пиренейском полуострове (который арабы стали называть «Андалус») высадилось арабское войско под командованием самого Ибн Нусейра. Оно завершило завоевание Андалусии, установив арабское господство на большей части полуострова, вплоть до горной цепи, проходящей к северу от Толедо. По некоторым сведениям, еще нуждающимся в подтверждении, войска Ибн Нусейра, пройдя через Пиренеи, совершили набег на некоторые пункты в Южной Галлии.

Одновременно с обширными завоеваниями на Западе арабы вели активные военные действия в Средней Азии и на Среднем Востоке. Хорасан, завоеванный ими к 644 г., мог служить удобным плацдармом для вторжений в Мавераннахр, как арабы называли Трансоксанию, богатую страну древней культуры, расположенную между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей. В конце VII в. военные предприятия арабов в Мавераннахре имели характер военных набегов с целью захвата добычи, в частности пленных, обращаемых в рабство. Так, в 673—674 г. войско под командованием Убейдаллаха ибн Зийада, арабского наместника Ирака, форсировало Аму-Дарью, захватило и разорило Ротиман и окрестности Бухары. После ожесточенных сражений с объединенными силами тюрков и бухарцев этот арабский военачальник заключил мир с бухарской царицей-регентшей. Из этого похода арабы увезли в Хорасан много золотой и серебряной монеты, золотой и серебряной посуды, искусно сделанного оружия и высокосортных шелковых тканей, а также увели в рабство около 4 тыс. жителей. В 676 г. арабский наместник Хорасана, перейдя Аму-Дарью, подошел к Бухаре. Бухарская царица уплатила ему выкуп в 300 тыс. дирхемов. Не довольствуясь этим, арабский военачальник взял заложниками группу молодежи из бухарской знати, отправил ее в Аравию и, обратив в рабство, заставил работать в своих владениях. Хотя впоследствии его войско потерпело поражение под Самаркандом, тем не менее оно вернулось в Хорасан с пленными и добычей.

Завоевание Мавераннахра произошло в начале

VIII в., в правление халифа Велида I. Завоевателем этой богатой и культурной страны выступал крупный арабский военачальник Кутейба ибн Муслим, находившийся в подчинении у Хаджжаджа и выполнивший распоряжения этого всевластного правителя восточных провинций Халифата. Своим вероломством и жестокостью Кутейба приобрел у населения Мавераннахра весьма дурную славу. Его военные успехи объяснялись политической раздробленностью Мавераннахра, при которой наблюдалась хроническая междоусобная борьба местных владетельных феодалов; некоторые из них переходили на сторону арабских завоевателей, надеясь с их помощью возобладать над своими противниками.

Войско Кутейбы вступило в Мавераннахр в 706 г. и в течение десяти лет покорило эту страну. Ежегодно из Мерва и арабских военных лагерей в Хорасане на театр военных действий отправлялись свежие подкрепления, так как упорное сопротивление коренного населения причиняло арабам большие потери. При покорении Мавераннахра Кутейбе пришлось проявить не только свои стратегические, но и дипломатические способности. При этом он не брезговал ни предательством, ни вероломством.

В погоне за добычей (включая пленных и заложников) и податями Хаджжадж проводил завоевательную политику в Афганистане, Восточном Иране и Индии. Завоевав равнинный Афганистан, арабы взяли Кабул. В 708 г. войско под командованием Мухаммеда ибн Касима, правителя Кермана, двинулось в Синд, т. е. область Нижнего Инда. Численность этого войска не превышала 6 тыс. бойцов, но оно было снабжено хорошей осадной и штурмовой техникой; камнеметательные и стенобитные орудия перевозились в разобранном виде на верблюдах. Благодаря эффективному действию этой техники арабы взяли Дейбул, а затем сломили сопротивление защитников Мултана. Синд, в котором была захвачена огромная добыча, вошел в состав Халифата.

Омейяды и мавали. Реформы, проводившиеся при Абд ал-Мелике и Велиде I, выражали стремление Омейядов перейти от режима военной оккупации к упорядоченному управлению завоеванными странами и непосредственно руководить экономической и политической жизнью их населения. В связи с этим возникла необхо-

димось расширить социальную базу господства Омейядов, примирить с этой династией многие слои и группы подданных, которые имели основание быть недовольными существующим режимом. Наиболее активными противниками Омейядов выступали хариджиты. Вооруженная борьба с ними требовала постоянного применения крупных военных координированных сил. Немало сил и средств затрачивалось также на подавление политической оппозиции шиитов. Недовольными были и весьма многочисленные неомусульмане, т. е. люди из коренного населения, обратившиеся в ислам. Как правило, эти мусульмане-неарабы и после принятия ими религии завоевателей не могли улучшить свое имущественное и общественное положение.

В Омейядском халифате халифские наместники, управлявшие отдельными странами, проявляли ничем не ограничивавшийся произвол при податной эксплуатации населения. Предписание Корана (IX, 29) о взимании подати-джизьи только с зиммиев, а не с мусульман не получило практического применения. Как мы видели, Хадждадж в Ираке предписал взимать подати с неомусульман (закон 700 г.) наравне с иноверцами. Абд ал-Азиз, брат халифа Абд ал-Мелика, бывший наместником Египта в 685—704/5 гг., приказал собирать подать с неомусульман, а также обложил податью христианских монахов, которые ранее были освобождены от нее. Преемник этого наместника приказал клеймить всех уклонявшихся от уплаты подати и запретил хоронить покойников до уплаты числившихся за ними податных недоимок. Наместник Хорасана заявил, что принятие ислама не освобождает от уплаты поземельной подати. В Северной Африке принявшие ислам берберы были вынуждены платить такие же подати, какие взыскивались с их соотечественников-неомусульман.

Среди халифских правителей этих стран имелось немало поклонников и подражателей Хадждаджа, считавших кровавый террор наиболее результативным методом господства и управления.

Весьма активную политическую и культурную роль играли мавалы в Ираке. По языку и этнической принадлежности они были преимущественно персами. Их центром стала Куфа. Среди ее населения уже при «праведных» халифах не менее половины составляли персы, за-

нимавшиеся ремеслами и торговлей. Еще до возникновения ислама, в период джахилии, арабы применяли к жителям соседнего Ирака название «аджам», что означало «говорящие с трудом», «неправильно, плохо произносящие». По своему смыслу и употреблению это слово вполне соответствовало латинскому «варвар» или старорусскому простонародному «немец». У арабов оно приобрело также значение «немой» и даже «неодушевленный». В устах арабской аристократии при Османе и Омейядах слово «аджам» в применении к мавали являлось выражением презрения и пренебрежения к ним.

Как мы видели, мавали находились в неравноправном положении по сравнению с арабами и являлись объектом податной эксплуатации. Неравноправное положение мавали некоторые западные и восточные историки склонны рассматривать как результат высокомерия арабов, проявления их «национальной» гордости. На самом деле это неравноправие вызывалось сохранением арабской родо-племенной организации, в которую неараб не мог войти в качестве равноправного члена. Кроме того, арабы-завоеватели стремились оградить себя от смешения с покоренным населением, опасаясь раствориться в его массе. Поэтому женитьба маулы (равно как и любого другого иноплеменника, неараба) на арабке считалась преступлением, иногда каравшимся смертной казнью.

Мавали не пользовались равноправием с арабами-мусульманами даже при совершении религиозных обрядов. Они бывали вынуждены строить себе отдельные мечети, в которые арабы не заходили. Если же они молились вместе с арабами в мечети или на ее дворе, то им полагалось стоять в задних рядах, позади арабов. Многие арабы-мусульмане были убеждены, что молитвы мавали имели такое же сомнительное значение, как и молитвы ослов или верблюдов, если бы эти четвероногие могли молиться. Между тем мавали, многие из которых перешли в ислам из зороастризма или другой религии с развитым культом и обрядностью, выказывали гораздо больше религиозного рвения и благочестия, чем арабы-мусульмане, обычно не обращавшие особого внимания на обрядовые предписания ислама. Так, ортодоксальное мусульманское предание выдвигает в качестве примерного мусульманина первого века хиджры, маулу Хасана ал-Басри (ум. в 728 г.), сына раба, принявшего

ислам. По преданию, Хасан сверх положенных пяти молитв часто стоял на молитве большую часть дня и ночи; ноги у него распухали от частых коленопреклонений и простираний, глаза были красны от бессонницы; он имел такой испуганный вид, как будто его взор был устремлен на адское пламя.

По культурному уровню мавали, как наследники иранской и арамейской культуры, были неизмеримо выше ранних поколений арабов-мусульман. Это служило основанием для арабов использовать мавали там, где требовались грамотные люди — в учреждениях, в войске и в частных хозяйствах. Даже при халифе Омаре I далеко не все мавали получали выдачи из бейт ал-мал, а если и получали, то значительно меньше по сравнению с арабами. В правление Османа, когда захватывавшая земли арабская аристократия намеревалась превратить Ирак в «сад курейшитов», положение мавали резко ухудшилось. Поэтому они поддерживали восстания против этого халифа и стали на сторону Али, который зачислял их в свое войско.

Установление власти Муавии в Ираке вызвало восстание мавали в Куфе в 43 г. х. (663/64 г. н. э.). После подавления восстания дамаский халиф приказал переселить большое число мавали из Ирака в районы сирийского побережья и в Антиохию (Антакию). Но Зийад ибн-абихи, соправитель Муавии, учитывая значение и силы мавали, старался привлечь их на свою сторону. Такая политика обеспечила ему возможность управлять подведомственными ему провинциями, пользуясь только местными силами и не требуя военной помощи из Сирии. Но после его смерти иракские мавали охотно приносили присягу Ибн аз-Зубейру. Затем они поддержали неудачное восстание куфийского наместника Бишра ибн Мервана против его брата — халифа Абд ал-Мелика.

К Хаджжаджу, унижавшему и эксплуатировавшему мавали, они относились с ненавистью. Мавали упорно противились зачислению их в карательные отряды, направляемые против хариджитов. Особое сочувствие иракские и иранские мавали проявляли к шиитам. Они неизменно выказывали готовность поддерживать политические претензии Алидов, считая историческим фактом женитьбу Хусейна ибн Али на сасанидской принцессе, дочери последнего шахиншаха Йездигерда III. Основы-

ваясь на этом не вполне достоверном событии, они признавали потомков шиитского имама-«великомученика» законными наследниками и преемниками сасанидских государей независимого Иранского царства.

Среди мавали возникло движение «шуубийя», являющееся идеологической борьбой неарабских народов (главным образом персов) восточных провинций Халифата против арабской гегемонии. Сознывая свое культурное превосходство над арабами, персидские участники этого движения выдвигали требование об уравнивании в правах персов с арабами и даже о предоставлении преимущественного положения персам и другим культурным народам сравнительно с арабами.

Рост недовольства народных масс податным гнетом, нередко выражавшийся в восстаниях, побудил Омейядов принять меры, которые, по их мнению, могли бы примирить неомусульман с правящей династией. Проведение этих мер ведущие представители арабо-мусульманской историографии неразрывно связывали с личностью омейядского халифа Омара II (717—720), сына Абд ал-Азиза и племянника халифа Абд ал-Мелика. Арабоязычные историки и правоведы, враждебно относившиеся к Омейядам, выделяли Омара II как исключительную личность, отличающуюся выдающимся благочестием. По их представлению, этот «благочестивый» халиф, преисполненный «страха божьего», стремился управлять государством в строгом соответствии с предписаниями «Книги Аллаха» (Корана) и сунны его посланника.

Европейские буржуазные историки Халифата, восприняв в основном это мусульманское представление, изображают Омара II как благочестивого идеалиста и даже утописта, а проводившиеся в его правление мероприятия объясняют личными качествами, убеждениями и настроениями этого халифа. Ю. Вельхаузен, автор наиболее крупной и содержательной монографии по истории халифата Омейядов, также не свободен от влияния мусульманской традиции.

При таком состоянии источников и научной литературы о правлении Омара II исключительное значение приобретает исследование акад. В. В. Бартольда «Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности»¹³.

¹³ В. В. Бартольд, Халиф Омар II и противоречивые известия о его личности, — «Христианский Восток», т. VI, вып. 3, Пг. 1922.

В этой монографической статье, в которой исчерпывающе использованы арабоязычные источники, личность и деятельность Омара II представлены в исторически достоверном виде. Прежде всего В. В. Бартольд выявил в арабоязычной литературе неизвестную до него традицию, существенно отличающуюся от общераспространенных ортодоксально-мусульманских представлений о благочестии, набожности и аскетизме Омара II. Оказывается, этот омейяд до восшествия на престол обладал совершенно иными качествами и привычками. Он был известен как щеголь, тративший много денег на духи, одежду и лошадей; любил комфорт и жил в роскоши. Не дожив до 40 лет, он оставил после себя 14 (по другим сведениям, 16) детей, из них девять происходили от его наиболее любимой рабыни-наложницы. По замечанию В. В. Бартольда, это «во всяком случае не свидетельствует об аскетическом образе жизни»¹⁴. Занимая пост наместника в Медине при Велиде I, он точно выполнял все приказы этого халифа, в том числе и такие, которые вызывали возмущение местных правоверов, выступавших в роли блюстителей и исполнителей предписаний Корана и сунны. За осуждение действий Велида I и его наместника он приказал подвергнуть жестокой экзекуции сына бывшего мекканского халифа Ибн аз-Зубейра. Палач нанес ему сто ударов кнутом, после чего этого истерзанного человека облили холодной водой в суровую зимнюю погоду, и он умер.

Став халифом, Омар II резко изменил свои привычки и образ жизни. Его дворец стал похож на обитель нищенствующих монахов. Он сам и его придворные носили траурные одежды из дешевых тканей и предавались воздержанию и покаянию. Такая перемена была особенно разительной, так как при его предшественнике халифе Сулеймане (715—717), похотливом обжоре, дворец был местом непристойных кутежей с музыкой, пением и танцами. Перемену в настроении и образе жизни Омара II В. В. Бартольд склонен объяснять тем, что в его правление наступил 100-й год мусульманской эры (718/19 г. н. э.). В связи с этой датой подданные халифа переживали настоящий религиозный психоз. Среди населения широко распространилось нелепое поверье, что

¹⁴ Там же, стр. 213.

мусульманскому государству было предопределено существовать сто лет и что, следовательно, пришел час светопреставления и страшного суда.

Однако мероприятия, проводившиеся в правление Омара II, были вызваны не мистическими настроениями, а реальной политической целью — стремлением укрепить господство династии путем расширения его социальной базы. Для осуществления этой цели халиф предписал наместникам прекратить взимание подушной подати с неомусульман и даже высказался за включение их в диван, т. е. в списки, по которым арабы получали постоянную стипендию из государственной казны. Было признано, что обращение в ислам «спасает душу и деньги» неомусульманина. Что же касается поземельной подати, то было предписано взимать ее со всех землевладельцев и земледельцев, независимо от их вероисповедания. Установление такого «равноправия» между потомками арабских завоевателей и мусульманами из коренного населения должно было улучшить материальное и общественное положение неомусульман. Особенно благоприятно это должно было отразиться на положении многочисленных мавали, которые, как правило, были городскими жителями, не связанными с земледелием.

Известны также попытки Омара II договориться с представителями шиитов и хариджитов о прекращении вооруженной борьбы. Хариджиты, как и следовало ожидать, решительно отвергли миролюбивое предложение халифа. Омар II был противником политики джихада, т. е. мусульманской «священной войны», считая, что ислам должен распространяться среди «неверных» посредством мирной религиозной пропаганды. Поэтому он отозвал арабские войска из-под стен Константинополя, осада которого была начата при халифе Сулеймане весной 716 г. По другим сведениям, эта неудачная осада была снята еще до воцарения Омара. Но при всем своем миролюбии этот халиф не прекратил заботу о войске как надежной опоре династии и значительно повысил его денежное содержание.

Таким образом, в правление Омара II проводилась вполне реальная политика, основной целью которой являлось укрепление господства династии Омейядов, а отнюдь не заботы о благополучии в потустороннем мире. Однако такая политика не нашла влиятельных сторон-

ников и продолжателей. Имеется даже сведение (правда, нуждающееся в проверке), что Омар II был отравлен своими сородичами. При его преемниках стала проводиться традиционная омейядская политика податной эксплуатации населения, в конечном итоге приведшая к падению династии Омейядов.

Халифат в правление Хишама. При халифе Хишаме (724—743), сыне Абд ал-Мелика, государственный податный аппарат действовал бесперебойно и беспощадно изымал у подданных денежные средства, обильно пополнявшие халифскую казну. Усиленное давление податного пресса на трудящиеся массы Халифата многие арабыязычные и западноевропейские историки объясняли жадностью и скупостью этого халифа, который к тому же вел воздержанный образ жизни, был противником роскоши и не допускал расточительства. Разумеется, отрицательными чертами характера того или иного государственного деятеля нельзя объяснить ухудшение положения народных масс в различных странах обширного Халифата. Все дело в том, что арабская родовая аристократия и особенно члены численно разросшегося рода омейя (некоторые из них были крупными землевладельцами) не желали отказываться ни от своего привилегированного положения, ни от крупных стипендий, получаемых из казны. Поэтому они решительно противились политике равноправия всех мусульман, которую пытался проводить Омар II, и после его смерти возобновили традиционную фискальную политику Мерванидов, выражавшуюся в усиленном податном ограблении народных масс. Известно, что податной гнет удвоился в правление Абд ал-Мелика и вызвал ряд крестьянских восстаний. Характерно, что Хишам и его преемники перестали опираться на кельбитов и сделали своей опорой кайситские племена. В связи с этим они с пренебрежением относились к Дамаску, в котором преобладали кельбитские традиции. Своей резиденцией Хишам сделал Русафу, расположенную к северу от Пальмиры (арабского Тадмора). Он восстановил этот заброшенный и почти совершенно разрушившийся город, называвшийся при византийцах Сергиополем.

Халиф Хишам, некоторые омейядские эмиры и халифские наместники проявляли заботу о восстановлении и расширении системы искусственного орошения. Особенно

усиленно чистили заброшенные и копали новые каналы во владениях халифа. Ирригационные работы, приводившие к расширению посевных площадей, имели своей целью повышение податной платежеспособности земледельцев. В тех же фискальных целях государственный налогово-податный аппарат был приведен в такое состояние, которое и впоследствии считалось образцовым.

Активность работников податного аппарата была через край и при Хишаме приняла совершенно беспощадные, даже злодейские формы. Сборщики налогов рассматривали как злостного неплательщика любого подданного, не имевшего возможности внести подати в положенный срок. Тюрьмы были переполнены такими неплательщиками. В качестве наиболее эффективного средства воздействия применялись пытки: неплательщиков выставляли к позорному столбу, часами держали под палящими лучами солнца; наиболее упорным поливали головы кипящим маслом. Еще при Йазиде II, предшественнике Хишама, стали взимать подати с белого и черного духовенства, которое ранее не подлежало податному обложению. Путем применения таких методов наличность государственной казны, уменьшившаяся при Омаре II, снова обильно пополнилась.

Заботы о воспроизводстве, проявляемые непосредственно халифской властью, и создание «образцового» административно-фискального аппарата оказались единственно доступным для Омейядов завершением мероприятий, проводившихся при Абд ал-Мелике и Велиде I. Реформы этих омейядских халифов можно рассматривать как своего рода результат влияния феодальных отношений, господствовавших в завоеванных арабами странах, на рабовладельческую арабскую аристократию. К VIII в. правящая верхушка этой аристократии стала превращаться в арабский господствующий класс феодалов. Но она еще не могла освободиться от своих традиций завоевателей и не вошла в контакт с феодалами завоеванных стран (в частности, в Иране и Средней Азии).

Этим политико-экономическим изменениям соответствовали сдвиги в политической идеологии. Именно при Хишаме государственный строй поздних Сасанидов стал признаваться идеалом государственного устройства и управления.

В правление Хишама арабские и берберские войска, обеспечившие арабское господство на Пиренейском полуострове, продолжали совершать глубокие рейды в бассейне Гаронны, в Аквитании, затем двинулись по старой римской дороге из Лиона на северо-запад. В 732 г. между Туром и Пуатье они вступили в сражение с франкским войском Карла Мартелла. Не добившись победы, они отступили; их попытки возобновить набеги в последующие годы не увенчались успехом. Начавшееся в 739 г. восстание берберов против арабского господства в Северной Африке послужило причиной прекращения арабских завоеваний в Западной Европе. К тому же добыча, захватывавшаяся в Галии, оседала в Андалусии и не доходила до Сирии. Поэтому Хишам не видел смысла в продолжении завоевательной политики в Европе.

Усиление податной эксплуатации, сопровождавшееся жестокими экзекуциями, вызвало активное сопротивление населения, выразившееся в ряде восстаний. Наиболее крупные и упорные из них произошли в Средней Азии и в Северной Африке. В Мавераннахре повстанцы вступили в союз со среднеазиатскими тюрками, что значительно осложнило действия арабских карательных войск. Тем не менее восстание 736—737 гг. было беспощадно подавлено войсками хорасанского наместника. При этом он широко использовал местных владетельных феодалов, которые были напуганы мощным размахом народного движения.

Вскоре после подавления этого восстания, в 739-740 гг. в Северном Марокко поднялись берберы, авангардом которых выступали непримиримые хариджиты. Сирийское войско (численностью 25 тыс. бойцов), направленное Хишамом в Северную Африку, потерпело поражение в сражении с ними. В 742 г. восстание распространилось на весь Магриб, и повстанцы, возглавляемые хариджитами, вторгшись в Ифрийку (Тунис), создали непосредственную угрозу Кайруану. Однако халифскому войску под командованием наместника Египта удалось одержать победу над повстанческой армией. Тем не менее волнения и восстания берберских масс в Магрибе продолжались, и замирение этих стран оказалось непосильным делом для Омейядов. В Ираке относительное спокойствие и порядок, обеспечивавшие нормальную производственную деятельность населения, часто наруша-

лись, главным образом вследствие повстанческой деятельности хариджитов. В Сирии, этом самом надежном оплоте Омейядов, ориентация халифа Хишама и его преемников на кайситов вызвала недовольство и раздражение кельбитов, составлявших большинство арабского населения страны.

Падение Омейядов. Активное недовольство трудящихся масс, проявлявшееся во всех странах Халифата, привело к падению династии Омейядов, лишившихся всякой социальной опоры. Большие средства государственной казны, накопленные при Хишаме, были расхищены при его политически ничтожных и бездеятельных преемниках. Его считавшийся образцовым административно-фискальный аппарат и хорошо организованное войско быстро деградировали. В течение двух лет (743—744) на престоле сменились три халифа (внуки Абд ал-Мелика). Из них наиболее колоритной фигурой был халиф Велид II. Совершенно не занимаясь государственными делами, он увлекался псовой и соколиной охотой, а ночи проводил в кутежах. Претендуя на обладание артистическими дарованиями и поэтическим талантом, он неудачно соревновался с многочисленными поэтами, танцорами, певцами и музыкантами обоего пола, которые окружали его, помогали ему растрачивать деньги, собранные в казне его предшественником Хишамом. В своем пренебрежительном отношении к предписаниям ислама он, видимо, превосходил других омейядских халифов. Его во всяком случае обвиняли в отсутствии веры и благочестия больше, чем кого-либо другого. Некоторые последующие арабоязычные историки, неприязненно относившиеся к Омейядам, приписывали ему кощунственные поступки. Он якобы использовал рукопись Корана как мишень для своих упражнений в стрельбе из лука и продырявливал священные листы этой «книги божьей» стрелами, а в качестве имама он посылал в мечеть на пятничное богослужение одну из своих наложниц. Своей резиденцией он избрал охотничий замок, построенный в пустыне, к востоку от Иордана. Он пал жертвой заговора, организованного его сородичами.

Его ничтожный преемник Йазид III получил прозвище «накис», что значит «уменьшающий», так как при нем вследствие недостатка средств в казне были уменьшены денежные выдачи войску. Такая крайняя мера

способствовала дальнейшей деморализации вооруженных сил Халифата. В Сирии наступила смута, осложнявшаяся междоусобной борьбой кайситов и кельбитов, причинявшей большой ущерб как сельскому, так и городскому населению. Почти в каждом джунде появлялись самозванцы из числа омейядских эмиров, претендовавших на звание халифа. Подати, взимаемые с населения местными самочинными властями, естественно, не попадали в государственную казну.

Смута продолжалась и при последнем омейядском халифе Мерване II (744—750). Этот халиф, захвативший верховную власть в 60-летнем возрасте, был энергичным и опытным военачальником, который командовал арабскими войсками, сражавшимися против византийцев в Малой Азии, затем был наместником в Армении и Месопотамии (ал-Джезире). Став халифом, он избрал своей резиденцией г. Харран в Месопотамии, перенес в этот юрод государственную казну и перевел служащих центральных учреждений. Он пытался опираться на кайситов, и это вызывало крайнее недовольство кельбитских контингентов, стоявших гарнизонами в Сирии и Ираке.

Сельское и городское население Сирии подняло ряд восстаний против этого халифа. Чтобы вернуть его к покорности, Мерван II совершил несколько походов в Сирию, дважды осаждал Химс и приказал разрушить крепостные стены крупных сирийских городов, надеясь таким образом облегчить себе борьбу с горожанами. Сирийцы восставали не только против податных тягот и произвола сборщиков налогов, но и против-принудительных работ и новых тяжелых повинностей. При последних Омейядах многих жителей Сирии обязывали выполнять изнурительные и грязные работы на верфях и в военных лагерях, а также формировали из них рабочие отряды, которые несли службу в войсковых обозах и в интендантском ведомстве.

В Месопотамии и Ираке Мерван II был вынужден вести упорную борьбу с хариджитами, которые к тому времени приобрели большой военный опыт, улучшили свою военную организацию и стали применять более сложную тактику. При этом они сохранили былое упорство и неустршимость. Так, например, в районе Мосула хариджитское войско применило тактику окопной войны. Это весьма повысило боеспособность хариджитов и зна-

чительно затруднило действия халифских войск. Тяжелое положение трудящихся масс Ирака, значительно ухудшившееся при последних Омейядах, благоприятствовало хариджитской пропаганде. На сторону хариджитов стали переходить даже некоторые кельбиты, расквартированные в Ираке. В то же время движение хариджитов довольно широко распространилось в Аравии, где для борьбы с ними у последнего омейядского халифа не было достаточных военных сил. Находившиеся в его распоряжении войска были истощены в упорной, непрерывной борьбе с хариджитами в Месопотамии и Ираке и при подавлении восстаний в Сирии.

В условиях усилившегося недовольства Мерваном II, при котором продолжалась традиционная политика податной эксплуатации населения, широко развернулась шиитская пропаганда. Шиитские проповедники-агитаторы призывали народные массы к низвержению Омейядов как узурпаторов, лишивших потомков пророка их законного права на верховную власть. Особенно благоприятную почву эта пропаганда нашла в Хорасане и Мавераннахре. В этих провинциях (равно как и во всем Иране) классовая борьба трудящихся сочеталась со стремлением к освобождению от иноземного, т. е. арабского, господства. Поэтому антиомейядское восстание в Средней Азии и Северном Иране получило очень широкий размах. К крестьянским и городским плебейским массам, составлявшим основную силу восстания, примкнули многие местные дехкане (феодалы), а также некоторые арабские племена. Самым выдающимся предводителем этого восстания был Абу Муслим, талантливый военачальник и крупный государственный деятель. Этот перс вышел из социальных низов тогдашнего общества: в молодости он был рабом. Он выражал стремление не только к политической независимости своей родины, но и к социальному освобождению трудящихся масс. Среди них он пользовался особенной популярностью и приобрел большой авторитет. Зато дехкане боялись его и не доверяли ему, но были вынуждены считаться с его быстро возравставшей славой.

Восстание началось в 747 г. в Мервском оазисе, где по призыву Абу Муслима собрались многочисленные отряды крестьян, прибывших как из окрестных селений, так и из отдаленных районов. Затем восстание быстро

распространилось по Западному Ирану и перекинулось в Ирак. Повстанческое войско пришло в соприкосновение с войском Мервана II на р. Большом Забе, левом притоке Тигра. Спешно набранное и не обладавшее нужными боевыми качествами халифское войско потерпело сокрушительное поражение и быстро рассеялось. Мерван II во главе небольшого отряда лично преданных ему воинов спешно бежал в Сирию. Население и войско в этой стране повсеместно проявляли враждебное отношение к халифу. Так, жители Химса, видя малочисленность сопровождавшего его отряда, сделали попытку разбить его и захватить халифа. Но часть воинов Мервана, скрытая им в засаде, неожиданно напала на химцев с тыла и обратила их в бегство.

Попытка Мервана набрать новое войско в Палестине вызвала восстание.

Тогда Мерван II бежал дальше в Египет и пытался там собрать силы для борьбы с хорасанскими войсками, двигавшимися под командованием Абдаллаха ибн Али. Однако восставшие копты и местные арабы вынудили Мервана отступить к Гизе. Но и здесь халиф и его воины оказались способными только на бесчинства и насилия, которые они учинили в местном женском монастыре.

Собиравшийся бежать в Магриб, Мерван был схвачен и убит; его труп был распят.

БАГДАДСКИЙ ХАЛИФАТ В VIII—IX вв.

Источники. Для изучения истории Багдадского халифата в первые полтора столетия его существования историки-востоковеды пользуются произведениями арабоязычных историков, уже указанными нами в предыдущей главе. Наиболее полным и надежным нарративным источником является «Всеобщая история» ат-Табари. Наряду с ней можно поставить замечательную хронику Ибн ал-Асира (1160—1233) «Ал-камил фи-т-тарих» («Полный свод истории»), в которой указанное сочинение ат-Табари умело переработано и частично дополнено. Сравнительно с трудами ат-Табари и Ибн ал-Асира «Китаб ал-ибар» («Книга поучительных примеров») Ибн Халдуна (1332—1406) имеет меньшее значение для изучения истории азиатских провинций Багдадского халифата и Египта, являясь исключительно ценным источником для истории Магриба. Весьма интересные и ценные сведения содержатся также в сочинениях ал-Масуди.

Наряду с нарративными источниками, созданными мусульманскими авторами «всеобщих историй», большое значение для изучения истории Багдадского халифата приобретают исторические сочинения, написанные учеными и собирателями исторических материалов из числа высокопоставленных служащих центральных правительственных учреждений этого халифата и придворных аббасидских халифов.

Произведения арабоязычной географической литературы имеют исключительное значение для изучения производственной деятельности трудящихся масс Багдадского халифата и широко развернувшегося торгового обмена между различными областями этого обширного государства и с зарубежными странами. Эти произведе-

ния изданы де Гуге в серии «Bibliotheca geographorum arabicorum».

Исчерпывающие сведения о географической литературе на арабском языке содержатся в исследовании И. Ю. Крачковского «Арабская географическая литература»¹. Сведения арабоязычных географов о Сирии (в широком значении этого названия) даны в переводе на русский язык в труде Н. А. Медникова «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам».

Особенно важное значение как исторический источник имеют специальные «книги о налоге», справочники для правителей и служащих административно-финансового аппарата. Особое внимание востоковедов (в том числе и советских медиевистов-арабистов) заслужила «Книга о харадже» («Китаб ал-харадж») Абу Йусуфа Йакуба ал-Ансари (731—798). Это произведение представляло собой обстоятельную докладную записку, составленную по предписанию Харуна ар-Рашида, видимо, попытавшегося разобраться в сложной и довольно запутанной податной системе эксплуатации подданных. Автор этой «записки» занимал важный пост главного судьи в Багдаде при халифах Махди, Хади и Харуне ар-Рашиде. Он был любимым учеником и ревностным последователем знаменитого правоведа Абу Ханифы, основателя одного из четырех мусульманских правоверных мазхабов, и сам приобрел репутацию выдающегося и весьма авторитетного правоведа. Моральный облик Абу Йусуфа не гарантирует ни беспристрастности, ни объективности его суждений. Он был карьеристом, долго державшимся на своем высоком посту благодаря неизменной благосклонности трех халифов. Такое отношение к себе он заслужил необычайной изворотливостью, проявлявшейся в том, что свою обширную эрудицию в мусульманском праве он использовал для оправдания любых действий носителей верховной власти².

Содержание «Китаб ал-харадж» Абу Йусуфа весьма

¹ И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература,— Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957.

² См. Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам, т. IV,— «Православный Палестинский сборник», т. XVI, вып. 2, СПб., 1897—1903, стр. 1307.

обильно и разнообразно. Прежде всего автор этого произведения обращает внимание на различные формы и приемы податной эксплуатации населения, а в связи с этим рассматривает разнообразные категории землевладения и землепользования. Концепции автора явно тенденциозны. Как это принято у ортодоксальных правоведов, он все существовавшие в его время аграрные отношения, сложившиеся в ходе исторического развития, возводит ко временам пророка Мухаммеда и халифа Омара I; из других исторических деятелей упоминает только омейядского халифа Омара ибн Абд ал-Азиза. В подтверждение своих суждений и выводов он приводит материалы мусульманского предания (хадисы), не считая нужным подвергать сомнению их подлинность. Европейские медиевисты охотно пользуются произведением Абу Йусуфа, но никто из них пока еще не подверг этот источник научно-критическому анализу.

В подлиннике «Китаб ал-харадж» Абу йусуфа доступен только в восточном (булакском) издании, с которого Э. Фанъян сделал хороший, снабженный примечаниями перевод на французский язык³. Небольшие отрывки из «Китаб ал-харадж» переведены с арабского подлинника на русский язык Н. А. Медниковым и А. Ю. Якубовским⁴.

Другим источником того же типа может служить «Китаб ал-харадж» Йахьи ибн Адама. Арабский подлинник издан голландским арабистом Йейнболлом в 1896 г., английский перевод — Бен Шемешом в 1958 г.⁵.

Литература. Исследовательская и научно-популярная литература по истории Багдадского халифата представлена большим количеством книг и статей, различных по объему и качеству. В каждой «истории арабов», от Г. Вейля до Ф. Хитти, этому Халифату посвящено не-

³ Abou Yousouf Ya'koub, Le livre de l'impôt foncier (Kitab al-kharadj), traduit et annoté par E. Fagnan, Paris, 1921.

⁴ Н. А. Медников, Палестина..., т. IV, стр. 1308—1328; А. Ю. Якубовский, Об испольных арендах в Ираке в VIII в., — «Советское востоковедение», IV, М.—Л., 1947, стр. 172—176.

⁵ «Le livre de l'impôt foncier de Yahya ibn Adam, publié par Th. W. Juynboll, Leiden, 1896; англ. перевод: «Taxation in islam», vol. I, Yahya ben Adam's Kitab al-kharaj, ed, translated and provided with an introduction and notes by A. Ben Shemesh. With a foreword by prof. S. D. Goitcin, Leiden, 1958.

сколько глав. Самым выдающимся произведением зарубежной буржуазной востоковедной историографии следует признать труд А. Кремера⁶ «Культурная история Востока при халифах». В этом весьма содержательном труде имеются интересные данные по экономической и социальной истории Халифата, сохраняющие и в наши дни свое познавательное значение. Материалы о Багдадском халифате, содержащиеся в этом труде, даны в кратком изложении в статье «Аббасиды» в «Книге для чтения по истории средних веков» под редакцией проф. П. Г. Виноградова (вып. I, изд. 3, М., 1901, стр. 363-382). Труды Карра де Во «Мыслители ислама»⁷ и Рюбена Леви «Введение в социологию ислама», вышедшее вторым изданием под заглавием «Социальная структура ислама»⁸, значительно слабее упомянутой работы А. Кремера по содержанию и научному уровню. В них, однако, имеются некоторые материалы, могущие служить дополнением к выдающемуся труду А. Кремера.

Под непосредственным влиянием труда А. Кремера и с широким использованием его материалов написано на арабском языке произведение Джирджи Зейдапа «Тарих ат-тамаддун ал-ислами» («История исламской цивилизации»). Часть IV этой работы переведена Д. Марголиусом на английский язык⁹.

Исключительное научное значение имеют исследовательские труды двух выдающихся русских ученых-арабиста Н. А. Медникова и византиниста А. А. Васильева. Первый из них в своем труде «Палестина...» наряду с переводами из арабязычных историков и географов, сообщает сведения о Багдадском халифате, подвергает исследованию политические и военные события, происходившие в Сирии и Египте.

Труд А. А. Васильева «Византия и арабы» состоит из двух монографий: 1) «Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии» (СПб.,

⁶ A. Kremer, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen Bd I—II, Wien, 1875—1877.

⁷ Carra de Vaux, Les penseurs de l'Islam, t. I—V Paris 1921-1926.

⁸ R. Levy, An introduction to the Sociology of Islam, vol. 1—2, London, 1931—190S; второе издание: «The Social structure of Islam, Cambridge, 1957.

⁹ J. Zaydan, Umayyads and Abbasids (Gibb Memorial Series, IV, 1907).

1900) и 2) «Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии» (СПб., 1902). К каждой из этих монографий дан в виде приложений русский перевод отрывков из арабоязычных источников, которыми пользовался автор в своем исследовании.

До сих пор имеет большое познавательное значение научно-популярная работа В. В. Бартольда «Мусульманский мир» (Пг., 1922). Утратили значение (после появления советских работ по истории Халифата) «История арабов и арабской литературы» А. Е. Крымского (М., 1911) и переведенная с немецкого «История ислама» А. Мюллера (СПб., 1895).

Из зарубежных научно-популярных работ, содержащих конкретный материал, заслуживающий нашего внимания, можно указать главы во французской «Всеобщей истории цивилизации»¹⁰ и книги Бернарда Люиса «Арабы в истории»¹¹ и Гастона Виэта «Величие ислама»¹².

Зарубежная монографическая литература о первом периоде истории Багдадского халифата не столь обильна, как общие обзоры в «историях арабов» и научно-популярные работы. Лучшим произведением этой литературы следует признать исследовательский труд А. Кремера «О бюджетных доходах государства Аббасидов»¹³. Другим трудом, заслуживающим нашего серьезного внимания, является исследование Доминика Сурделя «Аббасидский везират с 749 по 936 г.»¹⁴. Некоторые сведения по исторической географии и экономике Багдадского халифата можно получить из книги Стрэнджа¹⁵.

Не лишены интереса некоторые книги полунаучного-полубеллетристического содержания, написанные западными ориенталистами, как, например, «Багдадская хроника» Р. Леви¹⁶.

¹⁰ «Histoire generale des civilisations*, publiee sous la direction de M. Grouzet, vol. III, Paris, 1955. Рец: «Краткие сообщения Института востоковедения», XXXII, М., 1958, стр. 53—68.

¹¹ B. Lewis, *The Arabs in history*, London, 1950.

¹² G. Wiet, *Grandeur de l'Islam de Mahomet a Francois 1-er*, Paris, 1961.

¹³ A. Kremer, *Ober das Einnahmebuaget des Abbasidenreiches*, Denkschr. d. Wien. Akad., ph. hist., Kl. XXXVI, 1888.

¹⁴ D. Sourdel, *Le vizirat abbaside de 749 й 936*, t. I—II, Institut Francais de Damas, 1959—1960.

¹⁵ Guy le Strange, *Baghdad during the Abbasid caliphate from contemporary Arabic and Persian sources*, Oxford, 1900.

¹⁶ R. Levy, *A Baghdad chronicle*, Cambridge, 1929.

Очень полезными справочными пособиями, содержащими сведения не только о книжной, но и о статейной монографической литературе, служат работы Г. Пфаннюмюллера и Ж. Соваже¹⁷.

Особое внимание следует обращать на соответствующие статьи в «Энциклопедии ислама» (т. I—IV; изд. 2, т. I, II). Многие статьи, особенно в первом издании, как, например, «Бармекиды» В. В. Бартольда (т. I, стр. 680—683), имеют глубокий исследовательский характер и снабжены ценными указаниями на источники и специальную литературу. Правда, хотя в издании принимают участие выдающиеся представители зарубежного востоковедения, не всем статьям присущи высокие научные качества; имеются и слабые статьи, с поверхностным содержанием, как, например, статья «Аббасиды» (изд. 2, т. I, стр. 15—23).

Печатные работы арабских историков нашего столетия, как правило, предназначены для арабских и мусульманских читателей, которым недоступна европейская и американская востоковедная литература. Большей частью эти работы имеют научно-популярный характер. В значительной мере они написаны на основании западноевропейской научной литературы. В качестве примера можно упомянуть книгу д-ра Али Ибрахима Хасана «Ат-тарих ал-ислами ал-'амм» («Всеобщая исламская история»). Наряду с военно-политическими фактами автор обратил внимание на некоторые явления социальной и культурной истории периода ранних Аббасидов.

Гораздо содержательнее работа «Духа-л-ислам» Ахмада Амина (أحمد أمين «ضحى الإسلام»), крупного египетского языковеда, историка и фольклориста. В трех частях этой работы изложены в обычном идеалистическом освещении весьма разнообразные явления общественной, культурной и религиозной жизни в Багдадском халифате до конца IX в. Свое изложение автор основывает на очень широком круге арабоязычных источников; влияния европейской научной литературы на него незаметно. Довольно разнообразный материал (но без ссылок на источни-

¹⁷ «Handbuch der Islam-Literatur von Prof. G. Pfanmuller», Berlin—Leipzig, 1923; J. Sauvaget, Introduction a l'histoire de l'Orient musulman. Elements de bibliographie. Edition refondue et completee par Cl. Cahen. Paris, 1961.

ки) содержится в работе «Аср ал-Мамун» («Эпоха Ма-муна») Ахмада Харида ар-Рифаи, изданной в трех томах в Каире в 1928 г. (أحمد فريد الرفاعي، «عصر المأمون»، القاهرة، ١٩٢٨). Автор, состоявший в должности инспектора в министерстве внутренних дел, воздерживается от какого-либо анализа собранного им довольно обильного материала и предпочитает подавать его в сыром виде. О некоторых явлениях (например, о религиозной политике Мамуна) он просто умалчивает, считая, видимо, рискованным говорить о них.

Из исторических работ на арабском языке заслуживают упоминания две книги, авторы которых проявляют серьезное стремление к социологическому анализу исторических событий. Это «Мин тарих ал-харакат ал-фикрийя ал-ислам» («Из истории идейных движений в исламе»), (بندلی جوزی، «من تاریخ الحركة الفكرية في الاسلام»), араб ва-т-татаввур ат-тарихи фи-ш-шарк ал-авсат» («Арабы и историческая эволюция на Среднем Востоке», (أسيل توما، «العرب والتطور التاريخي في الشرق الأوسط» ١٠٦٢). Автором первой из этих книг является Бандали Джузи (так звучат по-арабски его имя и фамилия), или Пантелеймон Жузе, покойный профессор Азербайджанского государственного университета в Баку, а автором второй — арабский политический деятель-марксист Амил Тума.

Исследовательская деятельность советских медиевистов-арабистов получила свое выражение в таких общих трудах, как «История восточного средневековья» («Халифат и Ближний Восток») Б. Н. Заходера (М., 1944), «Всемирная история» (т. III, М., 1957), «История стран зарубежного Востока в средние века» (М., 1957), а также в ряде статей в советских энциклопедиях.

Некоторыми проблемами истории Багдадского халифата специально занимался только А. Ю. Якубовский. Этим же крупным ученым написана очень содержательная глава «Иран под властью арабского халифата» в коллективном труде «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века» (издание Ленинградского университета, 1958).

Аббасиды. Обширное государство, в котором верховная власть принадлежала халифам из династии Аббасидов, обычно называют Багдадским халифатом, по его сто-

лице Багдаду. Этот город, официально называвшийся «Медина́т ас-салам» (что значит «город мира, благоденствия»), был основан в 762 г. вторым аббасидским халифом Майсуром на месте незначительного населенного пункта, известного у местных жителей под названием «сук Багдад», т. е. «рынок Багдад».

В первый период арабских завоеваний некто из жителей Хиры сообщил арабскому военачальнику Мусанне, что в местечке Багдаде ежегодно бывает оживленное торжище, на которое богатые купцы из Ктесифона привозят много денег и ценных товаров. Эта торжище происходило как раз в то время. Получив такое многообещающее сообщение, войска Мусанны устремились к Багдаду, перебили одних купцов, заставили бежать других и захватили весьма богатую добычу. Мусанна приказал своим воинам взять с собой только «желтое и белое» (т. е. золото и серебро) и наиболее ценные товары в таком количестве, какое способен унести с собой каждый воин.

Халифы новой династии вели свое происхождение от Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. Следовательно, они наравне с потомками Али ибн Абу Талиба принадлежали к «дому посланника Аллаха». Присягать представителю этого дома призывали агитаторы участников антиомейядского восстания в Хорасане и Средней Азии. Абу-л-Аббас, основатель династии Аббасидов, до конца 749 г. скрывался в Куфе, опасаясь стать жертвой репрессий со стороны халифа Мервана II. Когда же вполне выяснилось, что дело этого халифа окончательно проиграно, он выступил в куфийской главной мечети как носитель верховной власти, обещал куфейцам щедрое вознаграждение за их преданность и пригрозил противникам жестокой расправой. Он заявил, что принимает царское прозвище ас-Саффах, что значит «щедрый». Это слово в древнеарабской поэзии обычно применялось к очень гостеприимному человеку, который убивал много скота, чтобы щедро угостить своих гостей. Ранее придававшееся этому слову значение «проливающий кровь» (вследствие того что в правление Абу-л-Аббаса было истреблено много членов рода омейя) теперь считается неправильным.

После принятия присяги от жителей Куфы Абу-л-Аббас перебрался в г. Анбар и основал в его окрестно-

стях халифскую резиденцию. Он назвал ее ал-Хашимия, по имени рода бену-хашим, к которому принадлежал его предок Аббас. В эту резиденцию со всех сторон стали стекаться его родственники, старые и вновь объявившиеся приверженцы рода Аббаса, чтобы получить места в свите и при дворе халифа и назначения на командные и правительственные посты.

Почти все члены рода омейя (более 80 человек) были истреблены, хотя и выразили готовность подчиниться новому халифу. Избежали истребления только грудные младенцы да несколько человек, нашедших пристанище в Андалусии. Там, на Пиренейском полуострове, власть захватил омейядский эмир Абд ар-Рахман. Ему удалось бежать из своего имения в Ираке, когда туда прибыли подосланные к нему убийцы, и после блужданий по Северной Африке захватить власть в Кордове в 756 г. при поддержке кельбитских племен.

Расправа была учинена не только над живыми омейядами, но и над трупами бывших омейядских халифов. Из них хорошо сохранился только труп халифа Хишамма. Его извлекли из могилы, били кнутом, затем распяли, сожгли, а пепел развеяли по ветру.

Ряд восстаний, поднятых в Сирии омейядскими военачальниками против Аббасидов, был легко подавлен. Население Дамаска, восставшее против последнего омейядского халифа, поднялось и против первого аббасидского наместника Абдаллаха ибн Али и нанесло поражение его войску.

Халиф Абу-л-Аббас (749—754), умерший в возрасте 30 с небольшим лет (возможно, от оспы), назначил преемником своего брата Абу Джафара, который при вступлении на престол принял царское имя ал-Мансур (что значит «победоносный»). Халиф Мансур (754—775) являлся организатором аббасидского халифата и основателем его столицы Багдада, «круглого города», окруженного двойным кольцом крепостных стен.

Этот халиф, сын рабыни-берберки, проявлял свойства государя макиавеллиевского типа. По его приказу был предательски убит Абу Муслим, популярность и влияние которого в народных массах представлялись опасными для халифского самодержавия. Во время его продолжительного правления усилилась политическая роль иранских феодалов, представители которых —

семья Бармекидов, — занимая должность везиров, возглавляли административный аппарат Халифата.

Народные восстания трудящихся, вызывавшиеся феодальной эксплуатацией, имели локальный характер и без особого труда подавлялись халифским наемным войском, которое приходило на смену ополчениям арабских племен, составлявшим вооруженные силы предшествовавшей династии. Политическая обстановка в условиях восстаний (хотя и локальных, но довольно частых) значительно осложнялась вследствие расширения бюрократического аппарата и дворцовых интриг. Это наблюдалось и при халифе Махди (775—785), сыне и преемнике Мансура, и особенно при последующих Аббасидах. Борьба придворных группировок привела к убийству халифа Хади (785—786), сына Махди, и к воцарению его другого сына — Харуна.

Халиф Харун ар-Рашид (786—809) не в меру и незаслуженно прославлен на Востоке и Западе. Причиной славы этого халифа как доброго, справедливого и мудрого государя явились увлекательные и чарующие сказки, содержащиеся в своде «Тысяча и одна ночь». В этих сказках, ставших известными европейским читателям в XVIII в. во французском переводе, Харун ар-Рашид представлен в привлекательном виде, совершенно не соответствующем исторической действительности. На самом деле он был жестоким и коварным деспотом, которого с полным основанием ненавидели его подданные. Он боялся жить в Багдаде, так как столичное население часто выражало активное недовольство его правлением. Поэтому он предпочитал проводить время под Анбаром, в замке, по соседству с которым не было беспокойного и враждебного городского населения. В Багдад он иногда прибывал для сбора недоимок, и во время его пребывания в столице ее жителей подвергали побоям и сажали в тюрьмы. Поэтому не удивительно, что, когда Харун ар-Рашид находился в Хире, жители близлежащей Куфы были для него «дурными соседями» и совершали нападения на своего государя. Много времени он проводил также в поездках с целью непосредственного участия в подавлении восстаний своих подданных.

С присущим ему коварством, чтобы укрепить свое самодержавие, он устранил от власти и приказал казнить Бармекидов, завидуя их влиянию и богатству. Неожиданно

данная и необоснованная расправа с этими представителями иранской феодальной аристократии вызвала резкое возмущение иранских и иных феодалов, являвшихся заинтересованными сторонниками Бармекидов. Это возмущение грозило сильно подорвать положение Харуна. Его спасло лишь то, что еще за год до этой расправы он назначил своего старшего сына Мамуна, матерью которого была иранская рабыня-наложница, несменяемым наместником восточных провинций. Такая своего рода относительная автономия Ирана повышала возможности местных феодалов и городских верхних слоев при эксплуатации трудящихся масс.

В правление халифа Амина (809—813), сына и приемника Харуна ар-Рашида, развернулась борьба, принявшая характер междоусобной войны. Сформированное в Иране войско Мамуна осадило и взяло Багдад. Амин был убит во время бегства из столицы, и халифом стал его брат.

Халиф Мамун (813—833) получил широкую известность как крупный деятель культуры, оказывавший покровительство и тем содействовавший развитию арабоязычной науки и литературы. Под его покровительством развернулась переводческая деятельность (начавшаяся еще при Мансуре), благодаря которой много выдающихся произведений древнегреческой и эллинистической науки и философии стало доступно арабоязычным ученым. Одновременно продолжалось усвоение некоторых достижений иранской и индийской культур. При Мамуне был учрежден в Багдаде «дом мудрости» с богатым собранием рукописей и воздвигнута обсерватория в окрестностях этого города. Благоприятные последствия культурного подъема сказались даже на вероучении ислама. При непосредственном участии этого просвещенного халифа мусульманская догматика подверглась влиянию античной философии. Было разработано мутазилитское вероучение, объявленное официальной идеологией и положившее начало каламу — мусульманскому богословию.

Заслуги Мамуна в области культуры сгладили в памяти последующих поколений те репрессии, которые проводил этот халиф при подавлении восстаний, часто вспыхивавших в его правление. Наиболее упорным и ожесточенным было восстание хурремитов под предводительством Бабека. Это мощное восстание, начавшееся в

815/16 г. и продолжавшееся более 20 лет, охватило горные районы Лзерибиджана, Армении и Северо-Западного Ирана. Несмотря на напряжение всех сил Халифата, сопротивление повстанцев не было сломлено в правление Мамуна. В то же время, в 829—832 гг., происходило восстание в Египте. Оно вызвало поездку халифа в эту страну, где он произвел жестокую расправу с повстанцами.

При преемниках Мамуна важную политическую роль в Халифате стала играть халифская тюркская гвардия. Она формировалась из тюрков-пленных, которых захватывали в ходе почти непрерывных пограничных войн со степняками за Джейхуном (Аму-Дарьей) и Сейхуном (Сыр-Дарьей). Этих пленных, как военную добычу, обращали в рабство и продавали на невольничьих рынках в Средней Азии и Иране. Часть их попадала в казармы халифских войск в Багдаде и становилась безотказно действовавшим орудием халифа для усмирения беспокойного и легко возбуждавшегося населения столицы. Преимущество этих тюрков заключалось в том, что они ничем не были связаны с жителями Багдада, а следовательно, и не могли проникнуться их интересами. Они были надежной защитой халифа от его подданных.

Эти тюрки представляли собой значительную военную силу уже при Мамуне. Его преемник халиф Мутасим (833—842), напуганный постоянными восстаниями багдадского населения, покинул столицу и сделал своей резиденцией Самарру на Тигре. Близ этого городка были построены дворец халифа и казармы его тюркской гвардии. В этой новой халифской резиденции в 838 г. был казнен Бабек, предательски захваченный после того, как войскам халифа удалось в результате упорной и ожесточенной горной войны одолеть силы повстанцев.

Это убежище багдадских халифов стали называть «Сурра Манраа», что значит «образован, кто увидел».

Но, бежав от своих багдадских подданных, халифы в Самарре скоро оказались в тяжелой зависимости от быстро разлагавшихся тюркских гвардейцев. Их высший командный состав стал приобретать обыкновение вмешиваться в дела престолонаследия, выдвигая угодных ему кандидатов на престол. Затем боровшиеся за власть и деньги тюркские военачальники, используя подчиненную им разнузданную и буйную солдатчину, стали низла-

гать одних халифов и возводить на престол других, от которых они получали весьма щедрые подачки.

Халиф Васик (842—847), сын Мутасима и его рабыни-гречанки, стремился продолжать культурную деятельность, широко развернувшуюся при Мамуне. Он был свободомыслящим — мутазилитом. После его смерти два тюркских военачальника возвели на престол его брата Мутеваккила, сына рабыни-хорезмийки. Халиф Мутеваккил (847—861), желая найти опору вне своей гвардии, стал на путь правоверной реакции. При нем мутазилиты и другие противники ортодоксального ислама подверглись гонению. Были изданы предписания, ставившие христиан и иудеев (зиммиев, «людей писания») в неравноправное положение по сравнению с мусульманами-суннитами. Рассчитывая на сочувствие правоверного населения Ирака и на поддержку суннитского духовенства, он пытался избавиться от засилья тюркской гвардии. С этой целью он перебрался в новую резиденцию, которой дал название Джафарийя. Но бегство из Самарры не спасло халифа. Он был убит двумя военачальниками гвардии с согласия и при соучастии его старшего сына. Последний, став халифом под именем Мунтасир, пробыл на престоле всего полгода (861—862); возможно, он был отравлен.

Халиф Мустаин (862—866), внук Мутасима и сын рабыни-славянки, был жалкой пешкой в руках тюркских командиров. Борьба между ними привела к бегству двух из них в Багдад, куда они захватили и беспомощного халифа, надеясь использовать его как религиозно-политическое орудие. Эти два командира были осаждены в Багдаде войском их противников, которые потребовали отречения халифа в пользу их ставленника. Мустаин, покорно отрекшийся от престола, должен был отправиться в ссылку в «священные города», в Аравию, но на пути туда был убит по предписанию его преемника. Голова убитого была послана новому халифу, а обезглавленный труп валялся на дороге, пока его не похоронили сердобольные местные жители.

Халиф Мутааз (866—869), сын Мутеваккила, возведенный на престол группировкой тюркских командиров, возымел намерение освободиться от их несносной опеки с помощью берберов, имевшихся в его гвардии. Такая попытка, которую запуганные тюрками придворные счи-

тали неразумной, не увенчалась успехом. Тюркские гвардейцы толпой ворвались во дворец, низложили халифа и бросили его в тюрьму, где он через шесть дней умер, вероятно, при содействии тех же гвардейцев. Этот халиф так боялся одного из своих военачальников, что, опасаясь его неожиданного нападения, не расставался со своим оружием ни днем, ни ночью. Он обедал, держа наготове меч и копье, а на ночь клал их себе в постель.

Возведенный на престол Мухтеди, сын Васи́ка и рабыни-гречанки, царствовал только 11 месяцев (869—870). Он стремился быть благочестивым и правосудным правителем: не пил вина, избегал увеселений и сам разбира́л некоторые судебные дела своих подданных. Но его неосуществимое намерение смирить бесчинствовавшую тюркскую гвардию стоило ему жизни. Пьяные гвардейцы, проникнув ночью к нему в спальню, убили его. В царствование этого халифа началось восстание зинджей в Южном Ираке.

Халиф Мута́мид (870—892), сын Мутеваку́ила и рабыни-арабки, бездарный и развратный человек, видевший смысл жизни в скотских удовольствиях, продержался необычно долго на халифском престоле только благодаря снисходительности своего брата Муваффа́ка. Последний, будучи способным и деятельным военачальником, являлся фактическим правителем. Войско, приобретенное высокою боеспособностью под его командованием, избавило Багдад, снова ставший резиденцией халифа, от опасности завоевания как со стороны иранского предводителя йакуба ибн Лейса, так и со стороны восставших зинджей.

Муваффа́к, тяжело заболев во время похода в Азербайджан, умер в Багдаде летом 891 г., вскоре после грандиозного восстания трудящихся столицы. Восставшие захватили много имущества в богатых домах и выпустили на волю томившихся в тюрьмах.

Мута́дид, сын Муваффа́ка и его рабыни-гречанки, сменил на престоле своего ничтожного дядю Мута́мида, который умер от обжорства, а возможно, был отравлен. Халиф Мута́дид (892—902) приобрел далеко не лестную известность как скряга и садист. Но он не жалел средств, чтобы тешить свое тщеславие, возводя красивые постройки. Он был довольно деятельным правителем и умер

во время похода в войне с Византией; возможно, был отравлен.

Территория Багдадского халифата. Аббасиды в первые полтора столетия своей власти оказались не в состоянии удержать все те территории, которые входили в состав Халифата при предшествовавшей династии. Прежде всего завоеванная арабами часть Пиренейского полуострова — арабская Андалусия (ал-Андалус) не вошла в состав Багдадского халифата. В этой богатой и культурной стране установилась власть кордовских Омейядов, династии, основанной эмиром Абд ар-Рахманом I. В конце VIII в. от Халифата отпал Дальний Запад (ал-Магриб ал-акса), территория современного Марокко, где в 788 г. власть захватил шиитский имам Идрис, основатель самостоятельной династии Идрисидов (788—985). В 800 г. аббасидский наместник Магриба (Северной Африки) Ибрахим ибн Аглаб стал независимым государем и основателем местной династии Аглабидов (800—909).

Таким образом, к IX в., когда завершилось образование Багдадского халифата как феодального государства, он представлял собой как бы воспроизведение Иранского царства поздних Сасанидов. Ведь при Хосрове II путем завоеваний в состав этого царства были включены Сирия, Палестина и Египет. Политическим центром государства Аббасидов стал Багдад, построенный недалеко от бывшей сасанидской столицы Ктесифона. Преобладающее экономическое значение в Багдадском халифате приобрел Ирак, с которым были тесно связаны области Западного Ирана, а также Закавказье и Средняя Азия.

Аббасиды в отличие от Омейядов не проводили завоевательной политики. Только как бы по инерции, шедшей от предыдущего периода в 751 г. произошло сражение арабских войск с китайскими на р. Талас, в Средней Азии. Китайцы потерпели поражение. Военные столкновения с тюркскими племенами на границах среднеазиатских степей имели оборонительный характер. Равным образом арабо-византийские войны, происходившие в Северной Сирии, Анатолии и Месопотамии, не приводили к крупным завоеваниям.

Экономическое состояние Багдадского халифата. Земледелие

В первое столетие господства Аббасидов (во второй половине VIII и в первой половине IX в.) в Багдадском халифате происходило значительное развитие производства, обмена и культуры. Констатируя этот важный факт, следует иметь в виду, что это развитие (особенно в области культуры) было относительным. Уровень производства, несомненно, был более высоким и обмен более оживленным, чем при Омейядах, но он был довольно низким по сравнению с тем уровнем, какого достигли страны Ближнего и Среднего Востока в X—XI вв. В. В. Бартольд констатирует, что «Халифат до его распада был еще в достаточной степени варварским государством, что та культурная работа, которой впоследствии прославились Багдад, Исфахан и другие главные города мусульманского мира, при первых Аббасидах едва начиналась...»¹⁸.

Основной отраслью производства являлось земледелие, основанное на искусственном орошении. Наиболее высокого уровня ирригационное земледелие достигло в Ираке, особенно в его южной части — Севаде. Здесь давали богатые урожаи поля, засеянные злаковыми растениями, и получили развитие садоводство и культура финиковой пальмы, дававшей особенно сочные и сладкие плоды. В Ираке и соседних с ним областях Ирана успешно выращивался хлопок и сахарный тростник. В низменных местах, на которых долго держалась вода после разлива двух великих рек Месопотамии, получила развитие культура риса. Наряду с Ираком и Юго-Западным Ираном страной развитого ирригационного земледелия был Египет (и особенно плодородная Дельта). Здесь помимо злаков в большом количестве выращивался лен. В сравнении с этими странами, занимавшими ведущее положение в экономике Багдадского халифата, Сирия, утратившая былое положение привилегированной провинции, имела второстепенное, хотя все еще немалое, значение.

В большинстве стран Востока (в том числе и в стра-

¹⁸ В. В. Бартольд, Халиф и султан, — «Мир ислама», т. I, № 2, 1912, стр. 214, 215.

нах Халифата) земледелие возможно только при условии искусственного орошения почвы. Арабы выразили это в пословице: где кончается вода, там кончается и земля. Это значит, что земля, не орошаемая регулярно поступающей на нее водой, не имеет никакого хозяйственного значения для земледельца, остается бесплодной, несмотря на труд, затраченный на ее возделывание. Рассчитывать на выпадение «воды неба», т. е. дождя, земледельцы не могли. В одних восточных странах кратковременные дожди выпадают очень редко (иногда бездожде, продолжается несколько лет), в других они идут в виде грозных ливней, которые больше размывают культурный слой, чем орошают его. Поэтому уже в древности в рабовладельческих государствах Ближнего и Среднего Востока была создана довольно сложная и совершенная система искусственного орошения, находившаяся под контролем центральной государственной власти. Эта система в основном сохранилась и в Багдадском халифате. Конечно, за многие тысячелетия существования земледельческого производства она неоднократно разрушалась вследствие нашествий кочевников и разорительных войн, приводивших к падению династий и государств. Но всегда неустанная энергия трудящихся масс восстанавливала ирригацию, без которой земледелие было бы вообще невозможно.

Ко времени прихода Аббасидов к власти оросительная система в Ираке находилась в упадке. Это объяснялось крупными социально-политическими осложнениями, почти непрерывными восстаниями и войнами в период господства Омейядов. Аббасиды, начиная с правления халифа Мансура, должны были обратить внимание на воспроизводство не только по фискальным, но и по социальным соображениям. Развитие производства повышало жизненный уровень населения (прежде всего крестьянства) и выводило его из состояния хронического недовольства и раздражения, в котором оно находилось при Омейядах. Аббасидские власти направляли усилия земледельцев прежде всего на восстановление и улучшение системы искусственного орошения. Это было сравнительно легко осуществить, так как большинство возделываемых площадей являлось государственной землей собственностью и работавшие на них земледельцы находились в непосредственном подчинении у правительствен-

ной администрации. Восстановительные работы на оросительной системе выражались в чистке заброшенных каналов, занесенных песком и зятянутых илом, и в проведении новых каналов. Расширение оросительной артерии вызывало немедленный эффект в виде увеличения посевных площадей и повышения урожайности.

Наиболее серьезное внимание аббасидские правители уделяли воспроизводству в Ираке, с которого поступало более 30 процентов доходов государственной казны. В связи с этим следует вспомнить суждение основоположников марксизма о трех ведомствах, которые имели правительства на Востоке. Ф. Энгельс писал К. Марксу: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)»¹⁹.

При Омейядах деятельность третьего ведомства была непостоянной и слабой. При Аббасидах оно стало действовать столь же активно, как и первое ведомство. Конечно, положительные результаты, получаемые от воспроизводства, очень часто снижались, а иногда и уничтожались деятельностью финансового ведомства, проводившего систематическое ограбление трудящегося населения.

Земледелие в Ираке страдало не только от недостатка воды, выводимой на поля, но и от разрушительного действия великих рек (особенно от бурного и стремительного Тигра) в сезон их ежегодных разливов. Для предотвращения стихийных бедствий, при наступлении которых шотоки воды смывали возделываемый слой почвы, несли смерть людям и домашним животным, разрушали жилища, необходимо было укреплять берега, возводить дамбы и защитные валы на полях. На это тоже затрачивали много усилий жители прибрежных селений. Только в южной части Севада, в районе Шатт-ал-араба, две великие реки, слившиеся здесь в одно русло, оказывали помощь местным земледельцам. Во время прилива морская вода из Персидского (Басрийского) залива ежедневно вступала в русло Шатт-ал-араба, создавая препятствие его течению. Тогда пресная вода реки, уровень

¹⁹ Энгельс — Марксу, 6 июня 1853 г.,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 28, стр. 221.

которой быстро поднимался, выходила из берегов и затопляла прибрежные сады, виноградники и рощи финиковых пальм. Такое ежедневное наводнение не только орошало затопляемые площади, но и удобряло их, оставляя после отлива тонкий слой плодородного ила.

Техника земледелия и орошения находилась на низком уровне и в рутинном состоянии, что характерно для раннефеодального способа производства. Наиболее сложным произведением оросительной техники считалось большое оросительное колесо (нория). К его ободу привязывали глиняные или кожаные сосуды, которые при движении колеса черпали воду из реки или большого канала, а затем вода выливалась из них в желоб и бежала по нему на поле. Это колесо, способное вращаться на оси, обычно державшейся на двух столбах, приводилось в движение парой буйволов или верблюдов. Такие приспособления, изобретенные еще в древности, применялись в Ираке и Сирии и являлись одним из «чудес» тогдашней техники. Более доступным для земледельцев, а потому и более распространенным техническим приспособлением являлся шадуф — черпак, ручка которого вращалась на деревянном столбе и которым вручную черпали воду и выливали ее на поле. В Египте шадуфы применялись со времен фараонов наряду с архимедовым винтом, введенным в эллинистическую эпоху.

Сельскохозяйственный инвентарь был еще примитивнее. В повсеместном употреблении были кетмень, лопата, вилы и серп такой формы, какая существовала уже в течение нескольких тысячелетий, во всяком случае со времен шумеров и строителей египетских пирамид. Плуг тоже сохранил свою древнейшую конструкцию; вернее, это была соха без резака и отвала. По условиям почвы и климата при пахоте не требовалось отваливать землю пластами; достаточно было только разрыхлить ее.

Никому не приходило в голову усовершенствовать земледельческие орудия, чтобы облегчить труд и долю земледельца. Полная застойность в сельскохозяйственной технике в значительной мере объяснялась широким применением рабского труда в земледелии и искусственном орошении при Омейядах. При Аббасидах производственное значение раба стало падать. Эксплуатация рабов сохранилась в наиболее тяжелых сферах производства: при орошении целины, осушке болот, очистке со-

лончаков, а также при добыче соли и металлов. Самой важной причиной застойного состояния сельскохозяйственной техники следует признать очень малую заинтересованность земледельцев в развитии производства. Весь прибавочный продукт, а нередко и часть необходимого отбирался у крестьян в виде налога-ренты.

Большинство земель считалось принадлежащим государству. При преобладании государственной собственности на землю рента взималась в форме поземельного налога и по сути дела была налогом-рентой, который взыскивался с земледельцев служащими государственного фискально-податного аппарата. Сбор налогов часто сопровождался различными злоупотреблениями, учиняемыми этими служащими, среди которых преобладали взяточники и вымогатели, использовавшие в своих корыстных интересах темноту, придавленность и беззащитность тогдашнего крестьянства. Официальное летоисчисление велось по лунному календарю хиджры, а поземельный налог было принято взимать по солнечному календарю, соответствовавшему временам года. Пользуясь несоответствием официального календаря с астрономическим солнечным, сборщики иногда ухитрялись взимать налог дважды в год.

Аббасидское правительство усиливало давление податного пресса на трудящееся население, пока противодействие трудящихся не напугало его. При Майсуре с населения земель, обложенных хараджем (это были преимущественно государственные земли), налог-рента взимался или с посевной площади, по обмеру, натурой и деньгами, или в виде части урожая, натурой. Кроме того, сохранялись еще земли, с которых подать взималась согласно договорам, восходившим к периоду завоеваний. Помимо хараджных земель имелись земли «мульк», являвшиеся наследственной собственностью земледельцев. С этой категории земель взималась подать «ушр» («десятина»). Наконец, имелись земли, освобожденные от обложения податью. Это были земли халифа и членов царствующей фамилии, некоторых сановников, а также вакфы, т. е. недвижимая (в том числе и земельная) собственность, принадлежавшая мечетям и мусульманским религиозным учреждениям; доходы с вакфных земель поступали в распоряжение духовенства.

Стремление увеличить податные поступления с ха-

раджных земель выразилось при преемниках Мансура в замене натуральной подати в виде части урожая денежным налогом в зависимости от размеров посевной площади. Такая перемена, особенно усиленно проводившаяся при Харуне ар-Рашиде, значительно ухудшила положение податного населения, зато гарантировала казне и господствующему классу определенные суммы податных поступлений. При взимании подати в виде части урожая недород и тем более неурожай, ставя земледельцев в бедственное положение, снижал доходы казны и землевладельцев. С введением же ставок податей в прямой зависимости от посевных площадей тяжелые последствия от гибели посевов (например, вследствие разрушительных наводнений или налетов саранчи) испытывали только земледельцы, обязанные вносить установленную сумму податей, независимо от собранного урожая. Далее, взимание податей в денежной форме ставило земледельцев в зависимость от рынка.

Поскольку государство было собственником не только земли, но и воды, ставки податей зависели также от источника орошения полей. Наиболее высокие подати (не менее половины урожая) платили земледельцы, орошавшие свои поля непосредственно из государственной оросительной сети. Ставки податей снижались (до четверти урожая), если земледельцы проводили канал, по которому вода поступала на их поля из государственной оросительной системы.

Абу Иусуф наставлял халифа, что подати должны взиматься неукоснительно. Правителю не подобает оставлять ни одного немусульманина, не взыскав с него подати: «Да не окажет он снисхождения ни одному из них, простив ему часть следуемого». Недопустимо также для сборщиков податей, чтобы они входили в соглашение с представителями иноверческих общин и удовлетворялись предложенной им суммой подати, не проверив численности податного населения. Видимо, нередко бывали случаи, когда сборщик податей (конечно, получив взятку от старосты деревни) снижал сумму податей, причиняя ущерб казне. Известно и из других источников, что взятка являлась лучшим и наиболее распространенным средством освобождения от уплаты подати.

Абу йусуф решительно выступал против взимания податей с неимущих, больных и старых, и против истя-

зания недоимщиков (можно сделать вывод, что такие незаконные явления были повсеместно распространены).

Этот багдадский правовед считал недопустимым, чтобы зиммиям наносили побои, добиваясь уплаты поголовной подати, или чтобы их выставляли на солнце или подвергали иным пыткам. Он полагает, что «с ними надо поступать милостиво, заключая их в тюрьму, пока они не уплатят того, что должны». Он советует халифу отдать распоряжение, чтобы с зиммиями «не поступали несправедливо, чтобы их не обижали, не обременяли их не по силам, ничего не отбирали из их имущества сверх того, что следует с них по праву»²⁰.

Такие человеколюбивые советы, дававшиеся феодальному деспоту одним из видных идеологов господствующего класса, имели своей основной целью предотвращение народных восстаний, потрясавших Багдадский халифат.

Политика усиления эксплуатации вызвала широкое недовольство крестьянских масс, выражавшееся во все разрастающихся восстаниях, особенно в правление Харуна ар-Рашида. Поэтому при халифе Мамуне в 820 г. было объявлено предписание (иногда называемое «законом Мамуна»), установившее максимум податей в две трети урожая.

Наряду с земледелием большое хозяйственное значение имело оседлое скотоводство. Оно имело не только молочное и мясное направление, но и обеспечивало земледелие и отчасти ирригационное хозяйство рабочим скотом, а также поставляло сырье для развитого ремесленного производства. На соседней с земледельческими областями обширной кочевой периферии было развито верблюдоводство, поставлявшее наиболее распространенное средство транспорта. Торговый обмен по суше между государствами, областями и городами осуществлялся верблюжьими караванами, перевозившими товары на огромные расстояния.

Ремесленное производство; города. Второе крупное общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия — произошло у арабов еще до возникновения ислама, а в странах, завоеванных ими, — в эпоху рабовладельческой древности. Многочисленные ремес-

²⁰ Цит. по: Н. А. Медников, Палестина..., т. IV, стр. 1311—1314.

ленники весьма разнообразных специальностей в Багдадском халифате являлись преимущественно жителями больших городов, но имелись также и деревни, население которых занималось не хлебопашеством, а ремеслом, большей частью текстильным или кожевенным.

Наряду с развитием ирригационного земледелия в странах Халифата во второй половине VIII и в IX в. наблюдалось оживление ремесленного производства. Наиболее распространенными ремеслами были прядение и ткачество. Ремесленники производили хорошо выделанные ткани из льна, хлопка, шерсти и шелка. Высококачественные льняные ткани (холсты и полотна) выделялись в Нижнем Египте. Они славились своим высоким качеством и находили покупателей далеко за пределами этой страны. В Сирии было развито шелководство, и искусные местные ремесленники выделяли из шелка-сырца изящные ткани и художественную парчу. Почти во всех странах Халифата вырабатывали тонкие и прочные сукна, иногда искусно раскрашенные. Продукцию текстильного ремесла специалисты-красильщики раскрашивали естественными красителями, полученными из сока листьев, коры и корней различных растений.

Большое развитие получила также выделка кожи, в частности совершенные методы ее дубления. С производством тканей и кожи было тесно связано изготовление одежды и обуви. Продукция весьма трудолюбивых и опытных ремесленников, достигавших художественного совершенства в своих изделиях, поступала прежде всего на удовлетворение высокоразвитых потребностей господствующего класса с халифом во главе, богатых горожан и высшего духовенства. Трудящиеся массы, вкусы которых ограничивал недостаток денежных средств, были вынуждены довольствоваться дешевыми и большей частью грубыми изделиями из хлопка, льна и шерсти. Равным образом простому народу были совершенно недоступны сапоги и туфли из отлично выделанного цветного сафьяна, украшенные узорами из шелковых, золотых и серебряных нитей. Массовому потребителю приходилось удовлетворяться грубыми кожаными сандалиями, предохранявшими его ступни от ожогов при ходьбе по накаленным солнцем камням и песку. Многие сельские жители довольствовались самодельными тканями и обувью, хотя текстильные и кожевенные товары на го-

родских базарах поражали иноземцев своим обилием и разнообразием.

Большим спросом пользовалась также продукция шорников и седельников, изготовлявших верблюжью и конскую сбрую и разнообразные седла для езды на лошадях, верблюдах, мулах и ослах. Седла, предназначавшиеся для именитых и богатых наездников, вышивали разноцветными шелками или украшали металлическими бляхами, жемчугом и самоцветами.

Высокого уровня и широкого распространения достигли металлообрабатывающие ремесла, прежде всего изготовление оружия и посуды. Изделия искусных оружейников (мечи, копья, щиты, кольчуги, панцири и шлемы) поступали па вооружение халифского войска. Особенно славились мечи из дамаской стали, выделявавшиеся мастерами хранившими секрет особого способа ее закалки.

Металлическая (преимущественно медная) посуда — блюда, чаши и кувшины — служила сервировкой в домах горожан, обладавших материальным достатком. Получили также широкое применение в домашнем быту сирийские стеклянные изделия.

Деревенские жители и городская беднота пользовались глиняной и деревянной посудой. Зато во дворцах халифов и их сановников, равно как и в домах богачей, кушанья и напитки подавались в золотой и серебряной посуде, нередко отличавшейся изящной выделкой. Художественные ремесла (в том числе ювелирное дело) получили тоже значительное развитие, удовлетворяя вкусы, прихоти и тщеславие власть имущих и богатых людей.

Развитию ремесленного производства способствовали многие экономические факторы: обилие сырья, получаемого из обширных скотоводческих районов, населенных кочевниками (кожи, шерсть), и хорошо освоенная культура технических растений и добыча полезных ископаемых. В Багдад и другие крупные города со значительным ремесленным населением морские и речные суда и верблюжьи караваны доставляли слитки серебра из Ирана и особенно из рудников в горах Гиндукуша, золото из Магриба, а особенно из Нубии и Судана, медь из-под Исфахана, железо из Ирана, Средней Азии и с Сицилии. Кроме того, из Африки поступали ценные породы дерева и слоновая кость, из которых работники художественных

ремесел выделявали предметы роскоши, украшавшие жилища и быт представителей господствующего класса.

Значительного развития достигли также ремесла, связанные с изготовлением пищевых продуктов, в частности сладостей, сделанных из муки и фруктов на меду и тростниковом сахаре. Большим спросом пользовались косметические средства и лекарственные снадобья.

В ремесленном производстве преобладали свободные производители, хотя продолжал применяться и рабский труд. Рабы-ремесленники подвергались тяжелой эксплуатации в мастерских, принадлежащих государству, феодалам и купцам. Свободные ремесленники обычно работали в своих мастерских на городских базарах, используя рабочую силу и умение своих сыновей и других родственников, а иногда и принадлежавших им рабов. Ремесленные мастерские на базарах составляли особые ряды; в каждом ряду работали ремесленники какой-либо отдельной специальности. Ремесло часто не отделялось от торговли. Производитель товара тут же, в своей мастерской, продавал его потребителю. Об организации ремесленников в изучаемый нами период ничего не известно. Объединения ремесленников, подобные западноевропейским цехам, возникли в Халифате значительно позднее.

Города в Халифате являлись не только военно-административными, но и очень важными экономическими и культурными центрами отдельных стран и областей. По определению средневековых арабоязычных географов, городом мог называться населенный пункт, в котором имелись мечеть, дворец правителя, баня, школа, хан (гостиница), больница и мейдан (площадь). В больших городах эти здания, заведения и учреждения насчитывались десятками и даже сотнями.

Следует иметь в виду, что в отличие от раннесредневековой Западной Европы в странах Халифата феодальное поместье никогда не имело ни экономического, ни политического преобладания над городом. К тому же феодалы в Багдадском халифате проживали не в поместьях, а в городах. Экономическая роль городов в Халифате приобретала особое значение вследствие развитых денежных отношений, в условиях развитой системы ремесел и торговли.

Самым крупным городом в Багдадском халифате бы-

ла его столица Багдад, которому его основатель халиф Мансур дал официальное название Мединат ас-салям и который парод стал называть «Мединат ал-Мансур» (город Мансура). Багдад был заложен Майсуром в 762 г. на правом берегу Тигра, к северу от большого канала Сарат, соединявшего эту реку с Евфратом. На строительство новой столицы по приказу Мансура были пригнаны трудящиеся не только из Месопотамии и Ирака, но также из Сирии и Ирана; их численность достигала, по традиционным арабским данным, 100 тыс. Уже на другой год после закладки, в 763 г., в Багдад из Куфы была перевезена государственная казна и переведены правительственные учреждения (диваны). Строительство «города Майсура» было завершено в 766 г. Это был «круглый город», опоясанный двойным кольцом крепостных степ, сложенных из кирпича-сырца. Впоследствии была возведена третья, внешняя стена, а за нею был выкопан ров, всегда наполненный водой.

В центральной части города, окруженной «внутренней стеной», возвышался халифский дворец, который стали называть «Золотыми воротами» или «Зеленым куполом», так как над тронным залом этого дворца был возведен большой купол, облицованный бирюзовой черепицей. Рядом с дворцом была построена мечеть. В некотором отдалении от дворца были расположены правительственные здания, казармы халифской гвардии, палаты особ халифской фамилии и государственных сановников. Наиболее отдаленным от дворца было здание тюрьмы. Четверо ворот (Басрийские, Хорасанские, Сирийские и Куфийские) вели из центральной части города в ту его часть, которая была расположена между «внутренней» и «главной» стенами. Сюда по приказу Мансура были переселены и распределены по кварталам жители различных населенных пунктов, находившихся в недалеком расстоянии от вновь построенного города. Здесь же поселились ремесленники и купцы из других городов, привлеченные обещанием халифа предоставить столичному населению различные податные и таможенные льготы.

Видимо, халиф обманул столичное население, так как оно с самого начала своего проживания в Багдаде проявляло сильное недовольство и раздражение. Не вполне полагаясь даже на крепость «внутренней стены» и боясь

выезжать за нее, чтобы не встречаться с активным протестом населения, Мансур уже через несколько лет после заселения столицы предписал выселить из нее беспокойных ремесленников и мелких торговцев за пределы городских стен, в пригород Карх. При этом халиф распорядился, чтобы рынок выселенных мясников был помещен подальше от городских стен. Свое распоряжение он обосновывал тем соображением, что мясники склонны к буйству, а в руках у них — острое железо.

Багдад, приобретший исключительное значение в экономике обширного халифата Аббасидов, быстро разрастался и уже в IX в. превратился в один из крупнейших международных центров ремесленного производства и торговли. Разросшийся город занял значительные площади и на левом берегу Тигра, где поселились многочисленные ремесленники и открылись оживленные базары. Правобережная сторона города беспрепятственно сообщалась с левобережной по плашкоутному мосту. Багдад приобрел также ведущее значение как культурный центр Халифата. Он стал пунктом притяжения и средоточием лучших интеллектуальных сил арабоязычной культуры, особенно со времени правления халифа Мамуна.

В то же время в Багдаде влачило жалкое существование много обездоленной бедноты. Особенно много бездомного и голодного люда скапливалось на больших базарах, у главных мечетей и в районе гавани, который являлся, пожалуй, самым оживленным местом в столице. Этот багдадский люмпен-пролетариат добывал себе скудное пропитание случайными мелкими заработками, назойливым попрошайничеством, кражами, а иногда и преступлениями; в его среде была распространена самая грязная проституция.

Другим оживленным городом, в котором жизнь тоже была ключом, была Басра, являвшаяся южными торговыми воротами Халифата.

Торговля. Срединное положение Багдадского халифата на перекрещивавшихся международных торговых путях, по которым товары из стран Дальнего Востока и Индии поступали в Европу, определило его выдающееся значение в международной транзитной торговле. Но гораздо большее значение для экономики Халифата имели торговые отношения между различными странами, входившими в состав этого обширного государства, располо-

жепного между двумя океанами — Индийским и Атлантическим — и омывавшегося четырьмя морями — Средиземным, Черным, Красным и Басрийским (Персидский залив). Широкой базой оживленного торгового обмена служили развитое ремесленное производство и хорошо освоенная добыча полезных ископаемых.

Крупные города были важными пунктами караванной и морской торговли; в них купцов и покупателей привлекали многолюдные базары, а склады были наполнены местными и заморскими товарами. Египетские льняные ткани можно было приобрести на городских рынках не только в Африке, но и в Азии и даже в Европе. Хороший сбыт повсюду имели сирийские шелковые и стеклянные изделия, оружие и металлическая посуда. Из Западного Ирана поступали ковры и художественные вышивки; из Хузистана вывозился сахар. В этой же области и в районе Куфы выращивался хлопок. Медь добывалась в Иране, Средней Азии, Армении, Ифрикии (Тунисе) и Андалусии. Оловом и свинцом были богаты недра Северного и Западного Ирана. В этой же стране, в районе Истахра, добывали ртуть. Обилием нефти и асфальта были известны Юго-Западный Иран и Северный Ирак (Месопотамия). Из Южного Ирана поступали такие ценные продукты, как опиум и индиго.

Торговые караваны из Северной Африки и Египта проникали в район оз. Чад и нередко доходили до экватора. Арабские караванщики хорошо освоили проложенные ими дороги и тропы через леса, степи и пустыни в областях южнее Сахары. Их привлекала возможность богатой и легкой наживы в торговле с населением Западной Африки, у которого они выменивали на соль золото и выгодно покупали большие партии рабов. В Тимбукту и Гао они помимо золота приобретали слоновую кость. Из «черной» Африки вывозили также страусовые перья и шкуры зверей, в изобилии водившихся в девственных лесах и саваннах.

Большое развитие получило также торговое мореплавание в Индийском океане и в Средиземном море. В Индийском океане капитаны торговых судов уверенно совершали дальние рейсы. Уже в V в. в Хиру и Оболлу прибывали корабли из Красного моря, Индии и Китая. В Халифате Басра приобрела значение одного из крупнейших и важнейших портов международной морской

торговли. С ней мог соперничать только порт Сухар в Омане; впоследствии значение этого порта перешло к Маскату. Очень оживленным портом стал также Сираф в Кермане, на иранском побережье Персидского залива.

До VIII в. инициатива торговых сношений по Индийскому океану принадлежала китайцам, которые проявляли больше предприимчивости, чем арабские и иранские купцы. В гавани Сирафа бросали якорь китайские торговые суда, на некоторых из них экипаж состоял из 400—500 человек. Эти большие корабли были хорошо вооружены на случай встречи с пиратами. На них были установлены огнеметы, способные извергать горящую нефть.

В начале VIII в. басрийские мореходы уже превзошли китайцев и индийцев в искусстве вождения кораблей и в кораблестроении. При Хаджжадже басрийцы стали выходить в море на кораблях, при постройке которых применялись металлические гвозди- (ранее кораблестроителям были известны только деревянная клепка и веревки).

Басрийцы хорошо обследовали все острова в Персидском заливе и освоили имевшиеся на них удобные гавани. Затем, выйдя в океан, они основали торговые фактории на островах Сокотре и Занзибаре и на побережье Восточной Африки. Из Африки на басрийских кораблях привозили чернокожих рабов, слоновую кость, ценное цветное дерево, золотой песок и драгоценные камни. Установив сношения с купцами Цейлона, басрийцы стали вывозить из гаваней этого острова слоновую кость и драгоценные камни. На западном побережье Индии (так называемом Малабарском берегу) имелся ряд факторий, в которых мусульманские купцы, подданные аббасидского халифа, насчитывались тысячами. Они построили там мечети, их судебные дела разбирали мусульманские судьи — кади. Из Индии в Халифат вывозились пряности и текстильные изделия; в их числе тончайшие шелковые ткани. Фактории купцов из Халифата имелись и на Коромандельском берегу, т. е. на юго-восточном побережье Индии. Туда из Сирафа ежегодно вывозили по несколько десятков тысяч лошадей.

Сказочные приключения Синдбада Морехода, вошедшие в свод «Тысяча и одна ночь», отразили торговую деятельность купцов из Халифата в южных морях. Синдбад, как полагают, добрался до г. Кала в Малакке.

С этого полуострова вывозили золото и олово. Особенно много ценных товаров получали мусульманские купцы на Суматре, откуда они вывозили золото, пряности, благовония, лекарственные растения и камфару. На Северном Борнео они приобретали жемчуг, а на Филиппинских островах — золото и слоновую кость. Вероятно, эти острова и были той загадочной дальневосточной страной Вак-вак, которую одно время неправильно отождествляли с Японией. По другому предположению, это был остров в Китае. Рассказывали, что на этом острове произрастало таинственное дерево, плодами которого являлись живые женщины²¹.

Уже в середине VIII в. арабские и иранские купцы знали путь в Китай, куда первое время они плавали на китайских джонках, возвращавшихся из Басры к себе на родину. Вскоре в Кантоне (Каи-фу) иноземцы-мусульмане уже составляли население нескольких кварталов, в которых высились минареты при мечетях и действовали кади, судившие мусульман по законам шариата. В 758 г. коренное население Кантона подняло восстание против императорских властей. Для его подавления правительство богдыхана направило отряды иранских наемников, находившихся у него на службе. Тогда проживавшие в этом большом городе подданные аббасидского халифа, столкнувшись с усмирителями, занялись грабежом и поджогами, а затем, погрузив награбленные ценности на корабли, бежали на них к своим родным гаваням. Но через некоторое время в порту Кан-фу снова поселилось много арабских купцов, которых судил их кади. Многие из этих купцов, получив разрешение китайского правительства, проникали со своими товарами во внутренние области Китая. Из этой страны в Халифат мусульманские купцы привозили фарфоровую посуду, художественные ткани и шелк.

Наличие морских торговых отношений между Халифатом и Китаем не привело к прекращению движения верблюжьих караванов по северному «шелковому пути», открытому еще в древности. По этому пути китайские товары шли через Самарканд, Бухару, Рей и Хамадан в Багдад. Оттуда, из столицы Халифата, один путь шел,

²¹ И. Ю. Крачковский, Арабская географическая литература, стр. 281.

разветвляясь, на запад, к Трапезунду (Трабзону), где восточные товары грузили на византийские торговые суда, и к сирийским портам Средиземного моря. Другой путь вел на юго-запад, и Аравию и Африку, через Куфу, Медину, Мекку и красноморские порты или по Суэцкому переходу. По «шелковому пути» из Китая в страны Халифата доставлялись также фарфор и ткани, в их числе шелка.

В хрониках династии Тан (618—907) сохранились имена аббасидских халифов, сильно измененные в китайской передаче. Но вопрос об обмене официальными посольствами между халифами и богдыханами до сих пор остается нерешенным. В арабоязычных источниках не сохранилось сведений о приеме какого-либо китайского посольства в Багдаде или в Самарре. Возможно, что некоторые купцы, прибывавшие в Китай из Халифата, выдавали себя за официальных послов халифа, чтобы получить таможенные льготы и предотвратить разграбление своих товаров местными властями.

Торговые сношения Халифата с Индией, Индонезией и Китаем оставили значительный след в арабоязычной литературе. В IX в., когда морские пути в эти далекие и до того неизвестные страны были освоены арабскими и персидскими купцами, в большом изобилии создавались рассказы, которые акад. И. Ю. Крачковский называет «географическими сказками». Эти рассказы, в которых правдивые сведения о чужих странах и народах перемешивались с необузданным вымыслом, находили много охотных слушателей в Басре, Сирафе и Багдаде²².

К середине IX в. относятся рассказы «купца Сулеймана», получившие литературную обработку в следующем столетии. Этот предприимчивый искатель наживы предпринял несколько поездок с торговыми целями в Индию, а оттуда, через Малаккский пролив, в Китай. «Он дает живое описание берегов, островов, различных портов и городов с их жителями, продуктами и предметами торговли»²³. Лет через 20 рассказы Сулеймана были дополнены Ибн Вахбом, другим купцом-путешественником; последний побывал в Хумдане (или Синаифу). Вскоре после его пребывания в этой столице танского

²² Там же, стр. 141.

²³ Там же.

Китай колония арабских купцов в Кантоне была уничтожена в 878 г. в ходе мощной крестьянской войны. После этого купцы из Халифата не проникали на восток далее Малакки. Сношения Арабского Востока с Китаем возобновились только в XIII в. Зато эти купцы развили торговые отношения со страной Кхмер (Камбоджей), из которой они вывозили серебро.

Плавание в Китай было настолько налажено, что даже некоторые жители Средней Азии предпочитали отправляться в эту далекую страну южным, морским путем. Так, один самаркандский купец отправился туда через Ирак, отплыв с богатыми товарами из Басры, а прибыв на Малакку, проследовал далее в Китай на китайском корабле²⁴.

Торговле Халифата с Византией препятствовали довольно частые арабо-византийские войны. Однако торговый обмен между этими двумя крупными государствами не прекращался, и «корабли румов» постоянно посещали гавань Трапезунда, являвшегося северными торговыми воротами Халифата. Византия нуждалась в восточных товарах, которые она могла получать только от мусульманских купцов.

Арабский торговый флот господствовал в Средиземном море. В торговле по этому морю Египет играл такую же важную роль, как Ирак в торговле в Индийском океане. Долина Нила находилась в торговых отношениях с Магрибом, Андалусией и Западной Европой. Однако если торговый обмен Андалусии и Магриба с Египтом, а через него с азиатской территорией Халифата был регулярным, то торговля с Западной Европой имела скорее спорадический характер. Существует представление, разработанное бельгийским историком Анри Пиренном, что арабские завоевания и образование Халифата нарушили экономические связи, установившиеся в эпоху античности между Востоком и Западной Европой, а это привело к изоляции этих двух обширных районов²⁵. Эта довольно убедительная «теория» А. Пиренна встретила скептическое отношение со стороны европейских медиевистов. Между тем основные выводы этого ученого, базирующиеся на большом и интересном фактическом материале,

²⁴ Там же, стр. 144.

²⁵ H. Pirenne, *Mahomet et Charlemagne*, 2 ed, Paris, 1937.

заслуживают серьезного внимания. В частности, не подлежит сомнению, что морская торговля сирийцев с франкским королевством Меровингов в V—VI вв. была хорошо налаженной и довольно оживленной, а после установления арабского господства в Сирии почти совершенно прекратилась. Она не получила развития и при Каролингах, королевская династия которых возникла и 751 г., т. е. почти одновременно с приходом к власти Аббасидов.

В прямой связи с этими «франко-мусульманскими» торговыми отношениями стоит вопрос о дипломатических отношениях между аббасидскими халифами и франкскими государями. Среди западноевропейских буржуазных историков было принято полагать (согласно традиции, шедшей из католического средневековья), что «франко-мусульманские» дипломатические отношения были установлены при Пипине Коротком (751—768), современнике халифа Мансура, и получили блестящее развитие при Карле Великом (768—814), современнике Харуна ар-Рашида. Вероятнее всего, что такое представление сложилось в период крестовых походов и имело вполне определенную клерикальную окраску: в нем Карл Великий представлен в образе христианского государя, права которого как покровителя (протектора) «святых мест» в Палестине признал мусульманский халиф.

Акад. В. В. Бартольд в своем исследовании «Карл Великий и Харун-ар-Рашид»²⁶ доказал полную несостоятельность этого тенденциозного представления. В этой работе В. В. Бартольд обращает внимание читателей на полное молчание арабоязычных авторов о каких-либо сношениях аббасидского халифа с императором Карлом Великим. Более того, в Халифате ничего не знали об этом императоре; даже его имя не было известно. В то же время Эйнхард и другие франкские летописцы ничего не сообщают о Халифате, не знают имен халифов. Некоторые западноевропейские христиане проникали в Палестину как паломники, посещавшие Иерусалим и другие «святые места» в этой стране. Проявляя заботу о паломниках, Карл Великий установил дружественные отношения с иерусалимским патриархом; эти взаимоот-

²⁶ В. В. Бартольд, Карл Великий и Харун-ар-Рашид, — «Христианский Восток», т. I, вып. I, 1912, стр. 69—94.

ношения осуществлялись восточными и западными монахами, время от времени посещавшими государство Карла и Палестину.

Помимо паломничества в «Святую землю», Западную Европу с Востоком связывала торговля, почти всецело находившаяся в руках еврейских купцов; об их деятельности знали и арабоязычные географы. Эти купцы из Западной Европы в страны Востока привозили евнухов, рабов и рабынь, бобровые и горностаевые меха и мечи. Обычно они везли свои товары по Средиземному морю через Египет в Красное море и далее в Индию и Китай. С Востока в Европу они привозили весьма ценные товары, в том числе мускус, алоэ, пряности и камфару. Потребителями этих редкостных товаров прежде всего были родственники Карла и его придворная знать. Поэтому при дворе Карла эти купцы пользовались почетом и доверием. Франкский император давал им разведывательно-дипломатические поручения. Такое поручение, например, было возложено на купца Исаака, который в самом конце VIII в. отправился на Восток и пробыл там несколько лет. Исаак вернулся через Тунис и Сицилию в Италию и привез с собой слона и другие подарки, якобы присланные Харуном ар-Рашидом, и выдал себя за халифского посла. В глазах европейцев этого самозванного посла совершенно зат мил привезенный им слон, носивший кличку Абу-л-Аббас. Это невиданное в Европе диковинное животное повсюду собирало огромные толпы зевак. Пройдя Италию, слон перенес тяжелый переход через Альпы и в 802 г. оказался в Аахене, куда его хозяин прибыл ко двору Карла Великого. Слон был увековечен упоминанием во франкской летописи. В 810 г. он по неизвестной причине скоропостижно окошел²⁷.

Подарки, якобы присланные халифом императору (водяные часы с фигурами, шелковый шатер и др.), не могли сохраниться, так как в действительности их и не было. Крупный искусствовед Я. И. Смирнов писал, что нельзя найти никаких вещественных доказательств сношений Карла Великого с Харуном ар-Рашидом.

Против выводов В. В. Бартольда выступил известный византист А. А. Васильев в «Византийском временни-

²⁷ Там же, стр. 76—77.

ке»²⁸. Этот ученый, необоснованно обвинив В. В. Бартольда в излишней «гиперкритике», отстаивал старые, традиционные взгляды, проникнутые христианским фидеизмом. В ответ ему В. В. Бартольд выступил со второй статьей «К вопросу о франко-мусульманских отношениях»²⁹. После этой дискуссии на страницах научных журналов положение В. В. Бартольда о легендарности дипломатических отношений между Аббасидами и Каролингами можно признать вполне доказанным.

Торговля с Восточной Европой в изучаемый нами период еще не получила развития. Но уже были известны пути по Каспийскому морю и Нижней Волге в Хазарский каганат, устанавливались сношения с Киевской Русью. В хазарском Итиле приобретали высокосортную пушнину, но в то же время сибирские меха покупали в Тибете. От киевских славян и русов получали янтарь, который они привозили с берегов Балтийского моря по торговому пути «из варяг в греки». Из Восточной Европы в Халифат пригоняли белых рабов и привозили мед и воск; последний шел на изготовление свечей.

Государственный строй. По своей структуре и официальной идеологии Багдадский халифат в VIII—IX вв. был феодальной теократической деспотией. Согласно нормам суннитского государственного права, аббасидский халиф совмещал в своем лице полномочия и функции верховного имама и верховного эмира, т. е. обладал всей полнотой духовной и светской верховной власти. Как глава мусульманской общины, преемник и заместитель посланника Аллаха и даже представитель Аллаха на земле, халиф считался верховным собственником всей земли и воды в государстве. Он обладал самодержавной властью, которая ничем не ограничивалась, кроме меча гвардейцев (при преемниках Мамуна).

В первое столетие господства Аббасидов халифское самодержавие было политической реальностью. Верхушка господствующего класса, составлявшая непосредственное окружение халифа, стремилась проводить централизаторскую политику. Наместники провинций и вое-

²⁸ А. А. Васильев, Карл Великий и Харун-ар-Рашид, — «Византийский временник», т. XX, вып. 1, отд. 1, 1913, стр. 63—116.

²⁹ В. В. Бартольд, К вопросу о франко-мусульманских отношениях, — «Христианский Восток», т. III, вып. 3, СПб., 1914, стр. 263—296.

начальники назначались халифом и подчинялись только его распоряжениям. Подати, налоги и прочие сборы с населения поступали в Багдад, составляя актив государственной казны. Присвоение налоговых поступлений наместниками и другими должностными лицами рассматривалось как наказуемое незаконное деяние.

Арабская аристократия утратила свое исключительное положение и была вынуждена разделить власть и доходы с крупными иранскими феодалами. Из их среды выделились высшие государственные сановники — везиры. Такой должности и звания не было при Омейядах. Она была учреждена Маисуром, исходившим из организации правительства при Сасанидах. Эту высшую правительственную должность в течение полустолетия занимали Бармекиды, представители иранской феодальной аристократии, крупные землевладельцы из области Балха, потомки буддийских жрецов этого города.

Главный везир, считавшийся первым помощником и наиболее авторитетным советником халифа, имел в своем подчинении центральный административно-финансовый аппарат, войско и ведомство государственного контроля. Его деятельность ничем, кроме произвола халифа, не ограничивалась. Как хранитель халифской печати он обладал всеми функциями верховной власти. В те времена правительственные указы и другие документы, исходившие от государя, не имели собственноручной подписи халифа; ее заменяла поставленная на них халифская печать. Везир ставил эту печать на документах, не испрашивая предварительного разрешения своего государя; он только обязывался докладывать ему о каждом случае использования печати. Таким образом, в лице Бармекидов иранские феодалы держали арабского халифа под своим контролем.

Как мы уже отмечали, Харун ар-Рашид коварно лишил Бармекидов власти и жизни. В художественную литературу попала несостоятельная версия, согласно которой причиной падения Бармекидов послужила романтическая история Аббасы, сестры Харуна ар-Рашида, и везира Джафара ибн Яхьи Бармекида. Говорили, что эта просвещенная принцесса, уже трижды бывшая замужем и трижды овдовевшая, часто принимала участие в занимательных вечерних беседах и развлечениях, участниками которых были халиф и его везир. Чтобы избе-

жать нарушения шариата, запрещающего пребывание женщины в обществе мужчины, не связанного с ней брачными или близкими родственными узами, халиф предписал заключить фиктивный брак между своей сестрой и везиром. Когда же халиф узнал, что этот брак стал фактическим, он пришел в состояние крайнего раздражения и необдуманно приказал казнить Джафара, а кстати, и других Бармекидов. Недостоверность этой версии показал еще Ибн Халдун³⁰, приведя ее в виде примера легковерия историков.

Политика военно-административной централизации нередко встречала противодействие со стороны провинциальных правителей и военачальников. Успех любого из них зависел от численности оплачивавшегося им войска и от контакта с местными феодалами и богатыми горожанами. Основной задачей каждого правителя было личное обогащение. Иногда ему требовались крупные суммы для возмещения расходов, связанных с подкупом высших сановников в столице, где он давал взятки, добываясь назначения на выгодный пост. Поэтому наместники нередко произвольно повышали подати и сборы с подчиненного им населения, присваивали значительную часть податных поступлений, захватывали земли и другую недвижимость, приносящую доход. Халифы и начальники центральных учреждений, оберегая свои доходы, вели борьбу против самоуправства и стяжательства провинциальных правителей и в случае надобности прибегали к вооруженной силе. Однако в тяжелых и опасных условиях народных восстаний, которые угрожали свержением властей, они предоставляли в распоряжение наместников все средства их провинций на подавление сил повстанцев. Халифы оказывались беспомощными и бывали вынуждены отступить, когда народные движения приобретали характер борьбы против арабского господства в неарабских странах. Так они примирились с образованием самостоятельных и полусамостоятельных государств в Северной Африке, Средней Азии, Афганистане и Иране.

Ведомством, дававшим центральной власти возможность получать информацию о деятельности провинциальных правителей и тем самым контролировать их, был

³⁰ Ибн Халдун, Мукаддима, т. I, стр. 18—24.

барид. Это слово латинского (а возможно, персидского) происхождения. Первоначально, при халифе Муавии, оно обозначало верхового гонца, перевозившего правительственную корреспонденцию. При Абд ал-Мелике словом «барид» стали называть почтовую службу, обеспечивавшую переписку халифа с его наместниками и военачальниками в провинциях. В правление халифа Мансура барид превратился в одно из важных правительственных ведомств (диванов), а его начальник (сахиб ал-барид) стал очень крупным и влиятельным должностным лицом в Багдаде. В его подчинении находились служащие многочисленных «почтовых станций», разбросанных по всей огромной территории Халифата — в городах и на дорогах, проложенных еще при Ахеменидах и Сасанидах, при римском и византийском господстве. На каждой станции в распоряжении ее начальника постоянно имелись гонцы и верховые животные; в зависимости от географических условий местности это были лошади, верблюды или ослы (ишаки). Обязанности служащих барида не ограничивались пересылкой правительственной корреспонденции. Они были обязаны собирать на местах и сообщать в Багдад точные сведения о состоянии земельного и искусственного орошения, о настроениях местного населения, о деятельности провинциальной администрации и о количестве вычеканенной золотой и серебряной монеты на местном монетном дворе (конечно, если он имелся). Эти сведения в виде письменных докладов регулярно поступали в Багдад, в канцелярию сахиб ал-барида. Последний на основании сводок, составленных служащими его ведомства, ежедневно докладывал везиру о положении в государстве. В случаях особо важных происшествий сахиб ал-барид имел право помимо везира беспрепятственно получать аудиенцию у халифа.

Барид являлся ведомством контроля и сыска. С ним были связаны довольно многочисленные шпионы-осведомители обоюбого пола, действовавшие как в Халифате, так и в зарубежных странах. Содержание этого ведомства обходилось казне в 159 тыс. динаров.

Архивы диван ал-барида и имевшиеся в нем подробные маршруты послужили надежными материалами для сочинений по экономической географии типа «масалик вал-мамалик» (пути и государства).

Отношения между Халифатом и Византией. Когда

Аббасиды пришли к власти в Халифате, верховная власть в Византии принадлежала императорам Исаурийской династии (717—802). Следовательно, первые пять аббасидских халифов были современниками императоров этой династии. Ее основатель Лев III Исаур (717—741), выдающийся государственный и военный деятель, происходил из Сирии, вследствие чего владел арабским языком и имел точное представление о положении дел в Омейядском халифате. Через несколько месяцев после его вступления на престол арабские войска, занимавшие важные стратегические пункты в Малой Азии, форсировали Геллеспонт и при поддержке огромного флота осадили Константинополь. После неудачи арабов под стенами византийской столицы арабо-византийская война была перенесена в Малую Азию, где в конце правления Льва III арабское войско потерпело поражение при Акроине, современном Карахисаре, и отступило в Восточную Анатолию. На этой территории вплоть до начала IX в. военные действия выражались в пограничных стычках и набегах³¹.

В течение IX в. арабы проявляли большую военную активность как на сухопутной границе с Византией, так и в обширном районе Средиземного моря. На арабо-византийской границе они опирались на пограничную область Халифата, которой дали название ал-Авасым, что значит «защищающие» (города), от арабского глагола «'асама» — «удерживать», «предохранять», «защищать». Наиболее крупным пунктом этой области была Антиохия (Антакья). Кроме нее в ал-Авасыме находились города Балис на Евфрате, Манбидж, Самосат. Для защиты этих городов и всей области от неожиданных вторжений неприятеля была построена у самой границы линия крепостей. Из них наибольшее значение имел г. Таре, расположенный у Киликийского горного прохода, через который был возможен доступ в византийские владения. Эта линия пограничных крепостей получила у арабов название «сугур» — передние зубы. В противовес этой линии византийцы воздвигали свою линию крепостей. Арабы почти ежегодно (весной и летом, а иногда и зимой) предпринимали набеги на византийскую территорию. Эти на-

³¹ А. А. Васильев, Лекции по истории Византии, Пг., 1917, стр. 212—213.

беги не сопровождалась территориальными приобретениями, но причиняли немалый ущерб хозяйству населения пограничных районов.

В правление халифа Мамуна и его ближайших преемников в арабо-византийских отношениях наблюдалось стремление использовать внутренние осложнения и затруднения в государстве противника для активизации своей внешней политики. В то время в Византии верховная власть перешла к императорам Аморийской династии (820—867). В царствование первого из них — Михаила II Косноязычного (820—829), развернулось мощное народное восстание, начавшееся в 821 г. в Малой Азии под предводительством Фомы Славянина. Правители Халифата в лице халифа Мамуна пытались использовать этого предводителя, претендовавшего на императорский титул. Фома «обещал халифу сделать территориальные уступки в Малой Азии, после чего с разрешения халифских властей короновался в арабской Антиохии. Восстание, в котором приняли участие различные народности и общественные классы, распространилось на всю Малую Азию. Византийский военный флот в Эгейском море перешел на сторону повстанцев, что дало им возможность переправиться во Фракию и Македонию и осадить Константинополь. Но войску Михаила II, которому болгарская знать оказала активную помощь, удалось отеснить крупные силы повстанцев. В 823 г. Фома попал в плен и был казнен. Ставка Мамуна на Фому оказалась битой.

В то же время правители Византии сумели более удачно использовать мощное движение хурремитов, происходившее под предводительством Бабека в 815/16—837 гг. (о нем см. ниже).

Дружественные отношения и военное сотрудничество Византии с хурремитами, ведшими успешную войну с Халифатом, явились основной причиной четырех походов халифских войск под командованием Мамуна в византийскую Малую Азию — в 830, 831, 832 и 833 гг.³². После подавления хурремитского движения и казни Бабека халифское войско в 838 г. предприняло новое вторжение в Малую Азию и после продолжительной осады взяло хорошо укрепленный город Аморий. Этот военный успех был настолько значительным, что дал основание халифу

³² А. А. Васильев, Византия и арабы, стр. 82—104.

Мутасиму строить планы о походе на Константинополь. Однако осуществить эти планы так и не удалось.

В районе Средиземного моря Византия испытывала военные поражения и территориальные потери в борьбе с арабами. В 825 г. Византия потеряла Крит, имевший для нее большое стратегическое и торговое значение. Этот плодородный остров, на котором было много городов и селений, захватили жители Кордовы, изгнанные из Андалусии в 814 г., после восстания против омейядского эмира Хакама I. Эти жители кордовских предместий отплыли с Пиренейского полуострова на восток и высадились в Египте; их было около 15 тыс. человек, не считая женщин и детей. Через четыре года, в 818/819 г., воспользовавшись восстанием египетского наместника против халифа Мамуна, они овладели Александрией. В 825 г., после разгрома мятежников, Абдаллах ибн Тахир, ставший правителем Египта, предложил андалусцам выслиться за пределы долины Нила. Тогда они, сев на корабли, направились к Криту и захватили его, не встретив сопротивления, так как в то время все византийские войска и флот были заняты борьбой с приверженцами Фомы Славянина. По примеру арабских завоевателей они построили военный лагерь, который окружили рвом. От арабского слова «хандак» (что значит «ров») произошло название г. Кандия. Крит стал гнездом мусульманских пиратов, нападавших на острова и побережья Эгейского моря. Попытки византийцев восстановить свою власть на острове долго (до 961 г.) не имели успеха.

В западном Средиземноморье североафриканские арабы также одержали крупные успехи. Многочисленный и хорошо оснащенный арабский флот преобладал над византийским флотом в западной части Средиземного моря и в значительной мере способствовал успеху арабского оружия.

Завоевание Сицилии арабами последовало за восстанием византийского стратега Евфимия, объявившего себя императором. Однако далеко не все города и области Сицилии признали власть новоявленного императора, и тогда он обратился за военной помощью к Зийадет-аллаху I, правителю Ифрикии из династии Аглабидов. Войска, направленные Зийадет-аллахом I, высадились в Сицилии и приступили к завоеванию остро-

ва. Евфимий был убит сторонниками византийского императора. Аглабидские войска заняли Палермо, Мессину и большинство других городов острова и установили на нем господство североафриканских арабов; только Сиракузы оставались под управлением византийской администрации вплоть до падения Аморийской династии³³.

Из Сицилии североафриканские арабы переправились на Апеннинский полуостров и захватили Тарент (совр. Таранто), принадлежавший лангобардокому беневентскому герцогу. Затем овладели несколькими пунктами в принадлежавших Византии Калабрии и Апулии, в том числе важным укрепленным портовым городом Бари. Венецианский флот, пришедший в Тарентский залив (залив Таранто), потерпел поражение в морском сражении с арабским флотом. Войско под командованием императора Людовика II было разбито и отброшено арабами.

Гавайи сицилийских приморских городов стали удобными базами для кораблей арабских пиратов, предпринимавших смелые нападения на побережья Италии и Южной Франции и на острова в западной части Средиземного моря. Арабские пираты захватывали богатую добычу на суше и в море, в том числе людей, которых они затем продавали как рабов на невольничьих рынках в городах Северной Африки. В 840 г. арабские пиратские корабли вошли в устье Тибра и создали угрозу Риму, население которого охватила неопишная паника.

Народные движения, являвшиеся проявлением социальных противоречий и классовой борьбы, составляли основное содержание истории Багдадского халифата. Массовыми участниками этих движений выступали крестьянство и плебейское население городов, а иногда также еще довольно многочисленные рабы. Отдельные группировки господствующего класса феодалов, недовольные правлением Аббасидов и вступавшие с ними в борьбу за власть, иногда на время присоединялись (вернее, приспособлялись) к этим движениям.

Основной причиной народных движений, принимавших форму бурных восстаний против господства феодалов

³³ Там же, стр. 53—75; А. А. Васильев, Лекции по истории Византии, стр. 262—263.

лов, возглавлявшихся аббасидскими халифами, являлись угнетение и эксплуатация трудящихся. Тяжелое положение народных масс становилось невыносимым вследствие незаконных поборов и притеснений, которым они подвергались со стороны халифской администрации.

В Сирии, утратившей свое привилегированное положение в Халифате еще при последних Омейядах, оставалось немало приверженцев и сторонников этой изверженной династии. Им удавалось убедить значительную часть населения Сирии, что восстановление господства Омейядов, которое они представляли в идеализированном виде, избавит страну от аббасидского гнета, произвола и ограбления. Поэтому вплоть до начала X в. в Сирии происходили антиаббасидские восстания ради реставрации Омейядов. Участники этих восстаний, сражавшиеся под омейядским белым знаменем, возлагали свои радужные надежды на «суфианита» (т. е. потомка Абу Суфиана) как своего избавителя от зол и бедствий. Такой проомейядский политический мессианизм получил среди сирийцев настолько широкое распространение, что его вынуждена была воспринять и аббасидская пропаганда. Конечно, проаббасидские агитаторы представили этого «суфианита» в образе смутьяна и совратителя мусульман, который выступил в роли основателя царства зла и безбожия.

После истребления членов рода омейя Абдаллахом ибн Али, дядей халифа Абу-л-Аббаса, в Хауране и Киннесрине, в Сирии, подняли восстание два омейядских военачальника, причем один из них действовал от имени какого-то «суфианита». Одновременно восстали жители Дамаска и разбили войско аббасидского наместника. В 754 г., получив известие о смерти Абу-л-Аббаса, они вторично восстали и присягнули одному из оставшихся в живых омейядских эмиров. В то же время часть сирийцев вступила в войско Абдаллаха ибн Али, начавшего борьбу за халифский престол, против своего племянника Мансура. Но это войско потерпело поражение в Месопотамии в сражении с войсками знаменитого Абу Муслима.

Отношение сирийцев к Мансуру получило правильное отражение в таком, например, анекдоте. Однажды этот халиф заявил с удовлетворением, что чума перестала опустошать Сирию в его царствование. На это один

сириец ответил: «Аллах слишком милостив, чтобы объединить против нас тебя и чуму!»³⁴.

Усиленная податная эксплуатация населения, сопровождаемая произволом и вымогательствами агентов фискального ведомства, вызвала в 759—760 г. восстание в Ливане. Восставшие крестьяне-горцы, спустившись в долину Бикаа, увеличили свои силы за счет населения местных деревень, после чего двинулись на Баальбек. Теснимые превосходящими силами халифских войск, они отступили в свои родные горы. Последовавшие за ними карательные отряды, проводя жестокие экзекуции, изгнали многих ливанцев из их деревень, после чего они были расселены в равнинной Сирии.

В начале царствования Харуна ар-Рашида страшная эпидемия чумы обезлюдилла многие селения в Палестине. Часть населения вымерла, другая бежала, гонимая страхом смерти. Положение этих крестьян оказалось настолько бедственным, что даже халиф предписал предоставить податные льготы тем из них, которые вернутся в покинутые деревни и приступят к обработке заброшенных полей.

Тревожное и смутное положение в Сирии усугублялось кровавыми распрями между местными кельбитами и кайситами, которые и при Аббасидах продолжали сводить свои нескончаемые счета.

Вскоре после смерти Харуна ар-Рашида в обстановке ожесточенной борьбы за престол между его сыновьями Амином и Мамуном в Египте произошло восстание войска, а в Сирии опять появились «суфианиты». Одного из них, который в 811 г. был провозглашен в Дамаске халифом, поддерживали кельбиты, другого — их противники кайситы. В Сирии началась кровавая междоусобица, прервавшая всякое сообщение между Египтом и Ираком и нарушившая хозяйственную деятельность сирийского населения. Хозяйственная разруха стала причиной сильного голода, поразившего страну.

С воцарением Мамуна народные движения приобрели еще более широкий размах. Все царствование этого халифа можно признать смутным временем, как его определяли Н. А. Медников и А. А. Васильев. До 204 г. х.

³⁴ Н. Lammens, *La Syrie. Precis historique*, vol. I, Beyreuth, 1921, p. 131.

(819/20 г. н. э.) Мамун был всецело поглощен подавлением восстаний и борьбой с различными претендентами на престол. Только в 204 г. х. он вступил в Багдад. Но прежде чем войти в халифский дворец, ему пришлось раздать 2400 тыс. золотых динаров, чтобы обеспечить себе подобающий прием. Однако и после своего водворения в столице он был вынужден посылать войска на борьбу с повстанцами в различных странах Халифата. Так, например, уже в следующем, 205 г. х., началось восстание племен зутт в Южном Ираке. Их обычно отождествляют с цыганами, которые, по преданию, переселились туда из Индии в V в. при шахиншахе Бехраме Гуре (420—438). Постепенно они расселились по болотистым районам между Басрой и Васитом и занимались скотоводством, рыболовством и ремеслами. Известно, что среди них встречались искусные музыканты.

Восставшие племена зутт оказывали успешное сопротивление халифским карательным отрядам и прервали сообщение между Басрой и Багдадом, предпринимая нападения на верблюжьи караваны и товаро-пассажирские суда. Восстание продолжалось 15 лет, с 820 по 835 г., и прекратилось только после того, как халифские власти обещали этим повстанцам полное помилование, т. е. сохранение их жизни и имущества. О причинах восстания, о его лозунгах у нас нет точных сведений.

В 210 г. х. (825/26 г. н. э.) Мамун отправил войска под командованием Абдаллаха ибн Тахира на усмирение населения Сирии и Египта. Но экзекуции, проводившиеся Абдаллахом, а потом наследником престола Мутасимом, давали только весьма кратковременный результат. В надежде достигнуть окончательного результата Мамун в 216 г. х. сам прибыл в Сирию, а затем проследовал в Египет.

В Египте восстания арабских войск не прекращались. К ним присоединялись социальные низы, которых местные историки называли «сбродом» или «бродягами». Положение стало особенно напряженным, когда в 216 г. х. (831/32 г. н. э.) произошло восстание коптов и ранее (начиная с последней четверти VIII в.) неоднократно поднимавших восстания вследствие податных тягот, вызывавшихся хищничеством и насилиями халифских наместников и сборщиков податей.

Войско Мамуна жестоко расправилось с восставшими

коптами. По приказу халифа повстанцы, попавшие живыми в руки его воинов, были казнены, а их жены и дети проданы в рабство. Опустевшие коптские деревни были отданы феллахам-мусульманам, а многие церкви превращены в мечети.

При двух преемниках Мамуна развернулось широкое крестьянское восстание в Палестине в 226—227 гг. х. (840—842 гг. н. э.), начавшееся одновременно с восстанием жителей Дамаска. Предводитель этого крестьянского восстания, Абу Харб, скрывавший свое лицо под покрывалом, выдавал себя за «суфианита». Поэтому он нашел поддержку среди некоторых именитых кельбитов. Под Рамлой, где находился командный пункт Абу Харба, собралось много крестьян (обычное арабское выражение: «сто тысяч человек»). Но когда наступила пора весенних полевых работ, почти все они разошлись по своим деревням и под знаменем предводителя восстания осталось не более 2 тыс. бойцов. Халифское войско легко сломало их сопротивление и захватило в плен Абу Харба.

Антиаббасидское движение в Северной Африке, в котором принимали участие местные арабы и берберы, привело к образованию двух самостоятельных государств под властью Идрисидов и Ростемидов.

Народные движения в Иране, Средней Азии и Закавказье имели более сложный характер сравнительно с движениями в Сирии и Египте. Положение сельских и городских трудящихся масс при первых Аббасидах отнюдь не улучшилось, а во многих случаях даже ухудшилось. Иранские, среднеазиатские и закавказские феодалы (в первую очередь феодальная аристократия, крупные землевладельцы) вскоре после арабских завоеваний стали принимать ислам как религию завоевателей, чтобы при господстве арабов сохранить свою земельную собственность и классовые привилегии. Крестьянство в Халифате оказалось под двойным гнетом и стремилось избавиться от него путем восстаний. При Аббасидах эти восстания стали направляться не только против арабского господства, но и против местных феодалов, поддерживавших это господство и совместно с потомками завоевателей эксплуатировавших народные массы. Таким образом, движение этих масс ставило своей целью как политическое освобождение от иноземного господ-

ства, так и социальное освобождение от всех видов угнетения и эксплуатации.

Антиомейдское восстание в Средней Азии и Иране порождало у повстанцев надежду на избавление от политического и социального угнетения. С приходом к власти Аббасидов не произошло никаких изменений в тяжелом положении трудящихся масс. Поэтому они почувствовали горькое разочарование, их охватило недовольство и раздражение, за которыми последовал протест.

Уже в 755 г. произошло крестьянское восстание в Иране, в областях Нишапура и Рея, под предводительством Сумбата Мага, зороастрийца. Поводом к этому восстанию послужило совершенное по приказу халифа Мансура убийство Абу Муслима. Этот предводитель антиомейдского восстания был весьма популярен в крестьянских массах, так как с его именем и деятельностью они связывали свои надежды на социальное освобождение. Десятитысячное халифское войско, нанеся поражение повстанческим отрядам Сумбата, рассеяло их и частично истребило; при отступлении был убит и Сумбат. Это восстание продолжалось всего 70 дней³⁵.

Несравненно более серьезным и упорным было восстание «людей в белых одеждах» в Мавераннахре в 776—783 гг. Их предводитель и вероучитель Муканна (что значит «носящий покрывало») в свое время был противником не только Аббасидов, но и Абу Муслима. За свою антиаббасидскую пропаганду по приказу халифа Мансура он был схвачен в Мерве и посажен в тюрьму в Багдаде. Но ему удалось бежать, вернуться в Мерв, а оттуда пробраться в Мавераннахр. Он выдавал себя за воплощение бога и призывал к борьбе против господства арабов и ислама.

Еще до прибытия Муканны в Мавераннахр движение «людей в белых одеждах» охватило значительную часть населения долины Кашка-Дарьи и Зеравшана, а затем район Бухары; но этого города повстанцам захватить не удалось. Повстанцы, по определению А. Ю. Якубовского, автора монографической статьи о восстании Муканны, состояли в основном из земледельцев, живших в

³⁵ А. Ю. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. П. Строева, А. М. Беленицкий, История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, Л., 1958, стр. 107.

сельских общинах. Они начали терять личную свободу еще до установления арабской власти. При арабах же, которые обложили их податью и требовали выполнения трудовых повинностей, они фактически утратили свободу. Поэтому они целыми селениями вступали в ряды сторонников Муканны³⁶.

Последний, прибыв в Мавераннахр, предписал построить сильную крепость в горах Санам и сделал ее центром восстания. На подавление этого восстания были брошены значительные военные силы, которые встретили упорное сопротивление повстанцев. Халиф Махди самолично прибыл в Нишапур, чтобы руководить борьбой с ними. Он смещал одних военачальников за бездеятельность или за медлительность, назначал других, но подавить восстание удалось только после семилетней борьбы благодаря численному и военно-техническому превосходству халифских войск. Повстанцы упорно защищали свои крепости. По преданию, накануне падения последней крепости, в которой он находился, Муканна принял яд. Но «люди в белых одеждах» еще несколько лет продолжали разрозненную борьбу, ожидая его «второго пришествия».

Идеологией массовых движений, направленных против арабского господства и феодального строя, в Иране, Средней Азии и Закавказье служил маздакизм или учения, происходившие от него. Для всех этих учений характерна дуалистическая концепция о вечной борьбе света с тьмой, добра со злом и неизбывная надежда на конечную победу света над тьмой, на торжество добра над злом. Господствовавший строй угнетения и эксплуатации трудящиеся массы отождествляли с тьмой-злом, а света-добра искали в давно ушедшем прошлом. Идеализируя в своем воображении это прошлое, они представляли свободный общинный строй золотым временем всеобщего равенства и изобилия. Поэтому они стремились восстановить общинные порядки, при которых их отдаленные предки не страдали ни от жестокой власти феодалов, ни от лихоимства и насилий сборщиков податей. Основной причиной всех зол и бедствий они считали

³⁶ А. Ю. Якубовский, Восстание Муканны — движение людей в «белых одеждах», — «Советское востоковедение», V, Л, 1948, стр. 47—48.

феодалную собственность и стремились заменить ее собственностью общинной.

Поборников этой идеологии называли хурремитами. Значение этого названия пока еще не выяснено; возможно, оно происходит от персидского слова «хуррем» — ясный, светлый. Допустимо производить это название от «хур», «хвар» — «солнце», «огонь»³⁷. Они были известны также под названием «мухаммира» — «красные» или «сурх алем» — «краснознаменные». Красный цвет — цвет крови — выражал у них готовность жертвовать собой во имя свободы. Свое наиболее полное и яркое выражение хурремитские цели и идеология получили в движении Бабека.

Это восстание, начавшееся в Азербайджане, распространилось в связи с военными успехами повстанческих войск на огромной территории. Помимо Азербайджана им были охвачены Хорасан, Джибал, Армения, Табаристан, Джурджан, Дейлем, область Хамадана вплоть до Исфахана. Оно началось в 815 или в 816 г., продолжалось более 20 лет, до 837 г. В основном это было массовое крестьянское восстание; только в Азербайджане в нем участвовало около 300 тыс. человек. Прежде всего оно было направлено против арабского господства. Это обстоятельство при наличии блестящих и длительных успехов повстанцев в борьбе с халифскими войсками побудило примкнуть к нему многих представителей местного господствующего класса, причем не только из мелкого и среднего феодализма, но и из феодальной аристократии и даже халифских наместников и правителей областей. Конечно, представители господствующего класса (и особенно крупные феодалы) могли выступать только как вынужденные и временные попутчики этого крестьянского движения, которое в своей основе являлось антифеодальным. Вступая в сношения с Бабеком или во всяком случае не противодействуя ему, они рассчитывали сохранить свою жизнь и собственность, а в дальнейшем, возможно, и свои классовые привилегии. Но в этом крылась большая опасность для движения, что и проявилось на его последнем этапе.

О размахе движения, численности его участников и

³⁷ См. З. М. Бупнятов, Азербайджан в VII—IX веках, автореферат диссертации, Баку, 1963, стр. 33.

их высоком боевом духе можно судить по их неизменным успехам в сражениях с халифскими войсками, посылавшимися Мамуиом. В 820 г. они нанесли поражение первому направленному против них халифскому войску. Такой же участи подверглись еще два халифских войска, высланные Мамуном против хурремитов в 823/24 и в 828 гг. Второе из этих двух войск насчитывало в своих рядах 30 тыс. бойцов. В 829/30 г. хурремиты уничтожили еще одно халифское войско, причем не спасся даже его военачальник.

Такие крупные военные успехи хурремитов можно объяснить их численностью и стремлением к освобождению от иноземного господства, которое они считали основной причиной их социального угнетения. Немалое значение для побед хурремитов имели также организаторские способности и военный талант Бабека. Он, как и другие предводители хурремитских восстаний, вышел из простого народа, в молодости испытал нужду и притеснения. Работая погонщиком верблюдов в торговых караванах, он проходил по многим городам и деревням, видел угнетенное положение трудящихся, проникся их надеждами и чаяниями. Став во главе движения, охватившего огромную территорию, Бабек проявил себя как весьма способный военачальник, умевший направлять революционную энергию повстанческих масс. В то же время он сумел правильно оценить международную обстановку и прежде всего арабо-византийские отношения.

Он вступил в переписку с византийским императором Феофилом (829—842) и готов был вести с ним совместные военные действия против Халифата. По крайней мере накануне похода Мамуна в византийские владения в 830 г. туда перешли 14 тыс. хурремитов. Византийское военное командование разместило их по (ремам, сформировав из них особые отряды, которые стали известны под названием «персидские турмы». Византийцы позаботились даже о том, чтобы подыскать жен для тех из воинов этим турм, которые изъявляли желание вступить в брак.

Возможно, что походы против Византии, которые халиф Мамун предпринимал в последние четыре года своей жизни, имели одной из целей воспрепятствовать объединению повстанческих сил Бабека с византийскими войсками.

В первые годы правления Мутасима (833—842) война

против хурремитских повстанцев Бабека стала основной целью деятельности халифского правительства. По некоторым сведениям, Мамун завещал своему преемнику поручить ведение этой войны решительному и жестокому военачальнику и предоставить в его распоряжение все возможные силы и средства.

Уже в 833 г. против хурремитов было направлено халифское войско, которому в сражении под Хамаданом удалось нанести поражение до того непобедимым повстанцам; в этом сражении и после него было перебито 60 тыс. хурремитов. Спасшиеся от истребления ушли на византийскую территорию³⁸. На арабо-византийской границе до 837 г. не происходило никаких военных действий. Это объяснялось тем, что основные силы Византии были заняты в Сицилии. Четырехлетнее фактическое перемирие в Малой Азии позволило халифскому военному командованию направить все наличные военные силы (в том числе и взятые из пограничной области ал-Авасым) на борьбу против войск Бабека. Халифские войска были хорошо снабжены оружием, обмундированием и продовольствием; им была придана также осадная и штурмовая техника, специально приспособленная для горной войны.

В 835 г. халиф Мутасим назначил главнокомандующим войсками, направлявшимися против хурремитов, тюрка Афшина, выказавшего большие способности карателя еще при Мамуне, во время подавления восстания в Египте. Халиф приказал выплачивать этому военачальнику повышенное жалование: по 10 тыс. дирхемов в те дни, когда происходили сражения с хурремитами, и по 5 тыс. дирхемов в день, если таких сражений не происходило³⁹. В подчинении у Афшина состояли известные тогда военачальники Джафар ал-Хайят и Итах ат-Таббах. Когда халифские войска стали теснить силы Бабека, он сообщил императору Феофилу, что халиф направил против хурремитов всех своих людей, в их числе даже своего портного и своего повара. Бабек прибег к игре слов: по-арабски «хайят» значит портной, а «таббах» — повар. В то же время, по некоторым сведениям, Бабек в переписке с императором Феофилом выдавал

³⁸А. А. Васильев, Византия и арабы, стр. 104.

³⁹З. М. Буниятов, Азербайджан в VII—IX веках.

себя за христианина и обещал обратить в христианство всех своих последователей⁴⁰. Такое заявление Бабека не следует рассматривать только как дипломатический маневр. Ведь хурремиты по их идеологии стояли ближе к христианству, чем к исламу.

Желая ослабить халифские войска, Бабек настоятельно просил Феофила вступить в войну с Халифатом. Он резонно полагал, что в случае военной угрозы со стороны Византии халиф будет вынужден снять значительную часть военных сил с хурремитского фронта, чтобы отразить или задержать наступление византийцев. Действительно, византийское военное командование, воспользовавшись малочисленностью арабских военных сил в пограничной области, совершило вторжение на территорию Халифата. В 837 г. византийские войска предприняли поход под Заперту (араб. Зибарту), крепость в Месопотамии. В рядах византийских войск сражались те хурремиты, которые в свое время ушли на византийскую территорию. Византийцы взяли и сожгли Заперту; мужское население крепости было перебито, женщины и дети — захвачены в плен. Были взяты также города Малатия и Самосата. Взятие этих городов сопровождалось довольно обычными у византийцев зверствами: многим пленным выкололи глаза, у других отрезали носы и уши.

Вторжение византийских войск было крупным рейдом, совершив который, они вернулись на свою территорию. Халифские войска не были ослаблены и продолжали оттеснять хурремитов в горные районы Азербайджана. Но хурремиты еще представляли собой грозную силу, и их предводитель Бабек играл еще выдающуюся политическую роль. По крайней мере известно, что халифский главнокомандующий Афшин вступил в тайные переговоры с Бабеком и с правителем Табаристана Мазъяром, состоявшим в переписке с предводителем хурремитов и одобрявшим его действия. Переговоры велись с целью разработки плана совместных действий против халифа, которого Афшин предлагал низложить и установить свою власть в Халифате, а своим соучастникам предоставить господство над некоторыми частями его территории. Но соглашение не состоялось, вероятнее всего вследствие отказа Бабека вступить в союз с пред-

⁴⁰ А. А. Васильев, Византия и арабы, стр. 114.

ставителем того класса, против господства которого вели борьбу хурремитские массы.

В войне с хурремитами Афшин применял не только живую силу и осадно-штурмовую технику. Он придавал очень большое значение деятельности своей агентуры в тылу противника. Его агенты (шпионы и провокаторы) не только сообщали халифскому командованию разведывательные сведения, но и воздействовали на те феодальные элементы, которые были только временными попутчиками хурремитов. Военные успехи халифских войск в 835—837 гг. напугали этих попутчиков, боявшихся потерять свои земли и привилегии, а то и попасть на расправу к халифским палачам. Они стали не только отказываться от союза с Бабеком, но и выступать против него, нанося ему удары в спину.

В конце 837 г. войско Афшина осадило крепость Базз, являвшуюся резиденцией и командным пунктом Бабека. Когда стало очевидным, что падение крепости неминуемо, Бабек ушел из нее по подземному ходу. Он намеревался пробраться в Византию, чтобы с помощью войск императора Феофила продолжать борьбу против Халифата. Но в Армении один местный феодал предательски захватил Бабека и выдал его Афшину. Последний приказал отправить Бабека на слоне в резиденцию халифа Самарру, куда и сам прибыл с большим триумфом. Бабек был четвертован и распят на кресте как государственный преступник.

Классовая ненависть к массам, боровшимся за свое освобождение, была причиной клеветы на Бабека и его соратников, содержащейся в трудах феодальных мусульманских историков. Измышления о якобы отталкивающем моральном облике хурремитов были восприняты и буржуазными историками арабов и ислама. Так, например, К. Юар в «Истории арабов» — одном из орди парных произведений зарубежной буржуазной историографии — дает следующую констатацию: «Азербайджан подпал под власть Бабека, главы коммунистической секты хурремитов, которые веровали в воплощение божества в лице их главы и проповедовали общность имущества и женщин» «1. Даеж в XX в. индо-мусульманский ученый Амир Али проявляет к Бабеку ненависть и презрение

¹ С. Huart, Histoire des Arabes, p. 300.

«В царствование Мамуна,—пишет он,—разбойник по имени Бабек овладел крепостью в одном из наименее доступных ущелий в Мазандеране. Он принадлежал к секте магов-хурремитов, которые веровали в переселение душ и не признавали ни одного правила морали, предписываемого иудаизмом, христианством или исламом. Выходя из своей горной крепости, он подвергал беспощадному ограблению окрестную область, убивал мужчин и уводил женщин (как христианок, так и мусульманок) в постыдный плен»⁴².

Как уже отмечалось при характеристике маздакитского движения, его противники сделали участников этого движения объектом злостной клеветы. Эта клевета держалась в течение столетий и распространена была также и на хурремитов. Борцы против феодальной эксплуатации действительно были сторонниками общности имущества в свободной земледельческой общине, которую они стремились восстановить. Но они вовсе не были и не могли быть коммунистами в научном значении этого слова. Буржуазные ученые, давая им такое определение, не вкладывают в него научного содержания и могут только напугать мелкобуржуазных обывателей. Что же касается некрасивой легенды об «общности женщин», то она могла возникнуть как отражение свободного положения хурремиток в кривом зеркале мусульманского мировоззрения. Дело в том, что крестьянки (и тем более еще горянки), все время занятые производительным трудом, пользовались в мусульманских странах той относительной самостоятельностью, которой были совершенно лишены бездельные горожанки и прежде всего жены и дочери феодалов, купцов и духовенства. Известно, что женщины у хурремитов не носили покрывала и стесняющей движения одежды вроде паранджи, шонятия не имели о затворничестве, так как все это мешало их домашним и полевым работам. Они сидели за одним столом (вернее, на одном ковре) с мужчинами, сами имели право выбирать себе женихов и мужей (т. е. выходили замуж по любви), в случаях надобности принимали участие в сражениях, а некоторые из них участвовали в военных совещаниях. Такое положение женщин, обеспеченное им

⁴² Syed Ameer Ali, A short history of the saracens, London, pp. 271—272.

их участием в труде и борьбе» представлялось феодальным идеологам, сторонникам закрепощения мусульманки, как проявление безнравственности и даже как разврат. На этой почве нетерпимости и угнетения женского пола и выросло нелепое представление об «общности женщин» у хурремитов.

Восстание зинджей. Одной из характерных и специфических особенностей феодального общества в Багдадском халифате являлось наличие рабовладельческого уклада. Несмотря на развитие феодального способа производства и соответствующих ему отношений, этот уклад долго не был преодолен. Факт применения труда рабов в общественном производстве Халифата пока еще не получил удовлетворительного объяснения в трудах советских историков Востока. На современном уровне изучения вопроса о причинах эксплуатации рабов в земледелии, искусственном орошении и ремесле можно высказать только следующие суждения. Во-первых, рабовладельческий уклад был присущ раннефеодальным обществам в Византии и на Среднем Востоке. После арабских завоеваний этот уклад не только сохранился, но и получил значительное развитие, так как господствовавшая в Халифате арабская родовая аристократия выступала носителем рабовладельческих отношений. В условиях резкого увеличения числа рабов в правление «праведных» халифов и Суфианидов развитие феодальных отношений в завоеванных арабами странах временно прекратилось. Во-вторых, медленное разложение земледельческой общины, оказывавшей активное сопротивление ее закрепощению, налог-рента и отсутствие барщины вызывали необходимость применения рабского труда в наиболее трудоемких сферах общественного производства, прежде всего в искусственном орошении, а также в горном деле и в некоторых наиболее тяжелых ремеслах.

Потребность в рабах в общественном производстве и широкое развитие домашнего рабства вызывали весьма оживленную работорговлю. Караваны невольников и торговые корабли, набитые рабами, прибывали в Багдадский халифат как с севера, так и с юга. Особенно много рабов поступало из Занзибара (по-арабски аз-Зиндж). Это название в арабоязычной географии прилагалось не только к о-ву Занзибару, но также ко всему побережью Восточной Африки. Этот остров славился

среди работорговцев своими многолюдными рынками чернокожих рабов. Из его гаваней отходило много кораблей, нагруженных рабами, которых привозили в район Шатт-ал-араба, В Халифате рабы, привезенные из Африки, были известны как «зинджи», по названию острова.

В окрестностях Басры всегда наблюдалось большое скопление зинджей, привезенных арабскими и персидскими работорговцами и ожидавших своих покупателей. В IX в. часть рабов отбиралась для халифского войска, большинство же их направлялось в Южный Ирак и в иранский Хузистан. В этих областях они подвергались весьма жестокой эксплуатации на государственных и частновладельческих землях. Копая каналы, они осушали болота, заросшие камышом, очищали солончаки, снимая с них верхний покров соли, добывали селитру и вываривали соль из морской воды. Наряду с этим их труд применялся также на плантациях хлопка и сахарного тростника.

Размещенные по лагерям (от 500 до 5 тыс. человек в каждом), зинджи были вынуждены трудиться в весьма тяжелых условиях. Они жили в грязи и духоте убогих шалашей, небрежно сделанных из камыша и пальмовых листьев. Суточный пищевой рацион одного раба состоял из нескольких горстей муки и фиников. Они страдали и погибали от болотной лихорадки, от истощения и от зверского обращения надсмотрщиков. Иногда рабы поднимали восстания, которые беспощадно подавлялись халифскими властями; первое такое восстание произошло в 694 г.

Самое крупное восстание зинджей, продолжавшееся 14 лет, началось в 869 г. Довольно подробные сведения о нем мы можем почерпнуть из «Всеобщей истории» ат-Табари, который был современником этого восстания. Сочинение, написанное одним из идеологов восставших зинджей и сторонником их предводителя, не дошло до нас. Некоторые сведения об этом восстании содержатся также в трудах Масуди.

Восстание зинджей вспыхнуло в окрестностях Басры. В 255 г. х. (868/69 г. н. э.) здесь, как пишет ат-Табари, «появился человек, и собрались к нему зинджи, которые очищали солончаки»⁴³. Это был Али ибн Мухаммед,

⁴³ «Табари, III, 1742.

ставший предводителем и идеологом восстания чернокожих рабов. О его происхождении и раннем периоде деятельности сохранились неопределенные и разноречивые сведения. Видимо, он начал свою карьеру в Хаджаре, в Восточной Аравии, где объявил себя пророком и прямым потомком халифа Али; точных сведений о содержании его проповедей не имеется. Многие жители этого города примкнули к нему, но другие их сограждане воспротивились установлению его власти. Между его приверженцами и противниками произошли кровавые столкновения. Тогда он перебрался в Бахрейн, жители которого признали его пророком. Однако, когда он попытался собирать с них себе подати, его прогнали. Тогда он с отрядом своих приверженцев стал бродить в ал-Хасе, переходя из одного бедуинского становища в другое и проповедуя какие-то новые, до того неизвестные, стихи Корана. К нему примкнуло много новых приверженцев, и он выступил с ними против бахрейнцев. Но те нанесли поражение его «войску», и оно быстро рассеялось. Как передавали впоследствии его приверженцы, он, находясь в безнадежном положении, услышал из грозовой тучи таинственный голос, приказывавший ему идти в Басру⁴⁴.

В 868 г. он появился в Басре, где в то время происходила междоусобная борьба между двумя группами населения. Попытка Али ибн Мухаммеда возглавить одну из групп, подчинив ее своему влиянию, успеха не имела. Правитель города посадил в тюрьму тех немногих горожан, которые примкнули к Али ибн Мухаммеду. В тюрьме же оказались его жена, сын, дочь и невольница, но сам он бежал в Багдад. Здесь к нему присоединилась часть жителей столицы. Однако он не прожил в ней и года, как опять перенес свою деятельность в Басру. Правитель Басры был смещен, а «главари смуты» освободили заключенных из тюрем. Узнав об этом, Али ибн Мухаммед вернулся в Басру в рамадане 255 г. х. (в августе 869 г. н. э.)⁴⁵.

Под этим годом ат-Табари⁴⁶ приводит рассказ одного раба (гуляма) о его разговоре с будущим вождем зинджей. Последний, встретившись с этим рабом под Бас-

⁴⁴ Там же, 1743—1745.

⁴⁵ Там же, 1746—1747.

⁴⁶ Там же, 1748.

рой, расспрашивал его, Сколько Получает каждый раб муки, похлебки и фиников. Затем предложил привести к нему рабов, и, когда к нему пришли 150 из одного места, 500 — из другого и еще много рабов из разных мест, он обратился к ним с речью. В своем первом выступлении перед эинджами Али ибн Мухаммед обещал им «власть и имущество» и поклялся, что не обманет и не покинет их. Затем он приказал привести к нему владельцев этих рабов и надсмотрщиков и пригрозил им казнь за угнетение рабов. Эту угрозу он отчасти привел в исполнение, приказав рабам нанести по 500 ударов свежими пальмовыми ветвями каждому рабовладельцу и надсмотрщику. Он приказал им дать развод своим женам, чтобы они не разболтали о его местопребывании и численности его сподвижников. Он, вероятно, оставил этих разведенных женщин при себе и подыскал им новых мужей из числа своих соратников.

Уже в первом году восстания в окрестностях Басры вокруг Али ибн Мухаммеда собралось около 15 тыс. рабов. Обращаясь к ним с речью, он заявил, что хочет улучшить их состояние и самих их сделать владельцами рабов, имущества и жилищ⁴⁷.

Идеология Али ибн Мухаммеда была синкретичной. Он был шиитом, выступавшим в роли «скрытого имама», прямого потомка Али ибн Абу Талиба, и даже выдавал себя за воплощение бога, а потому скрывал свое лицо под покрывалом. Но в ходе восстания он вполне определенно проявил себя как проводник учения хариджитов в его крайнем выражении, какое оно приняло у азракитов. К последним его причисляет Масуди и в доказательство его принадлежности к этой нетерпимой секте приводит убийства женщин, младенцев и стариков, производившиеся по его приказам, а также хариджитские религиозные лозунги и формулы, употреблявшиеся им в публичных выступлениях⁴⁸.

Масса зинджей, конечно, не имела ни желаний, ни возможности воспринимать хариджитское вероучение. По своему умственному развитию и культурному уровню они стояли гораздо ниже темных, неграмотных иракских крестьян. К тому же они не понимали арабских речей

⁴⁷ Там же, 1751.

⁴⁸ Magoudi, *Les prairies d'or*, t. VIII, pp. 31—32.

своего предводителя, который вынужден был обращаться к ним через переводчиков. Но при том обилии языков и наречий, на которых говорили африканские рабы, привезенные из разных стран «черного континента», найти достаточное число разноязычных переводчиков было совершенно невозможно. Следовательно, для многих зинджей их красноречивый предводитель-проповедник был как бы немым, а они были глухи к его проповедям.

Зинджи, испытавшие позор и жестокость рабства, пылали ненавистью к людям, а также стремились наполнить свои желудки, истощенные длительным голоданием. Отсюда происходили убийства и разбой, которыми восставшие рабы приводили в ужас всех собственников.

Взять Басру, опоясанную высокими и крепкими стенами, восставшие не могли, а возможно, и не ставили перед собой такой задачи, так как еще не были организованы в военном отношении, не имели даже ручного оружия, не говоря уже о штурмовых приспособлениях. Но в окрестностях этого города и в его области рабы убивали своих владельцев и надсмотрщиков и захватывали богатую добычу, в том числе оружие.

Местные крестьяне и городская беднота сочувственно отнеслись к восстанию рабов. Али ибн Мухаммед запретил восставшим производить грабежи в деревнях в поисках продуктов питания и оружия. Первое время положение восставших рабов было весьма затруднительным. Но их предводитель проявил незаурядную энергию и распорядительность. Он разделил их на отряды, назначил командиров, запретил пить вино.

В 256 г. х. (869/70 г. н. э.) зинджи взяли и разграбили Оболлу. После этого им сдался Абадан. В том же году восстание распространилось на Хузистан, встретив сочувствие и поддержку крестьян и неимущих горожан. В Ах-вазе, главном городе этой области, видимо, произошло восстание, благодаря чему зинджи легко овладели этим крупным пунктом и захватили в плен его правителя. Они нанесли поражение халифскому отряду, прибывшему на подавление восстания; остатки этого отряда вместе с его командиром бежали под защиту крепостных стен Басры.

Успехи зинджей вызвали панику среди богатых жителей Басры. Многие из них спешно покинули город и

бежали на север. Зинджи нанесли поражение второму халифскому отряду

В 257 г. х. (870/71 г. п. э.) они одержали еще несколько побед над халифскими войсками. Причиной военных успехов, которые неизменно одерживали отряды восставших рабов, являлись не только их крайнее ожесточение и их тактика стремительных ночных нападений на лагеря халифских войск. Гораздо большее значение имело такое неожиданное для халифского командования обстоятельство: многие контингенты халифских войск, сформированные из зинджей, без сопротивления переходили на сторону своих восставших собратьев, сознавая этническое и социальное единство с ними. Такое пополнение, влившееся в отряды рабов-повстанцев, весьма значительно повышало их боеспособность, так как примыкавшие к ним халифские воины-зинджи были обучены военному делу и хорошо вооружены. Поэтому через два года после начала восстания повстанческие отряды зинджей превратились в настоящую армию.

Осенью 871 г. зинджи взяли Басру. Много жителей погибло (по сведениям Масуди, 300 тыс. человек)⁵⁰, пожары уничтожили значительную часть города, имущество жителей было разграблено. Но зинджи не превратили этот большой город в свой главный военно-политический пункт, так как это не соответствовало их военной стратегии. В ходе военных действий против халифских войск они создавали себе укрепленные убежища на островках, образованных протоками Шатт-ал-араба и каналами, в местах, покрытых густыми зарослями камыша. В этих убежищах, окруженных земляными валами, за которыми находились их жилища и склады, отдельные отряды зинджей отсиживались под защитой болот или сложной сети водных артерий от высланных против них халифских войск, когда не считали возможным вступать с ними в сражение. Сюда же они сносили добычу, захваченную в лагерях халифских войск и в населенных пунктах, а также при нападениях на купеческие караваны и суда. Из такого убежища, являвшегося резиденцией Али ибн Мухаммеда, вырос большой укрепленный город ал-Мухтара, в юго-западу от Ку-

⁴⁹ Табари, III, 1834—1838.

⁵⁰ Mafoudi, *Les prairies d'or*, t VIII, p, 58,

фы, и впоследствии стал столицей государства зинджей.

В общем война между зинджами и Халифатом до конца 70-х годов IX в. развертывалась с перевесом сил повстанческих войск Али ибн Мухаммеда. Халифские войска проявляли меньшую стойкость, чем войска зинджей, продолжавшие одерживать победы чаще, чем испытывать поражение. В 875 г. у зинджей появился невольный союзник в лице иранского военачальника Йакуба ибн Лейса ас-Саффара, выступившего против аббасидского халифа. Однако его поход на Багдад завершился поражением. Наместник Йакуба в Хузистане выступил совместно с зинджами, но их соединенные силы были в 876 г. разбиты под Сусом. Последовавшие за этой неудачей разногласия между йакубом и зинджами быстро перешли во враждебные отношения. Али ибн Мухаммеду пришлось уступить Йакубу Ахваз, чтобы избавиться от военной угрозы с его стороны.

В 265 г. х. (878/79 г. н. э.) зинджи взяли Васит и, продвинувшись к северу от него, оказались на пути в Багдад. Но уже в следующем году халифское войско под командованием Абу-л-Аббаса (будущего халифа Мутаида), сына Муваффака, нанеся поражение зинджам, вступило в Васит. В том же году сам Муваффак принял командование войском, направлявшимся против зинджей. Это войско сопровождал многочисленный речной флот, состоявший из палубных судов, барок и лодок, на которых было возможно проникать по протокам и каналам к убежищам зинджей.

К тому времени в среде зинджей произошли весьма существенные изменения, ставшие причиной их поражения. Рабы-зинджи, освободившись от угнетения и эксплуатации, не отменили рабства. Как мы видели, еще в самом начале восстания Али ибн Мухаммед обещал восставшим рабам сделать их богатыми рабовладельцами. Поэтому с расширением территории восстания возрастало число рабов за счет обращения в рабство пленных и части свободного населения. Как сообщает Масуди, зинджи продавали на аукционах арабских женщин знатного происхождения — алидок, курейшиток и др. Видимо, на этих аукционах предложение превышало спрос, так как на них можно было купить молодую девушку по ничтожно низкой цене — за 2—3 дирхема. Каждый зиндж, как

уверяет упомянутый арабский автор, владел 10, 20 и даже 30 женщинами, находившимися у него на недостойном положении рабынь-наложниц и выполнявшими тяжелую и грязную работу⁵¹.

Крестьяне, являвшиеся самым важным союзником зинджей, не получили освобождения от податного ярма на территориях, захваченных этими вчерашними рабами. Горожане (особенно богатые) понесли большие потери от пожаров и грабежей, не говоря уже об избиениях населения. На территории господства зинджей сократилась торговля, что отразилось на положении купцов и ремесленников. Таким образом, тыл и социальная база зинджей были ненадежными; они держались только на силе оружия.

Командная верхушка зинджей к концу 870-х годов превратилась в господствующую группировку крупных землевладельцев и рабовладельцев. Владея земельной собственностью и рабами, эта группировка эксплуатировала крестьян и трудящихся горожан, а также обирала рядовых зинджей, присваивая себе большую часть добычи и податей. Обладая неограниченной властью и большими богатствами, она признала халифскую деспотию идеалом государственного устройства. Али ибн Мухаммед провозгласил себя халифом на территории завоеванной зинджами, приказал молиться за него в мечетях как за суверенного государя и чеканить монеты с его именем. Образование как бы «малого халифата» зинджей явилось показателем глубокого социального расщепления в их среде. Союз зинджей со свободными трудящимися массами расторгся; в среде самих зинджей в условиях резко проявившегося имущественного и политического неравенства нарастали социально-экономические противоречия. В их рядах наблюдались разочарование, неуверенность и колебания. Все это снижало боеспособность их войск.

В 880 г. зинджи еще раз нанесли поражение одному из халифских отрядов. Но войска и флот под командованием Муваффака медленно и осторожно продвигались на юг, тщательно обследуя территорию, занятую зинджами. В отличие от ранее действовавших халифских военачальников, которые истребляли всех зинджей, попа-

⁵¹ Ibid., p. 60.

давших им в руки, Муваффах проводил разумную политику: он снисходительно и милостиво обращался с пленными и безоружными зинджами, запретил своим воинам убивать и мучить их⁵². Таким обращением с зинджами он, несомненно, стремился не доводить их до отчаяния и тем самым ослабить их сопротивление.

При продвижении войск Муваффака на юг зинджи перешли к обороне, рассредоточив свои вооруженные силы по укрепленным лагерям. Эти лагеря отряды Муваффака брали штурмом. Наличие речного флота при его войсках давало им возможность проникать к любому укрепленному пункту зинджей и подавлять сопротивление его защитников. Самый крупный пункт ал-Мухтары, резиденция Али ибн Мухаммеда, выдержал трехлетнюю осаду; его отчаянно сопротивлявшийся гарнизон отбил несколько штурмов халифских войск. Муваффаку пришлось построить хорошо укрепленный лагерь, чтобы предохранить свои войска от больших людских потерь, причинявшихся смелыми ночными вылазками осажденных. Он предлагал Али ибн Мухаммеду капитулировать и принести присягу халифу, за что обещал ему помилование⁵³, но предводитель зинджей отказался прекратить сопротивление, которое становилось уже безнадежным. Гарнизон ал-Мухтары все более страдал от голода, так как блокировавшие его войска Муваффака не допускали подвоза продовольствия. Часть осажденных зинджей дезертировала из крепости и перешла в лагерь Муваффака, который хорошо принял этих перебежчиков. Наконец, в 883 г. истощенный гарнизон ал-Мухтары не выдержал штурма, и эта крепость пала. Голова Али ибн Мухаммеда была брошена к ногам Муваффака.

После подавления восстания зинджи подверглись жестокой расправе. Многие из них были уничтожены, остальные снова обращены в рабство. Беспощадные репрессии обрушились и на их верных соучастников — азракитов. В Басре после взятия этого города зинджами руководящую политическую роль играл Мухаллиби, один из ближайших сподвижников Али ибн Мухаммеда. В своих проповедях и молитвах он призывал благословение божие на этого предводителя зинджей и на двух

⁵² Табари, III. 1972.

⁵³ Там же, 1981.

первых халифов — Абу Бекра и Омара, а затем проклинал Аббасидов, как деспотов и тиранов. Среди басрийцев оказалось немало последователей и единомышленников этого пламенного азракита, которые не отказались от своих убеждений и продолжали собираться по пятницам для совершения молитвы и слушания проповедей. Правда, многие из них, спасаясь от преследований халифских властей, покинули Басру. Большинство же оставшихся в ней азракитов было убито или брошено в реку. Но было немало и таких, которые скрывались во дворах и в колодцах. Они выходили из своих убежищ только по ночам и, бегая по безлюдным улицам и площадям, охотились на собак, кошек и крыс, которые служили им пищей. Когда же эти животные были истреблены, скрывавшиеся азракиты перешли к трупоедству, поедая своих покойников⁵⁴.

Главным последствием восстания зинджей явилось отмирание рабовладельческого уклада. Правда, его полного отмирания не произошло, так как еще долго сохранялось применение рабского труда в ремесленном производстве. Но эксплуатация рабов в земледелии и в искусственном орошении, как правило, перестала применяться. В связи с этим значительно сократился импорт рабов из Африки, так как он стал удовлетворять спрос почти исключительно на домашних рабов.

⁵⁴ Macoudi, *Les prairies d'or*, t. VIII, pp. 58—59.

- Аббас, дядя пророка Мухаммеда 87, 99, 111, 124, 212, 213
- Аббаса, сестра Харуна ар-Рашида 240
- Аббасиды, династия 87, 163, 176, 210—214, 919—223, 231, 239, 243, 246, 250, 251, 268.
- Абд ал-Азиз, наместник Египта 192, 195
- Абд ал-Мелик, халиф 166, 180, 181, 187, 191, 192, 194, 195, 198, 199, 201, 242
- Абд ар-Рахман, омейядский эмир 213, 219
- Абдаллах ибн Абу Сарх 157
- Абдаллах ибн Али, аббасидский военачальник 204, 213, 247
- Абдаллах ибн Сад, военачальник 140
- Абдаллах ибн Тахир, правитель Египта 245, 249
- Абдаллах ибн Халид, зять халифа Османа 157
- Абдаррахман ибн Ауф, «сподвижник» Мухаммеда 155
- Абу-л-Аббас ас-Саффах, халиф 212, 213, 238, 247, 265
- Абу Бекр, халиф 99, 115, 117, 133, 136, 268
- Абу Джахл, «сподвижник» Мухаммеда 99
- Абу Зарр ал-Гифари, «сподвижник» Мухаммеда 156
- Абу Иусуф Иакуб ал-Ансари, арабский правовед 206, 207, 225
- Абу Михнаф, арабский историк 129
- Абу Муслим, предводитель антиомейядского восстания 203, 213, 247, 251
- Абу Суфиаи, глава мекканских курейшитов 117, 120, 124, 154, 165, 175, 247
- Абу Убейда, арабский военачальник 145
- Абу-л-Фида, арабский историк и географ 32
- Абу Ханифа, арабский правовед 206
- Абу Ханифа ад-Динавери, арабский историк 130
- Абу Харб, предводитель повстанцев 250
- Авраам (Ибрахим), библейское имя 67, 96
- Аглабиды, династия 219, 245
- Айхала (Абхала), по прозвищу Зу-л-Химар, предводитель восстания в Йемене 135
- Аиша, жена Мухаммеда 99, 114, 149, 157,
- д'Аламбер, французский просветитель 89
- Али (ибн Абу Талиб), халиф 157-161, 167, 174, 175, 177, 180, 194, 212, 261, 262
- Али Ибрахим Хасан, современ-

* Указатели имен и географических названий составлены Р. А. Терегуловой.

- ibīfī арабский историк 166, 210
- Али ибн Мухаммед, предводитель зинджей 260—267
- Алиды 194
- Амин, халиф 215
- Амин ар-Рейхани, современный арабский писатель и публицист 44
- Амина, мать Мухаммеда 111
- Амир Али, современный индомусульманский ученый 257
- Аморийская династия 244, 246
- Амр ибн ал-Ас, арабский полководец 124, 139, 153, 158, 161, 174
- Антара, поэт 74
- Аршакиды, династия 14—16
- Афшин, военачальник 255—257
- Ахемениды, династия 242
- Ахмад Амин, современный египетский ученый 210
- Ахмад Фарид ар-Рифан, современный египетский ученый 211
- ал-Ахтал, поэт 177
- ал-Ашас, военачальник 186, 187
- Бабек, предводитель восстания хурремитов 215, 216, 244, 253—257, 258
- Бандали Джузи (Пантелеймон Жузе, советский востоковед) 211
- Бармекиды, везиры в Халифате 214, 215, 240, 241
- Бартольд В. В., русский востоковед 91, 132, 165, 195, 196, 209, 210, 220, 237, 238
- Батлер А., английский историк 131
- Беккер Карл, немецкий востоковед 165
- Белазури, арабский историк 127, 128, 129, 136, 146, 153, 163
- Бен Шемеш А., современный востоковед 207
- Бехрам Гур, шахиншах 18, 249
- Бишр ибн Мерван, наместник в Куфе 194
- Блашер Режи, французский востоковед 85
- Вуль Франте, датский востоковед 90
- Буркхардт Й. Л., швейцарский путешественник 41
- Вакиды арабский историк 87, 98
- Валаш, шахиншах 18
- Валериан, император 15
- Васик, халиф 217, 218
- Васильев А. А., русский историк 208, 238
- Вейль Г., немецкий востоковед 131, 207
- Велид I, халиф 180, 187, 191, (96, 199)
- Велид II, халиф 201
- Велларий, византийский полководец 10, 11
- Вельхаузен Юлиус, немецкий востоковед 28, 164, 166, 195
- Винклер Г., немецкий востоковед 32
- Виноградов П. Г., русский историк 208
- Визт Гастон, французский востоковед 209
- Вольтер, французский философ и писатель 88
- фон Вреде, немецкий путешественник 42, 63, 64
- Габриэли Ф., итальянский востоковед 29, 165
- Геродот, греческий историк 69, 96
- Гиббон, английский историк 33
- Годфруа-Демомбин М., французский востоковед 91
- Гольдциэр И., венгерский востоковед 89, 91
- Гомер, греческий поэт 80
- Гримме Г., немецкий востоковед 90
- де Гуге М. Я., голландский востоковед 206
- Денетт Д., английский востоковед 131, 164
- Джафар ал-Хайят, военачальник 255
- Джафар ибн Яхья, Бармекид 240, 241

- Джебел ибн ал-Айхам, гассанилский малик 138
- Джирджи Зендяй см. Зейдан Джирджи
- Дидро Д., французский просветитель 89
- Диоклетиан, император 4
- Добролюбов Н. А., русский критик 93
- Доти, английский путешественник 41, 47
- Дурейд ибн ас-Симма, поэт 70
- Евфимий, византийский военачальник 245, 246
- Жузе Пантелеймон см. Бандали Джузи
- Заходер Б. Н., советский востоковед 211
- Зейдан Джирджи, современный арабский историк и писатель 29, 208
- Зейпаб, жена Мухаммеда 115
- Зпйад ибн-абихи, наместник в Ираке 175, 178, 184, 194
- Зийадет-аллах I, правитель Ифрикии 245
- аз-Зубейр ибн Аввам, «сподвижник» Мухаммеда 155, 157
- Ибн ал-Асир, арабский историк 205
- Ибн Вахб, арабский купец-путешественник 235
- Ибн Вахб, предводитель хариджитов 161
- Ибн Зийад, наместник в Ираке 180
- Ибн аз-Зубейр Абдаллах, меккаский халиф 180, 181, 184, 189, 194, 196
- Ибн Исхак, биограф Мухаммеда 86, 87, 91, 92
- Ибн ал-Калби, арабский историк 83
- Ибн Нусейр см. Муса ибн Нусейр
- Ибн Халдун, арабский историк и философ 27, 57, 71, 205, 241
- Ибн Хишам, арабский филолог 87
- Ибрахим ибн Аглаб, эмир 219
- Идрис, имам 219
- Идрисиды, династия 219, 250
- Ичиру-ул-Кайс, поэт 53
- Ираклий, император 11, 12, 14, 23, 137, 138, 144, 168
- Ирвинг Вашингтон, американский писатель 93
- Исаак, купец 238
- Исаврийская династия 243
- Исмаил, мифический родоначальник северных арабов 67, 96
- Итах ат-Таббах, военачальник 255
- Йазид, сын Абу Суфиана 154
- Иазид I, халиф 167, 169, 176—178, 180
- Иазид II, халиф 199
- Иазид III, халиф 201
- ал-Иакуби, арабский историк 98, 130
- Иакуб ибн Лейс ас-Саффар, иранский военачальник 218, 265
- Йакут ар-Руми, арабский географ 31, 65
- Иахья ибн Адам, правовед 207
- Иездигерд III, шахиншах 139, 194
- Иейнболл, голландский арабист 207
- Кавад I, шахиншах 20
- Карл Великий, император 237, 238
- Карл Мартелл, майордом 200
- Каролинги, династия 237, 239
- Карра де Во Б., французский востоковед 208
- Кахина, предводительница берберов 189
- Каэтани Леон, итальянский востоковед 29, 32, 33, 91, 131, 133, 164
- Кир (ал-Мукавкис), александрийский патриарх 139, 147
- Климович Л. И., советский востоковед 95
- Константин, император 4

- Коссе́п де Персева́ль, французский востоковед 29
- Кремер Л., немецкий востоковед 208, 209
- Крачковский И. Ю., русский востоковед 26, 58, 81, 86, 103, 163, 206, 235
- Крымский А. Е., советский востоковед 30, 93, 165, 209
- Кусайя ибн Килаб, легендарный основатель «дома собраний» в Мекке 102
- Кутейба ибн Муслим, военачальник 191
- Ламменс Аири, французский востоковед 26, 58, 81, 86, 103, 164, 165, 171
- Лев III Исавр, император 243
- Левн Р., английский востоковед 208, 209
- Ли Стрендж Г., английский востоковед 209
- Людовик II, король 246
- Люис Бернард, английский востоковед 209
- Маадак, руководитель народного движения 19, 20
- Мазьяр, правитель Табаристана 256
- Мамун, халиф 210, 215—217, 226, 231, 239, 244, 245, 248—250, 254, 255, 257, 258
- Мани, основатель манихейства 17
- Мансур, халиф 87, 213—215, 221, 224, 225, 229—231, 237, 240, 242, 247, 251
- Марголиус Д., английский востоковед 26, 208
- Марк К. 8, 67, 222
- Масуди, арабский историк и географ 130, 163, 180, 205, 260, 262, 264, 265
- Махди, халиф 206, 214, 252
- Медников Н. А., русский востоковед 132, 164, 206—208
- Меймуна, жена Муавии 169
- Мерван I, халиф 156, 180
- Мерван II, халиф 202—204, 212
- Мерван ибн ал-Хакам, племянник халифа Османа 156
- Мерваниды, ветвь династии Омейядов 167, 180, 187, 198
- Меровинги, династия 237
- Михаил II Косноязычный, император 244
- Морозов Н. А., советский востоковед 95
- Муавия I, халиф 153, 156—158, 161, 165, 167—170, 174—178, 180, 181, 184, 188, 194, 242
- Муавия II, халиф 168
- Муваффах, фактический правитель Халифата, брат халифа Мутамида 218, 265—267
- Мугира, военачальник 143
- Муканна, предводитель восстания в Мавераннахре 251, 252
- Мунтасир, халиф 217
- Муса ибн Нусейр, арабский полководец 189, 190
- Мусаб ибн аз-Зубейр 181
- Мусанна, военачальник 212
- Мусейлима, ханифский пророк 65, 123, 134, 135
- Мустаин, халиф 217
- Мутаид, халиф 218, 265
- Мутааз, халиф 217
- Мутамид, халиф 218
- Мутасим, халиф 216, 217, 245, 254, 255
- Мутеваккил, халиф 217, 218
- Мухаллиби, один из руководителей зинджей 267
- Мухаммед, пророк 80, 81, 85—95, 99, 104—108, 110, 112, 114—122, 125—128, 132—135, 145—159, 161, 174, 176, 177, 207
- Мухаммед ибн Касым, правитель Кермана 191
- Мухаммед ибн ал-Ханафия, сын халифа Али 182
- Мухаммед Хусейн Хейкаль, современный египетский автор 92
- Мухтсди, халиф 218
- Мюрр Уильям, английский востоковед 90, 93, 131
- Мюллер Август, немецкий востоковед 30, 131, 209
- Надирадзе Л. И., советский востоковед 95

- Неарх, начальник флота Александра Македонского 81
- Нершахи, историк Бухары 168
- Нибур Карстен, датский путешественник 33
- Окба ибн Нафи, военачальник 188
- Омар (ибн ал-Хаттаб), халиф 99, 115, 117, 124, 135, 136, 144—146, 148, 152—154, 157, 158, 160, 167, 194, 207, 268
- Омар II (ибн Абд ал-Азиз), халиф 197—199, 207
- Омейяды, династия 162—167, 169—171, 175—178, 180, 185, 189, 191—193, 195, 197—203, 219—223, 240, 247
- Осман (ибн ал-Аффаи), халиф 85, 99, 136, 153—158, 160, 167, 193, 194
- Палгрев, английский путешественник 34
- Першиц А. И., советский историк 30
- Петр Благочестивый, аббат 8с1
- Петрушевский И. П., советский востоковед 95
- Пипин Короткий, король 237
- Пиренп А., бельгийский историк 236
- Покровский М. Н., советский историк 93
- Пфанимюллер Г., немецкий востоковед 210
- Рейснер М. А., советский горист и историк 93
- Реттер Эддоп, путешественник 50
- Ростемиды, династия 250
- Сабдуков Г. С., русский востоковед 86, 103
- Саджах, пророчица 134
- Сайд ибн Осман, военачальник 168
- Сальман ал-Фариси 118
- Сасаниды, династия 14—16, 31, 62, 139, 140, 199, 219, 240, 242
- Смирнов Н. А., советский востоковед 94
- Смирнов Я. И., русский искусствовед 238
- Смит Робергеон, английский исследователь 27, 28, 68
- Снук Хюргронье К., голландский востоковед 96
- Соважс Ж., французский востоковед 210
- Соловьев В. С., русский философ 93
- Страбон, греческий историк и географ 71
- Стрейс, голландский путешественник 49
- Сулейман, халиф 196, 197
- Сумбат Маг, предводитель восстания в Иране 251
- Сурдель Доминик французский востоковед 209
- Суфнаниды, ветвь династии Омейядов 167, 170—172, 188, 259
- Тааббата Шарран, поэт 63, 75
- ат-Табари, арабский историк 97, 102, 128, 129, 146, 205, 260, 261
- Талха ибн Убейдаллах, «сподвижник» Мухаммеда 99, 155, 157
- Тан, китайская династия 235
- Тарик, военачальник 189
- Таха Хусейн см. Хусейн Таха
- Толстов С. П., советский историк 94, 95
- Томас Бертрам, английский путешественник 34, 43, 44
- Тулейха 135
- Тума Амил, арабский политический деятель 211
- Убейдаллах ибн Зийад, наместник в Куфе 178, 190
- Уотт Монтгомери, английский востоковед 90
- Фаньян Э., французский востоковед 207
- Фатима, дочь Мухаммеда 157, 174, 177
- Феофил, император 254, 255—257
- Филби Дж., английский ис-

- следователь 34, 41, 43, 44, 65
- Фируз, шахиншах 18
- Фома Славянин, предводитель народного восстания 244, 245
- Хаджжадж ибн Иусуф, наместник в Иране 184—187, 191, 192, 194, 233
- Хади, халиф 206
- Хадиджа, жена Мухаммеда 99
- Хакам I, кордовский эмир 245
- Халид ибн ал-Валид, военачальник 124, 135, 137, 146, 153
- ал-Хамдани, арабский историк и географ 31
- Харбутли, современный арабский историк 166
- ал-Харис ибн ал-Хакам 156, 157
- Харун ар-Рашид, халиф 206, 214, 215, 225, 226, 237, 238, 240
- Хасан, сын Али и Фатимы 174, 177
- Хасап ал-Басри, «примерный мусульманин» 193, 194
- Хасан Ибрахим Хасан, современный арабский историк 166
- Хейкаль Мухаммед Хусейн 92
- Хитти Филипп, современный историк 131, 207
- Хпшам, халиф 165, 198—201, 213
- Хосров I Ануширван, шахиншах 21—23
- Хосров II, шахиншах 12, 23, 219
- Хусейн, сын Али и Фатимы 176—178, 194
- Хусейн Таха, современный египетский писатель 26, 91
- Шанфара, поэт 51, 75
- Шапур I, шахиншах 15, 16, 17, 18
- Шапур II, шахиншах 18
- Шахрастани, арабский историк 27, 73, 83
- Шпренгер Алоис, немецкий востоковед 57, 89, 90, 93, 95, 117
- Шу'айб, мифический древнеарабский пророк 106
- Эйнхард, франкский летописец 237
- Энгельс Ф. 61, 78, 80, 222
- д'Эрбело 89
- Юар Клемен, французский востоковед 30, 131, 257
- Юстиниан, император 9—11
- Юстиниан II, император 180
- Якубовский А. Ю., советский востоковед 95, 165, 185, 207, 211, 261

- Аахен 238
 Абадан 263
 ал-Авасым 243, 255
 Аджнадин (Аджнадейн) 136
 Адри'а 120, 121
 Азербайджан 216, 218, 253, 256
 Азия 6, 8, 63, 136, 140, 142, 166, 232
 Азрух 127
 Аила 127
 Айн ат-Тамр (около Куфы) 153
 Акаба 35
 Акабский залив 35
 Аквитания 200
 Акроип (Карахисар) 243
 Аксумское царство см. Эфиопия
 Александрия 8, 12, 130, 139, 140, 154, 245
 Алжир 3, 9
 Альпы 238
 Амман 32
 Аморий 244
 Аму-Дарья см. Джейхун
 Анатолия 219, 243
 Анбар 212, 214
 Андалусия 190, 200, 213, 219, 232, 236, 245
 Антиохия (Антакья) 8, 12, 194, 243, 244
 Апеннинский п-ов 4, 31, 246
 Апулия 246
 Арабский Восток 28, 152, 235
 Аравийский п-ов 30, 31, 33, 34, 37, 39, 48, 67, 78, 80—82, 122
 Аравия 25, 27—36, 41, 42, 46, 49, 50-53, 55-61, 63-67, 70, 74, 77—80, 82, 90, 94, 95, 101, 104, 111, 118, 125—127, 133, 135, 139, 141, 151, 158, 159, 178, 182—184, 190, 203, 207, 235
 Аравия Восточная 60, 261
 Аравия Западная 9, 29, 35—37, 41, 46, 49—52, 79, 81, 84, 103, 117, 180
 Аравия Северная 30, 40, 41, 45, 50—52, 84
 Аравия Центральная 33, 35, 41, 51, 52, 60, 133, 135, 137, 180
 Аравия Южная 9, 33, 57, 61, 62
 Арид 65
 Армения 14, 137, 139, 202, 216, 232, 253
 Аруд см. Иемама
 Асир 37
 Атлантический океан 189, 232
 Афганистан 191, 241
 Афины 100
 Африка 31, 36, 48, 74, 80, 97, 99, 136, 139, 140, 142, 166, 232—235, 260, 268
 Африка Восточная 97, 186, 233, 259
 Африка Северная см. также Магриб 3, 9-11, 61, 128, 185, 188, 189, 192, 200, 213, 219, 232, 241, 246, 250
 ал-Ахкаф (Бахр ас-Сафи) 42
 ал-Ахса см. ал-Хаса
 Баальбек 145, 181, 248
 Баб-эль-Мандебский пролив 36
 Багдад (Мединат ас-салам) 87, 159, 212—220, 229—231, 24

- 235, 239, 242, 249, 251, 261, 265
- Базель 88
- Базз 257
- Баку 211
- Балас 243
- Балканским п-ов 3, 6, 10, 11
- Балтийское море 239
- Балх 240
- Бари 246
- Барка 140
- Басра 39, 150, 153, 154, 157, 175, 182, 185—187, 231—236, 249, 260—264, 268
- ал-Батина 64
- Бахрейн 32, 153, 261
- Бедр 97, 98, 117, 118, 120
- Бейрут 8, 28
- Белуджистан 139
- Бикаа 181, 248
- Ближний Восток 14, 19, 23, 128, 220, 221
- Большой Заб 204
- Борнео 234
- Босфор 12, 173, 174
- Бувейба 138
- Буера 136
- Бухара 168, 190, 234, 251
- Вавилон (в Египте) 139
- Вавилония 14
- Вади-л-Араб 136
- Вади Давасир 39, 41
- Вади-л-Кура 120, 154
- Вади ар-Руми 39
- Вади Сирхан 40
- Вади Фатима 41
- Вали Хауран 40
- Вади-л-Хумс 40
- Васит 185, 249, 265
- Великая пустыня 37—39
- Вестготское королевство 190
- Византийская Восточная Римская империя 3, 8, И, 15, 29, 140
- Византия 3—14, 22, 23, 87, 138, 141, 169, 173, 181, 188, 208, 219, 236, 242—246, 254—255, 257, 259
- Волга Нижняя 239
- Гаронна 200
- Газза 136
- Галлия 200
- Галлия Южная 190
- Гао 232
- Гелиополь 139
- Геллеспонт 243
- Гиза 204
- Гиндукуш 228
- Греция 100
- Гупдишапур 23
- Гута 137
- Дагеста 12
- Дальний Восток 6, 231
- Дамаск 8, 12, 137, 138, 144; 146, 171, 174—177, 180, 181, 183, 198, 213, 247, 250
- ад-Дахиа 37, 42, 44, 45, 48, 65
- Двин 139
- Дейбул 191
- Дейлем 253
- Джабия 146
- Джауф (Джоф) 40, 66
- Джафарийя 217
- Джебел Ахдар 35
- Джебел Кура 36
- Джебел Тувейк 35, 44
- Джебел Хадур 36
- Джебел Шаммар 35, 37, 44, 45
- ал-Джезнра см. также Месопотамия 137, 146, 158
- Джейхун (Аму-Дарья) 139, 190, 215
- ал-Джерба 127
- Джибал 253
- Джидда 40
- Джурджан 253
- ал-Джурф 153
- Дилем 65
- Дуфар 38, 43
- Европа 30, 63, 64, 88, 127, 132, 136, 189, 200, 231, 232, 238
- Европа Восточная 239
- Европа Западная 8, 88, 173, 200, 229, 236, 238
- Евфрат 32, 40, 46, 53, 138, 158, 230 243
- Египет 3, 7, 8, 10—13, 68, 91, 97, 130—132, 139, 140, 146—148, 150—153, 157, 158, 165, 166, 174, 180, 192, 200, 204, 205, 208, 216, 219, 220, 223, 227, 232, 236, 238, 245, 247, 249, 250, 255, 256
- Египет Верхний 130, 140

- Заиорданье 169
 Закавказье 3, 23, 173, 219 250
     252
 Занзибар (аз-Зиндж) 233, 259
 Заперта (Зибарта) 256
 Земзем 97
 Зеравшан 251
 Золотой рог 174
 Зу-Кар 137
- Иерусалим 8, 138, 146, 151,
     167, 183, 237
 Израиль 3, 164
 Инд 191
 Индия 6, 9, 22, 79, 80, 97,
     139, 191, 231—233, 238, 249
 Индийский океан 9, 14, 48, 51,
     80, 97, 232—236
 Индонезия 235
 Иордан 138, 201
 Иордания 3, 6, 82, 152, 164
 Ирак 7, 29, 32, 33, 42, 74, 84,
     97, 108, 117, 150, 154, 157,
     158, 171—176, 180, 181, 183,
     185, 192, 194, 214—223, 230,
     232, 236, 248—250, 259
 Ирак Северный 20
 Ирак Южный 137, 153, 182, 260
 Иран Восточный 173
 Иран Саендский 141
 Испания 88
 Истахр (древний Персеполь)
     23 139
 Исфахан 220, 228, 253
 Италия 9, 238. 246
 Итиль 239
 Ифрикия 140, 153. 157, 189.
     200, 232. 245
- Иармук (Ярмук) 138
 Иасриб (Ясриб) см. также
     Медина 66, 108, 109
 Йемама (Аруд) 32, 64, 65, 103,
     123, 134, 137
 Йемен 9, 23, 32, 36—39, 42,
     50—52. &1—63. 67, 78. 81,
     82, 97. 99. 134, 135
 йеменские горы 36
- Кабул 191
 Кадисия 138
 Каир 92
 Кайруан 150, 189, 200
 Кайсария (Цезария) 138, . 153
- Кала (на Малаккском п-ве)
     233
 Калабрия 246
 Капдия 245
 Кантон (Кан-фу) 234, 236
 Карун 15
 Карфаген 189
 Карх 231
 Каспийское море 239
 Касым 66
 Катар 43
 Кашка-Дарья 251
 Кербела 178
 Керман 191, 233
 Киевская Русь 239
 Киннесрин 247
 Кипр 174
 Киренаика 140
 Китай 6, 8, 9, 22, 79, 97. 232,
     234-236, 238
 Константинополь 3, 6, 8, 10—
     13, 173, 174, 243, 245
 Кордова 213, 245
 Коромандельский берег 233
 Красное море 9, 33, 34, 40, 48,
     49, 50, 80. 97, 232, 238
 Крит 245
 Ктесифон (Мадаин) 12, 14,
     19, 23, 139, 212, 219
 Куфа 150, 153. 154, 157—159,
     161, 175, 178, 182—186, 192.
     194, 212, 214, 230, 232, 235.
     264
- Кхмер (Камбоджа) 236
- Лазика 23
 Ливан 3, 7, 13, 14, 28, 132, 144,
     152, 164, 181, 248
 Ливия 140
 Лион 200
- Маан 35, 51
 Мавераннахр 190, 191, 200,
     203, 251, 252
 Магриб см. также Африка
     Северная 188, 189, 200, 204,
     205, 219, 228, 236
 Мадиаи 35
 Мазандеран 258
 Македония 244
 Макна 127
 Малабарский берег 233
 Малакка 233, 235
 Малаккский пролив 235

- Малатия 256
 Малая Азия (Анатолия) 3, 11, 12, 173, 181, 202, 219, 243, 244, 255
 Малый Нефуд 37
 Манбидж 243
 Марокко 200
 Маскат 35, 49, 233
 Махра 38, 42, 64, 81, 134
 Медина 32, 39, 41, 46, 50, 54, 66, 79, 92, 109—112, 115, 118, 120—124, 126, 132—135, 137, 139, 146, 153, 154, 168, 175, 177, 178, 180, 195, 235
 Мединат ас-салям см. Багдад
 Междуречье 14, 15, 17, 19, 23
 Мекка' 36, 39, 41, 47, 66, 80, 90, 95—108, 111, 117—119, 121, 123—126, 133, 134, 139, 161, 175, 178, 180, 183, 235
 Мерв 139, 191, 251
 Мервский оазис 203
 Мердж Рахит 179
 Мердж ас-Суффар 136
 Мертвое море 34, 50, 136
 Месопотамия (Джезира) 13, 14, 68, 81, 84, 434, 202, 219, 220, 230, 246, 256
 Месопотамия Верхняя 13
 Мессина 246
 Мосул 12, 139
 Мултан 191
 ал-Мухтара 264, 267

 Нахраван 161
 ан-Нежд 32, 35, 37, 38, 41, 42, 52, 60, 65, 97
 Неждран 9, 135
 Нефуд 45, 46, 48
 Нехавенд 139
 Нил 13, 53, 139, 236, 245
 Ниневия 12
 Нисибия 13
 Нишапур 23, 251, 252
 Нуба 153
 Нубия 228

 Оболла 232, 263
 Оман 34, 39, 42, 49—51, 64, 65, 233
 Османская империя 88
 Оход (Ухуд) 118, 121, 124
 Палермо 216
 Пальмира (Тадмор) 198
 Палестина 3, 11—13, 29, 84, 97, 109, 122, 132, 136, 144, 145, 164, 169, 180, 181, 204, 219, 238, 248, 250
 Передняя Азия 14, 61
 Персидский (Басрийский) залив 14, 33, 34, 37, 38, 40, 137, 222, 232, 233
 Пиреней 190
 Пиренейский п-ов 9, 189, 190, 200, 213, 219, 245
 Пуатье 200

 Рей 23, 234, 251
 Рим 18, 246
 ар-Руб ал-Хали (ар-Римал) 42—44, 48, 50, 56
 Русафа (Сергиополь) 198

 Самарканд 190, 234
 Самарра 216, 217, 235, 257
 Самосата 243, 256
 Сана 9, 36, 50, 51, 135
 Санам 252
 Сарат 35, 36, 39, 50
 Сарат, канал 230
 Сахара 232
 Сбейтла 140
 Севад (Южный Ирак) 142, 143, 144, 147, 148, 153, 156, 220, 222
 Сейхун (Сыр-Дарья) 190, 216
 Синд 191
 Сираф 233, 235
 Сиракузы 246
 Сирийская пустыня (Бадийат аш-шам) 31, 40, 50, 51, 56, 66, 136, 177
 Сирия 3, 7, 8, 11—14, 23, 29, 32, 68, 81, 82, 84, 97, 117, 120, 122, 132, 136—139, 143—148, 151, 154, 156, 158, 164—69, 171—176, 180—184, 186, 139, 194, 200—204, 206, 208, 213, 219, 223, 227, 230, 237, 243, 247, 249, 250
 Сиффин 158
 Сицилия 228, 238, 245, 246, 255
 Сокотра 233
 Сомали 48
 Средиземное море 9, 23, 29, 52, 232, 235, 238, 243, 245, 246
 Средиземноморье 22, 79, 81, 173, 236, 245

- Средний Восток 128, 190, 211, 220, 221, 259
- Средняя Азия 173, 190, 199, 200, 203, 212, 216, 219, 228, 232, 236, 241, 250—252
- Судан 228
- Суэиана 15
- Суматра 234
- Сус 265
- Сухар 233
- Суэцкий перешеек 235
- Сыр-Дарья см. Сейхун
- Табаристан 253, 256
- Таиф 35, 36, 50, 51, 66, 80, 100, 101, 107, 123, 126, 184
- Талас 219
- Тарент (Таранто) 246
- Тарентский залив 246
- Таре 243
- Тбилиси 139
- Тебук 127
- Тибет 239
- Тибр 246
- Тигр 14, 159, 204, 216, 222, 230, 231
- Тимбукту 232
- Тихама 32, 35, 37, 38, 48, 49, 81
- Тоledo 190
- Трансоксания см. также Мавераннахр 19ft
- Трапезунд (Трабзон) 235, 236
- Триполи 140
- Триполи (Сирийский) 8
- Тунис 3, 9, 150, 188, 238
- Тур 200
- Уллаис 143
- Украина Южная 3
- Фадак 122
- Фарама (Пелусий) 139
- Фанс 15
- ФаГном 139
- Феззан 140
- Фессалоники 8
- Филиппинские о-ва 234
- Фихль 136, 145
- Фракия 244
- Франция 89, 246
- Фустан 150, 154
- Хаджар 261
- Хадрамаут 38, 42, 60, 62-64, 81, 134, 135
- Хазарский каганат 239
- Хамадан 23, 139, 234, 253, 255
- Харраи 202
- ал-Хаса (ал-Ахса, Лахса) 38, 49, 261
- Хауран 47, 247
- ал-Хашимия 216
- Хейбар 121, 122
- Хиджаз 32, 35, 37, 49—52, 55, 66, 96, 97, 98, 100, 101, 139, 168, 176, 178, 180, 183
- Хиджазские горы 35, 45
- Химс 144, 145, 181, 202, 204
- Химьярское царство 62
- Хира 137, 138, 143, 212, 214, 232
- Хорасан 168, 190—192, 203, 212 253
- Худейбия 119, 121, 123, 124
- Хузистан 15, 182, 232, 260, 263, 265
- Хумдан (Сипаньфу) 235
- Хунейп 126, 154
- Хурейба 157
- Цейлон 9, 80, 233
- Центральное Аравийское плато 35, 37
- Чад 232
- Черное море 23, 52, 232
- Шатт-ал-араб 222? 260, 264
- Швейцария 88
- Эгейское море 244, 245
- Эдесса 13, 15
- Эритрея 51
- Эфес 13
- Эфиопия см. также Аксумское царство 9, 48, 62, 1071
- Япония 234
- Яффа 151

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение.....	3
Глава I. Аравия и арабы в V—VI вв.....	25
Глава II. Возникновение ислама.....	85
Глава III. Образование Халифата.....	128
Глава IV. Халифат Омейядов.....	163
Глава V. Багдадский халифат в VIII—IX вв.....	205
Указатель имен.....	269
Указатель географических названий.....	275

Евгений Александрович Беляев
**АРАБЫ, ИСЛАМ И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ
В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

Второе издание

*Утверждено к печати Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор *М. Д. Панасьянц*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. А. Лолуян*
Корректоры *В. С. Имнадзе* и *Е. Я. Розова*

Сдано в набор 21/IV 1966 г. Подписано к печати 17/VI 1966 г. А-01606.
Формат 84X108^{1/2}. Печ. л. 9,75 в т. ч. 3 вкл. Усл. п. л. 16,38.
Уч.-изд. л. 15,48. Тираж 9000 экз. Изд. № 1693. Зак. 686.

Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Отпечатано с набора 3-й типографии издательства «Наука»
в типографии издательства МГУ Москва, Ленгоры. Зак. 223